

КОНН ИГГУЛЬДЕН

БЛЕСТЯЩАЯ
ИСТОРИЯ,
ЖАЛЬ, ЧТО ЕЕ
АВТОР НЕ Я.

БЕРНАРД
КОРНУЭЛЛ

ВРАТА РИМА ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Врата Рима. Гибель царей

«Азбука-Аттикус»

2003, 2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Врата Рима. Гибель царей / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2003, 2004 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-22557-2

На лоне изобильной природы Апеннинского полуострова крепнет могучее государство. Сердце его – Рим, город, в повседневной жизни которого слава и упадок, чарующая красота и возбуждение кровавых забав причудливо сплелись воедино. На этом живописном фоне двое мальчиков взрослеют в мечтах о славе, завоеванной в рядах самой могущественной армии, какую когда-либо знал мир. Один – сын сенатора, наделенный привилегиями и амбициями, которому многое дано и от которого многого ждут. Другой – внебрачный ребенок, опорой которому лишь его сила да быстрый ум... Пока юные Гай и Марк обучаются искусству боя под руководством одного из самых грозных гладиаторов Рима, противостояние непримиримых соперников – Мария и Суллы, в котором победителю достанется невероятная власть, влечет государство к гражданской войне... Гай и Марк вынуждены идти разными путями, и к тому времени, когда они снова встретятся, все будет иначе. Ожесточенный конфликт, в котором римлянин поднимет оружие на римлянина, подвергнет их дружбу решающему испытанию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22557-2

© Иггульден К., 2003, 2004

© Азбука-Аттикус, 2003, 2004

Содержание

Врата Рима	7
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Конн Иггульден

Врата Рима. Гибель царей (сборник)

Conn Iggulden

THE GATES OF ROME

Copyright © 2003 by Conn Iggulden

THE DEATH OF KINGS

Copyright © 2004 by Conn Iggulden

All rights reserved

© А. С. Коноплев, перевод, 2006

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2023

© С. В. Шикин, иллюстрация на обложке, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Блестящая история, жаль, что ее автор не я. Роман с яркими персонажами, захватывающим сюжетом, динамичным действием и неудержимым темпом. Просто потрясающее чтение!

Бернард Корнуэлл

В том, что касается эпических романов об истории, Иггульдену равных нет.

Daily Mirror

Насыщенный действием захватывающий роман, который увлекает читателя в необыкновенное время и позволяет прикоснуться к жизни настоящего необыкновенного человека.

Дэвид Геммел

Врата Рима

Моему сыну Кэмерону и моему брату Хэлу, члену «Клуба Черного Кота»

Глава 1

Лесная тропинка, по которой шагали двое мальчишек, казалась им широкой дорогой. Оба так перепачкались в густой черной грязи, что распознать в них человеческих существ смог бы далеко не каждый. У того, что повыше, на покрытой засохшей коркой и уже начавшей чесаться физиономии светились необычайно ясные голубые глаза.

– Ну и влетит же нам, Марк, – ухмыльнулся он. В руке у него болталась праща с увесистым, отшлифованным рекой камнем.

– Все из-за тебя, Гай. Говорил же я, что русло еще не высохло.

После этих слов тот, что пониже, со смехом толкнул приятеля в кусты, издал победный вопль и помчался по тропинке. Гай выбрался из кустов и, вертя пращой, бросился вдогонку.

– Вперед! В бой! – завопил он пронзительным, еще не начавшим ломаться голосом.

Об ожидавшей обоих выволочке за испачканные туники можно было пока не думать, да и хитростей, чтобы избежать наказания, сорванцы знали немало, и сейчас их куда больше занимало другое: пронестись побыстрее по лесным тропам, распугивая птиц. Оба были босы, и подошвы уже изрядно загребели, хотя мальчишкам не было еще и восьми лет.

– Сегодня ему не уйти. Все равно догоню! – бормотал, отдуваясь, Гай.

Для него по-прежнему оставалось загадкой, как Марку, при тех же двух ногах и двух руках, удается двигать ими быстрее. Более того, поскольку Марк ниже ростом, то ведь и шаг у него должен быть короче?

По голым рукам больно хлестали ветки. Марк по-прежнему бежал впереди, да еще и выкрикивал какие-то дразнилки. Не хватало воздуха, и Гай ощерился, почувствовав сухое жжение в легких.

Внезапно он вылетел на поляну и, проскользнув по траве, в ужасе остановился. Марк лежал на земле и, держась правой рукой за голову, пытался подняться. Рядом с ним, с палками в руках, стояли трое мужчин. Точнее, не мужчин, а парней.

Гай торопливо посмотрел по сторонам и стиснул зубы от досады. В азарте игры они даже не обратили внимания, что забежали на соседские владения. Ему бы следовало быть внимательнее и заметить тропу, разделяющую два участка, но пыл погони заставил забыть об осторожности.

– Это что ж такое? Пара рыбех из ила выползла!

Говорившего звали Светонием, и он был старшим сыном владельца соседнего поместья. Ему уже исполнилось четырнадцать, он собирался в армию, а пока бездельничал, убивая время. От двух своих младших товарищей Светоний отличался заметно лучше развитой мускулатурой. Падавшие на лоб выгоревшие космы частично скрывали угревую сыпь на лбу и лице; красные прыщи тянулись и ниже, до самой претексты¹. В руках он держал длинную прямую палку-посох, рядом стояли два приятеля помладше, перед которыми можно было порисоваться, а впереди был едва ли не целый день, который требовалось чем-то занять.

Гай испугался. Они с Марком попали на чужую территорию, и рассчитывать на дружеское обращение не приходилось. В лучшем случае им просто надают по шее, в худшем – поколотят

¹ Претекста – toga с пурпурной каймой, которую носили курульные магистраты и мальчики до 16–17 лет.

так, что кости переломают. Похоже, Марку уже врезали чем-то, когда он наткнулся на них на бегу.

– Отпусти нас, Тоний. Нам надо домой.

– Гляньте-ка, говорящая рыбка! Вот так повезло нам. Берите их, ребята. У меня моток веревки с собой – свяжем этих грязнуль, как свиней.

О том, чтобы дать деру, Гай и не помышлял, видя, что Марк бежать не может. Игры кончились; парни были настроены враждебно, и вести себя с ними следовало осторожно, как со скорпионами, готовыми атаковать без предупреждения.

Держа наготове палки, приятели Светония подступили к пленнику. Ни того ни другого Гай прежде не видел. Один из них, подхватив Марка под мышки, заставил его подняться. Второй, туповатого вида толстяк, ткнул Гаю палкой в живот. От боли он согнулся и застонал. Толстяк наблюдал за его мучениями с издевательским смехом.

– Вот здесь подходящий сук! Свяжем им ноги, подвесим головой вниз и будем бросать камни да палки. Посмотрим, кто самый меткий.

– Мой отец знает твоего, – прохрипел Гай, когда боль в животе отпустила.

– Мой твоего терпеть не может. Он – настоящий патриций, не то что твой. Если только захочет, вся ваша семья ему прислуживать будет. А твою сумасшедшую мать я бы полы скрести заставил.

Пока Светоний разглагольствовал, толстяк спутывал Гаю ноги веревкой из конского волоса. Задобрить их было нечем. Отец Гая и в самом деле не имел большого влияния в городе. В роду матери, правда, были консулы. Еще она упоминала дядю Мария...

– Мы сами нобили, и моего дядю Мария лучше не злить!

Рядом коротко вскрикнул Марк – переброшенную через сук веревку натянули, и он повис вниз головой.

– Привяжи веревку к вон тому пню, – с мерзкой ухмылкой распорядился Светоний.

Парни подчинялись ему беспрекословно, и, следовательно, обращаться к ним было бесполезно.

– Отпусти нас, ты, гнойный прыщ! – крикнул Марк, лицо которого потемнело от прилившей крови.

Гай замычал от отчаяния – ну, теперь уж их наверняка убьют.

– Придурок, не трогай его прыщи. Он же от этого бесится.

От изумления брови у Светония поползли вверх. Связывавший Гая толстяк остановился с веревкой в руке. Здоровяк, который закидывал веревку на другой сук, замер.

– Вот и наболтал лишнего, малек! Давай-ка, Деций, заканчивай. Сейчас я ему кровь пущу.

Мир вдруг тошнотворно перевернулся, веревка скрипнула, в ушах зашумело от прилившей к голове крови, и в следующее мгновение Гай повис, медленно вращаясь над землей. Рядом точно в таком же положении болтался Марк. Под носом у него темнела кровь.

– Похоже, Тоний, мне тебя благодарить надо – кровь остановилась, спасибо. – Голос у Марка немного дрогнул, и Гай невольно улыбнулся – храбрости его другу было не занимать.

Марк, когда пришел к ним жить, поначалу сильно волновался и переживал – в том числе из-за своего маленького роста. Гай провел его по поместью, а закончил экскурсию на сеновале, над высокими скирдами. Глядя на кучу сена далеко внизу, Гай заметил, что руки у Марка дрожат.

– Я – первый, покажу, как это делается! – задорно крикнул он и с воплем сиганул вниз.

Обернувшись, он попытался обнаружить сверху Марка, но тот не появлялся. Гай уже решил, что не дождется, но тут в воздух взмыла в высоком прыжке маленькая фигурка. Гай откатился в сторону, и Марк шлепнулся в сено, взметнув облако пыли.

– Думал, испугаешься, – сказал Гай.

– Я испугался. Очень, – тихо ответил Марк. – Но я не хочу бояться. И не буду!

В кружащиеся мысли Гая ворвался суровый голос Светония.

– Вот что: мясо, чтобы было мягкое, отбивают молотками. Займите свои места и приступим. Вот так!

Он размахнулся и палкой ударил Гая по голове. Удар пришелся в ухо.

Мир взорвался белым светом и тут же потемнел, а когда Гай снова открыл глаза, все вокруг вертелось. Какое-то время он еще чувствовал удары и слышал голос Светония: «Раз, два, три!.. Раз, два, три...»

Где-то кричал Марк, но потом все стихло, и Гай провалился в небытие, провожаемый смехом и издевками мучителей.

При свете дня Гай несколько раз приходил в себя, но тут же впадал в забытие. Только в сумерках он наконец по-настоящему очнулся. Правый глаз заплыл, лицо опухло и покрылось липкой коркой. Оба мальчика все так же висели вниз головой, покачиваясь на дувшем с холмов вечернем ветру.

– Марк, очнись! Марк!

Друг не отозвался, даже не пошевелился и выглядел жутковато, как какое-то страшное лицо. Речная грязь высохла и отвалилась, оставив серую пыль с красноватыми и багровыми пятнами. Скула распухла, на виске выросла шишка. Левая рука как будто раздулась и в угасающем вечернем свете отливала синевой. Для начала Гай попробовал пошевелить связанными руками. Они затекли и болели, но слушались, и он попытался высвободиться. Юное тело гибко и податливо, и беспокойство за Марка заглушило даже новые приступы боли. Он должен очнуться. Должен! Но прежде чем позаботиться о друге, надо спуститься на землю.

Высвободив одну руку, Гай потянулся к земле, разворошил пальцами опавшие листья. Ничего. Высвободив вторую руку, он расширил область поиска, изворачиваясь и медленно раскачиваясь по кругу. А вот и удача – пальцы нащупали камешек с острой кромкой. Теперь самое трудное.

– Марк? Ты слышишь? Я сейчас спущусь, не беспокойся. А потом убью Светония и его прихлебателей.

Марк не отвечал – только покачивался с открытым безвольно ртом.

Гай глубоко вдохнул и приготовился к боли. Даже в обычных обстоятельствах выгнуться так, чтобы перерезать веревку камнем, задача нелегкая, а когда живот – сплошной синяк, это дело почти невыполнимое.

Давай.

Он напрягся и, застонав, сложился и рванулся вверх. Пальцы ухватились за сук. Легкие как будто всколыхнулись, в глазах потемнело. Силы ушли. В какой-то момент показалось, что его сейчас вывернет наизнанку и что он продержится не более нескольких секунд. Передохнув, он опустил руку с камнем, отклонился назад и принялся пилить веревку, стараясь не порезать ногу в том месте, где веревка врезалась в кожу.

Увы, камень оказался недостаточно острым, да и держаться долго Гай не мог. Он пытался подготовиться к падению, а не свалиться кулем, когда пальцы просто соскользнут в самый неподходящий момент, но не все получалось так, как хотелось.

– Камень у тебя, – бормотал он. – Попробуй еще разок, пока не нагрянул Светоний.

Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, из Рима вернулся отец – его ждали со дня на день. Вот-вот стемнеет, он забеспокоится. Что, если он уже ищет их, бродит где-то рядом, зовет? Нельзя допустить, чтобы он их нашел в таком виде. Вот будет позор.

– Марк! Скажем им, что мы упали. Не хочу, чтобы отец узнал.

Марк медленно покачивался на поскрипывающем суку и не отзывался.

Гаю понадобилось пять попыток. Пять мучительных подъемов. Преодолевая боль, он возил и возил камнем по веревке, пока она не поддалась. Он грохнулся на землю плашмя и всхлипнул от боли, пронзившей обессилевшие мышцы.

Потом Гай попытался осторожно опустить Марка, но ослабевшие руки не удержали свалившийся на них вес, и друг упал с глухим стуком на землю. Гай даже моргнул и поморщился.

Боль привела Марка в чувство. Он открыл глаза и едва слышно прохрипел:

– Рука...

– Похоже, сломана. Ты ею не двигай. Надо уходить отсюда, пока Светоний не вернулся и пока отец не стал нас искать. Почти стемнело. Встать можешь?

– Могу. Только ноги слабые, едва держат. Этот Тоний – просто говнюк, – пробормотал Марк.

Говорил он неразборчиво, едва шевеля разбитыми и опухшими губами и стараясь не двигать челюстью.

Гай хмуро кивнул:

– Точно. За нами должок.

Марк улыбнулся и тут же охнул от резкой боли в потрескавшихся губах.

– Только сперва чуть подлечимся, ладно? Прямо сейчас я с ним схватиться не готов.

Поддерживая друг друга, друзья побрели в темноте домой – через засеянные поля, потом мимо барачных для рабов – к главным постройкам. На стенах дома уже горели масляные лампы.

– Тубрук наверняка ждет нас. Он никогда не спит, – проворчал Гай, когда они входили в ворота.

И тут же оба вздрогнули от раздавшегося из тени голоса.

– А вот это верно! Жаль было бы пропустить такое зрелище. Вам еще повезло, что отец Гая не вернулся. Уж он бы шкуру с вас спустил. Это ж надо, явиться на виллу в таком виде. Ну, что на этот раз?

Тубрук ступил в желтую полосу света от масляных ламп. Бывший гладиатор, здоровяк, он купил должность управляющего скромным поместьем под Римом, о чем ни разу не пожалел. Отец Гая говорил, что люди с такой деловой хваткой встречаются редко, может быть, один на тысячу. Рабы подчинялись ему беспрекословно – кто-то из страха, кто-то – из уважения.

Тубрук принял:

– Никак в речку свалились, а?

Гай и Марк закивали, выказывая свое полное согласие с таким толкованием событий.

– Погоди-ка. А следы от палки тоже оттуда? Светоний, да? Эх, жаль не надрал ему задницу, пока мал был, тогда, может, и на пользу пошло бы. Так что?

– Нет, Тубрук. Мы сами. Поругались, потом подрались. Никаких посторонних там не было. А если кто и был, то мы потом разберемся, ладно?

Тубрука такое объяснение только позабавило. Ему исполнилось сорок пять, и поседеть он успел к сорока. В свое время он повоевал в Африке в составе Третьего Киренаикского легиона, потом поучаствовал почти в сотне гладиаторских боев, напоминанием о которых служили многочисленные шрамы. Опустив на голову Гаю широкую, как лопата, ладонь, Тубрук взъерошил густые волосы толстыми, неуклюжими пальцами.

– Понимаю, волчонок. Вижу, в отца пошел. Но ты еще мальчишка, а Светоний – или кто-то там еще, – как говорят, вот-вот отправится служить. Будь осторожен, его отец – человек очень влиятельный, а нам враги в сенате ни к чему.

Гай вытянулся в полный рост и с самым бесстрастным видом, какой только смог принять, попытался настоять на своем.

– Выходит, нам повезло, потому что Светоний к этому делу никаким боком.

Тубрук кивнул, сделав вид, что полностью с ним согласен, и постарался скрыть улыбку.

Почувствовав себя увереннее, Гай добавил:

– Пришли к нам Луция, пусть займется нашими ранами. У меня сломан нос, у Марка, похоже, рука.

Мальчики побрели в дом, а Тубрук проводил их долгим взглядом и вернулся на свой пост у ворот. Он всегда выбирал для себя первую стражу. Приближалось лето с его невыносимо жаркими днями. Ясное небо над головой, достойная работа впереди – жизнь хороша.

На следующее утро истерзанное тело – все его мышцы, суставы, синяки и порезы – зашлось протестующим криком нестерпимой боли. Два первых дня после случившегося были самыми тяжелыми. У Марка началась лихорадка, попавшая в голову, как объяснил лекарь, от сломанной кости. Раздувшуюся до невероятных размеров руку обездвижили, привязав к дощечке. Жар не спадал несколько дней, и все это время Марк лежал в темной комнате, пока Гай угрюмо слонялся снаружи или сидел на ступеньках.

После стычки в лесу прошла почти неделя. Марк не вставал и был слаб, но уже понемногу выздоравливал. Мышцы все еще отзывались тупой болью при каждом физическом усилии, лицо покрывали желтоватые и багровые пятна и гладкие заплатки заживающей кожи. Однако же время пришло. Время найти Светония.

Гай брел по семейному лесу, и мысли путались от боли и страха.

Что, если Светоний не появится? С какой стати ему каждый день болтаться по лесу? Что, если он опять будет с приятелями? Они же просто убьют его. Гай захватил с собой лук и теперь на ходу пытался натянуть тетиву. Лук был слишком велик для него, но если упереть нижним концом в землю и положить стрелу, то Светоний может и испугаться.

– Светоний, ты, гнойный мешок дерьма! Увижу на нашей земле – получишь стрелу в башку! – громко повторял на ходу Гай.

Лучшей погоды для прогулки по лесу нельзя было и пожелать. Но насладиться ею в полной мере Гаю не давала серьезная цель, приведшая его сюда. На этот раз он смазал свои каштановые волосы маслом и надел чистую, простую и не стеснявшую движений одежду.

Он еще находился на своей стороне от разделявшей два владения границы, когда услышал голоса. По широкой тропе, беззаботно обнимая хихикающую девчонку, шел Светоний. Увлеченный спутницей, он не сразу заметил Гаю.

– Ты нарушил границу! – резко сказал Гай, с удовлетворением отметив про себя, что голос не дрогнул и прозвучал ровно, хотя и высоко. – Ты на земле моего отца!

От неожиданности Светоний вздрогнул и выругался, но потом, разглядев, кто ему противостоит, расхохотался.

– А вот и волчонок! Прямо-таки оборотень какой-то. Мало в прошлый раз всыпали?

Девчонка была симпатичная, но Гай предпочел бы, чтобы она ушла. Присутствия при схватке такой особы он не предвидел и теперь чувствовал, что рядом с ней Светоний еще опаснее.

Между тем Светоний с показной заботой обнял подружку.

– Осторожно, дорогуша! Это опасный воин. И особенно страшен, когда висит вверх ногами, – тогда его просто не остановить!

Он рассмеялся собственной шутке, девчонка присоединилась к нему.

– Это тот, про которого ты говорил, Тоний? Посмотри, какая злобная рожа!

– Увижу здесь еще раз – застрелю, – торопливо предупредил Гай и на пару дюймов натянул тетиву. – Убейся или получишь стрелу!

Светоний уже не улыбался и, похоже, оценивал и противника, и всю ситуацию.

– Ладно, волчонок, так и быть – получай, раз сам напросился!

Внезапно Светоний бросился на него, и Гай, не подготовившись толком, отпустил тетиву. Стрела пробила тунику и, не причинив никакого вреда, упала на землю. Светоний издал тор-

жествующий вопль и, выставив руки, двинулся вперед. Судя по его злобному взгляду, пощады ждать не приходилось. Поддавшись панике, Гай махнул луком и угодил неприятелю в нос. Брызнула кровь, из глаз покатались слезы, и Светоний взревел от боли. Схватив мальчишку одной рукой, он другой сжал ему горло и оттащил на несколько шагов.

– Чем еще грозить будешь? – прорычал Светоний, сжимая пальцы. Из носа у него текла кровь, капли падали на тунику. Вырвав лук и не отпуская горло, он принялся осыпать Гая ударами.

«Убьет и скажет, что так случайно получилось, – с отчаянием подумал Гай. – По глазам видно, что убьет. Я уже дышать не могу».

Он пытался отбиваться, но колотил по большей части воздух. Все вокруг, словно во сне, затянуло серым туманом, заложило уши. А потом он вообще перестал что-либо чувствовать, и Тоний бросил его на влажные листья.

Часом позже Тубрук нашел Гая на тропе и привел в чувство, плеснув воды на разбитую голову. Лицо снова покрылось коркой запекшейся крови. Еще не заживший толком глаз заплыл, так что с одной стороны Гай видел только темноту. Светоний уже во второй раз сломал ему нос, все остальное представляло собой сплошной синяк.

– Тубрук, – пробормотал Гай, приходя в себя, – я свалился с дерева.

Смех бывшего гладиатора отозвался эхом в густом лесу.

– Свою храбрость, парень, ты доказал – тут сомнений нет! А в твоем умении драться я что-то сомневаюсь. Пора тебе научиться этому делу, пока не убили. Вот вернется отец из города, я с ним поговорю.

– Ты же не расскажешь ему, ну... как я свалился с дерева? Пока падал, столько веток поломал. – Из разбитого носа текла кровь, и Гай ощущал ее привкус во рту.

– Дереву-то досталось? Ты хоть раз в него попал? – спросил Тубрук, глядя на измятые листья.

– Ну, теперь у дерева нос такой же, как у меня.

Гай попытался улыбнуться, но его вырвало в кусты.

– Хм-мм... Думаешь, этим все кончилось? Я не могу допустить, чтобы ты продолжал в том же духе. Не хочу видеть, как тебя покалечат или убьют. Твой отец, уезжая в город, рассчитывает, что ты учишься вести себя достойно как его наследник и патриций, а не затеваешь бессмысленные драки, словно какой-нибудь уличный оборванец. – Тубрук на секунду отвлекся, чтобы поднять валяющийся в кустах сломанный лук. Тетива лопнула, и он недовольно поцокал языком. – А вот за то, что стащил лук, мне бы следовало тебя поколотить.

Гай печально кивнул.

– Все, больше никаких драк, ясно?

Тубрук поднял его и стряхнул с туники прилипшую грязь.

– Ясно, больше никаких драк. Спасибо, что пришел за мной.

Гай сделал несколько неуверенных шагов и едва не упал. Старый гладиатор вздохнул, поднял мальчишку на плечо и понес домой. «Берегись!» – предупреждал он, ныряя под низкие ветки.

К следующей неделе Марк практически поправился, если не считать руки, которая оставалась обездвиженной. Темноволосый и невысокий – почти на два дюйма ниже Гая, – он отличался крепкими ногами и сильными руками, которые были непропорционально длинны. Марк утверждал, что эта его особенность поможет ему стать большим мастером рукопашного боя, поскольку ему будет легче дотянуться мечом до врага. Он также умел жонглировать четырьмя яблоками и даже хотел попробовать делать то же самое с ножами, но рабы на кухне рассказали о его планах матери Гая, Аврелии. И она накричала на беднягу так, что он пообещал выбро-

силь эту затею из головы. Мало того, с тех пор Марк каждый раз опасливо оглядывался, беря нож для еды.

Когда Тубрук принес едва живого Гая на виллу, Марк как раз пробрался на кухню, где с увлечением собирал пальцами жир со сковород. Услышав голоса, он пробежал вдоль стоящих в ряд массивных кирпичных печей к комнате Луция.

Каждый раз, так или иначе пострадав, они шли к Луцию, рабу-лекаря, пользовавшему как рабов, так и членов семьи. В своей комнате он накладывал повязки, промывал гнойные раны настоем из личинок, вырывал клещами больные зубы и зашивал порезы. Спокойный и терпеливый Луций, сосредоточившись на работе, имел привычку шумно дышать носом. Со временем его сопение стало ассоциироваться у мальчиков с покоем и безопасностью. Гай знал, что после смерти отца Луций получит свободу – в награду за его молчаливую заботу об Аврелии.

Пока Луций уже во второй раз возился со сломанным носом Гая, Марк сидел рядом и жевал хлеб с подгоревшим жиром.

– Получается, Светоний тебя опять побил? – спросил он.

Гай кивнул; говорить он не мог, а глаза застилали слезы.

– Вот подождет бы меня, вместе бы мы его поколотили.

Гай не мог даже кивнуть. Закончив ощупывать носовой хрящ, Луций резким движением поставил его на место. Свежая кровь хлынула на ту, что пролилась раньше и уже запеклась.

– Осторожней, Луций! Ты мне чуть нос не оторвал!

Луций улыбнулся и принялся нарезать полотняные полоски, чтобы обвязать ими голову.

Воспользовавшись паузой, Гай повернулся к приятелю:

– У тебя рука сломана и трещины в ребрах. Ты не можешь драться.

Марк задумчиво на него посмотрел:

– Попробуешь еще? Он тебя убьет.

Гай спокойно посмотрел на него поверх повязки; Луций собрал свои лекарские принадлежности и встал.

– Спасибо, Луций. Он не убьет меня, потому что я побью его. Просто надо изменить стратегию, вот и все.

– Он убьет тебя, – повторил Марк, кусая вялое яблоко, украденное из зимних запасов.

Прошла еще неделя, прежде чем Марк, поднявшись на рассвете, приступил к упражнениям, развивающим, по его мнению, качества, необходимые будущему великому воину. Жил он в тесной комнатке со стенами из белого камня, где стояли только кровать да сундук с его пожитками. Гай спал в соседней комнате, и по пути в уборную Марк пнул ногой дверь, чтобы разбудить друга. В маленькой уборной он встал перед одной из четырех обложенных камнями дыр, которые вели в сток с проточной водой. Благодаря этому инженерному чуду неприятный запах практически отсутствовал, а нечистоты смывались в речушку, пробегавшую по дну долины. Сняв каменную крышку, Марк облегчился.

Возвращаясь к себе и не встретив Гая, Марк открыл дверь, чтобы отчитать приятеля за лень. Комната, однако, была пуста, и Марк разочарованно покачал головой.

– Мог бы и меня с собой взять. Зачем же так явно показывать, что я тебе не нужен.

Поспешно одевшись, он отправился за Гаем.

Солнце уже выглянуло из-за края долины, осветив поместье и поля с вышедшими в первую смену рабами. Даже в прохладе леса легкий туман быстро таял в утренних лучах.

Гая Марк обнаружил на границе поместий, совершенно безоружного. Он подошел к другу сзади, и тот, заслышав шаги, обернулся с перекошенным от страха лицом.

– Хорошо, что пришел. Не знаю, когда он появится, вот и жду. Принял тебя за него.

– Знаешь, я ведь мог с тобой вместе подождать. Мы же друзья. И мне тоже надо с ним посчитаться.

– У тебя сломана рука, Марк. К тому же за мной два долга, а за тобой только один.

– Так-то оно так, но я бы мог прыгнуть на него с дерева или поставить подножку, когда он побежит.

– Одними уловками не победишь. Я одолею его силой.

Марк не нашелся что сказать. В голосе и выражении лица его обычно жизнерадостного друга чувствовалось что-то холодное и неумолимое.

Солнце медленно ползло все выше, тени менялись. Марк присел на корточки, а потом и вытянул ноги перед собой. Заговаривать первым он не спешил. Гай настроился на серьезный лад – пусть. В отличие от него, Марк не собирался торчать здесь весь день. Тени продолжали укорачиваться. Марк отмечал их положение палочками – получилось, что они прождали три часа, прежде чем на тропинку бесшумно вышел Светоний. Увидев двух друзей, он лениво улыбнулся и остановился.

– А ты начинаешь мне нравиться, волчонок. Пожалуй, я убью тебя сегодня или сломаю тебе ногу. Как по-твоему, что справедливее?

Гай улыбнулся в ответ, выпрямился в полный рост и расправил плечи.

– На твоём месте я бы тебя убил. Не убьешь – я буду драться с тобой до тех пор, пока не стану большим и сильным и не убью тебя. А когда убью – заберу твою женщину и отдам своему другу.

Марк слушал Гая с ужасом. Не лучше ли убежать, пока не поздно?

Светоний, прищурившись, посмотрел на мальчишек и достал из-за пояса короткий, пугающего вида кинжал.

– Волчонок и рыбеха, вы такие тупые, что на вас даже злиться не хочется. Но вы твякаете, как шавки, так что придется все-таки языки вам обрезать.

В следующий момент Светоний бросился к ним, но добежать не смог. Внезапно земля с треском провалилась, и он исчез в облаке пыли и листьев.

– Я приготовил для тебя волчью яму! – радостно выкрикнул Гай.

Четырнадцатилетний парень прыгал на стенки ямы, а Гай и Марк развлекались тем, что наступали ему на пальцы, когда он пытался ухватиться за сухую траву. Светоний сыпал проклятиями и угрозами, а мальчишки издевательски ухмылялись и хлопали друг друга по спине.

– Я мог бы бросить на тебя камень потяжелее, как делают на севере с волками, – негромко сказал Гай, когда Светоний устал прыгать и угрюмо притих. – Но ты не убил меня, и я не убью тебя. Я, может быть, даже не скажу никому, что мы поймали тебя в волчью яму. Удачи, и выбирайся как знаешь.

Он издал воинственный клич и сорвался с места. Марк последовал за ним. Восторженные вопли постепенно смолкли в лесу.

– Ты же говорил, что победишь его силой, – бросил Марк через плечо.

– Конечно. Так оно и получилось. Я же копал эту яму всю ночь!

Солнце мелькало в кроне деревьев, и друзьям казалось, что весь мир принадлежит им и они могут бежать вот так весь день.

Оставшись один, Светоний в конце концов вскарабкался по стене, ухватился за край, подтянулся и вылез из ямы. Некоторое время он сидел на краю, созерцая испачканную тунику. По дороге домой он долго хмурился, но, когда вышел из леса на солнечную опушку, неожиданно для себя рассмеялся.

Глава 2

Гай и Марк шли следом за Тубруком, размечавшим новое поле под посадки. Через каждые пять шагов он останавливался, протягивал руку, и Гай подавал ему колышек из тяжелой корзины. Сам Тубрук нес деревянную палку с намотанной на нее бечевой. Демонстрируя завидное терпение, он обвязывал бечеву вокруг колышка, передавал моток Гаю и вбивал колышек в твердую землю. Время от времени Тубрук останавливался, оглядываясь на уходящую вдаль линию разметки и удовлетворенно хмыкал.

Работа была скучная, монотонная, и мальчики думали только о том, как бы поскорее сбежать на Марсово поле, где можно всласть наиграться.

– Держи ровно! – прикрикнул на Марка Тубрук, заметив, что помощник поглядывает по сторонам.

– Долго еще? – спросил Гай.

– Столько, сколько нужно, чтобы сделать дело как должно! Поле надо разметить, потом вбить столбики и обозначить границу. Твой отец хочет увеличить доход от хозяйства, и здесь подходящая почва для инжира, который хорошо продается на городских рынках.

Гай окинул взглядом зеленые и золотые холмы, принадлежащие его отцу.

– У нас богатое поместье?

– На еду и одежду хватит! – усмехнулся Тубрук. – Но для ячменя и пшеницы площадей недостаточно. Получать большой урожай мы не можем, поэтому выращиваем то, на что в городе хороший спрос. В цветниках мы выращиваем растения, из семян которых давят масло для знатных горожанок, любящих мазать им лица. Вдобавок твой отец купил дюжину ульев для новых пчелиных роев. Через несколько месяцев, ребята, у вас будет мед на столе. К тому же за него дают хорошую цену.

– А нам разрешат помочь с ульями? – неожиданно заинтересовался Марк.

– Может быть, хотя пчелы требуют осторожного обращения. Старик Тадий держал пчел до того, как попал в рабство. Надеюсь, он поможет нам собирать мед. Пчелы не любят, когда у них забирают запасенное на зиму, и тут нужна сноровка. Держи колышек ровно – это стадий, шестьсот двадцать пять футов. Здесь у нас будет угол.

– Мы тебе еще долго будем нужны, Тубрук? Хотели взять пони и съездить в город, послушать ораторов на Форуме.

Тубрук фыркнул:

– Другими словами, вы хотели поехать на Марсово поле и погонять на пони с другими мальчишками, так? Сегодня нам осталось разметить всего одну сторону, и завтра будем вбивать столбики. Еще час или два.

Мальчики уныло переглянулись. Тубрук положил на землю палку с бечевкой и деревянный молоток, со вздохом потянулся и легонько похлопал Гаю по плечу.

– Мы работаем на твоей земле, не забывай! Она принадлежала отцу твоего отца и перейдет твоим детям, если они у тебя будут. Смотри!

Тубрук опустился на колени и расковырял колышком землю, так что показался чернозем. Он захватил горсть, растер пальцами комочки и показал мальчикам. Гай и Марк удивленно наблюдали за ним.

– На этом месте, где мы стоим сейчас, сотни лет стояли римляне. Эта земля – не просто земля. Это мы, прах тех мужчин и женщин, что умерли до нас. Вы вышли из нее и в нее вернетесь. Другие пройдут по вашему праху, не зная, что когда-то здесь стояли вы, такие же живые, как они сами.

– Наша семейная гробница – у дороги в город, – пробормотал Гай. Ему стало немного не по себе от серьезного тона Тубрука.

Старый гладиатор пожал плечами:

– Наш народ живет здесь дольше, чем стоит город. Мы проливали кровь и умирали на этих полях в войнах, о которых никто не помнит. И мы, возможно, тоже будем проливать кровь и умирать в будущих войнах. Положи сюда руку.

Видя, что Гай не спешит, Тубрук взял его руку, прижал к развороченной земле и сжал пальцы.

– Парень, в твоей руке история. Эта земля видела то, чего не можем видеть мы. В твоей руке твой род и весь Рим. Эта земля будет давать урожай, кормить нас, зарабатывать нам деньги, чтобы мы могли наслаждаться жизнью. Без нее мы – ничто. Земля – все, и, куда бы ты ни ушел, только она будет по праву твоей. Только эта, обычная черная грязь, которую ты держишь в руке, будет твоим домом.

Наблюдавший за всем этим с серьезным выражением Марк наконец спросил:

– И моим тоже?

Тубрук ответил не сразу и некоторое время только смотрел пристально в глаза Гаю, сжимавшему в руке горсть земли. Потом с улыбкой повернулся к Марку:

– Конечно, парень. Разве ты не римлянин? Разве город не принадлежит тебе, как и всем остальным? – Он снова посерьезнел. – Но это поместье – собственность Гая. Однажды он станет его хозяином и, глядя на тенистые фиговые рощи и ульи с жужжащими пчелами, вдруг вспомнит, что был когда-то мальчишкой и думал только о том, как позадаваться перед другими мальчишками на Марсовом поле.

По лицу Марка скользнуло облачко грусти, но его никто не заметил.

Гай разжал пальцы, и земля высыпалась, а Тубрук разровнял ее и утрамбовал.

– Тогда давай продолжим, – сказал Гай, и Тубрук кивнул и поднялся.

Солнце уже садилось, когда мальчишки проехали по одному из мостов через Тибр и направились на Марсово поле. Тубрук заставил их помыться и надеть чистые туники. Несмотря на поздний час, большое поле было заполнено римской молодежью. В одном месте юноши состязались в метании диска и копья, в другом перебрасывались мячом, в третьем, под одобрительные крики зрителей, демонстрировали приемы верховой езды. Гай и Марк особенно любили смотреть борцовские поединки и состязания на колесницах. Несмотря на юные годы, оба были неплохими наездниками и уверенно делали самые разные упражнения. На опасных поворотах они крепко сжимали ногами бока своих скакунов.

Гай огляделся, но Светония, к своей радости, не заметил. После случая с волчьей ямой они больше не сталкивались, и Гая такой вариант вполне устраивал: он победил и черта подведена. Дальнейшая вражда означала бы только новые неприятности.

Подъехав к группе ребят примерно одного с ними возраста, Гай и Марк поприветствовали их и спешили. Знакомых здесь не нашлось, но встретили новеньких вполне дружелюбно. Всеобщее внимание привлекал мужчина с метательным диском в правой руке.

– Это Тани, чемпион легиона! – сообщил Гаю один из ребят.

Тани развернулся, крутанулся и запустил диск в сторону заходящего солнца. Кто-то одобритительно свистнул, кто-то захлопал.

Тани повернулся к зрителям:

– Будьте внимательны! Сейчас прилетит обратно!

К упавшему диску подбежал какой-то мужчина и, подняв его, отправил обратно. Теперь диск полетел по широкой дуге, и толпа бросилась врассыпную. Один парнишка замешкался, не успел увернуться, и диск с глухим стуком угодил ему в бок. Бедняга упал, хватая ртом воздух, и застонал. Тани поспешил к нему.

– Хорошо принял, парень! Живой?

Пострадавший кивнул, с трудом поднимаясь и держась за ушибленный бок. Тани хлопнул его по плечу и, наклонившись, ловко подобрал диск.

– А скачки будут? – спросил Марк.

Несколько ребят повернулись и оценивающе посмотрели на мальчишку и крепкого, приземистого пони, выбранного Тубруком.

– Пока нет. Мы пришли посмотреть поединки борцов, но они закончились час назад.

Говоривший указал на вытоптанный круг. Стоявшие группами люди разговаривали и ели.

– Я умею бороться, – быстро вставил Гай, и лицо его оживилось. – Можем устроить свое состязание!

Ребята зашумели – предложение вызвало интерес.

– По парам?

– Все сразу. Победитель – тот, кто останется на ногах, – объяснил Гай. – Только нужен приз. Может, скинемся, кто сколько может, и последний забирает все?

Ребята посоветовались, и многие полезли за монетками, которые отдавали самому рослому и уверенному из них. В пригоршне у него быстро выросла горка монет.

– Я – Петроний, – назвался он. – У нас около двадцати квадрансов. Сколько у вас?

– Марк, есть деньги? У меня пара бронзовых.

Гай отдал свои, а Марк добавил еще три.

Петроний снова пересчитал деньги и улыбнулся:

– Приличная сумма! Раз уж я тоже буду участвовать, надо, чтобы кто-то подержал деньги, пока я их не выиграю.

Он с ухмылкой посмотрел на новичков.

– Я подержу, – подала голос какая-то девчушка, подставляя под монеты сложенные лодочкой ладони.

– Это моя сестра, Лавия, – объяснил Петроний.

Девочка – уменьшенная копия брата, такая же коренастая – подмигнула Гаю и Марку.

Оживленно переговариваясь, вся группа направилась к размеченному участку; лишь несколько человек предпочли остаться зрителями. Кроме Петрония, который, как настоящий борец, уже приступил к разминке, Гай насчитал еще семерых.

– Какие правила? – спросил он, делая наклоны.

Петроний жестом подозвал остальных.

– Не бить кулаком! Кто упал на спину – выходит. Согласны?

Все закивали. Настроение изменилось, атмосфера накалялась, и участники уже поглядывали друг на друга неприязненно.

– Я подам знак начинать, – раздался голос Лавии. – Готовы?

Все снова молча закивали. Гай заметил, что к участку подтягиваются любопытные из числа тех, кто всегда готов поглазеть и сделать ставку.

Пахло свежей травой, и Гай, глубоко вдохнув, ощутил прилив сил. На память пришли слова Тубрука о земле Рима, напитанной кровью и прахом предков. Он принял борцовскую стойку. Время словно остановилось. На другом участке дискбол Тани раскрутился и метнул диск, взлетевший по высокой дуге над Марсовым полем. Покрасневшее на закате солнце коснулось теплыми лучами застывших в напряженных позах мальчиков.

– Начали! – крикнула Лавия.

Гай мгновенно упал на колено, уклоняясь от удара в голову, и тут же вскочил, сбив с ног ближайшего противника, который растянулся на пыльной траве. Кто-то врезался Гаю в бок, но он отступил в сторону, и нападавший грохнулся на землю, ловя ртом воздух.

Марк сошелся с Петронием. Схватив один другого за плечи, они упорно мерились силой. В их поединке вмешался третий – он с разбега впился в Петрония, и все трое свалились

в кучу-малу. Пока Гай, на мгновение расслабившись, наблюдал за этой сценой, чья-то рука обхватила его сзади за шею и сдавила горло. Гай лягнул ногой, проехав сандалией по голени, и с силой двинул назад локтем. Хватка ослабла, и тут их снесла с ног налетевшая кутерьма. Гай больно ударился о землю и попытался откатиться в сторону, но чья-то нога прошла по его щеке, ободрав кожу.

Волна злости всколыхнулась и тут же опала – он понял, что обидчик даже не заметил, что случилось.

Отойдя за границу площадки, Гай переключил внимание на Марка, сумевшего остаться на ногах. Петроний лежал, распластавшись, и не проявлял к происходящему ни малейшего интереса. Компанию Марку составляли двое парней. Собравшаяся толпа шумно поддерживала участников и делала ставки. Схватив одного из соперников двумя руками, Марк попытался оторвать его от земли и бросить, но мальчишка, потеряв опору, отчаянно задергался, и Марк потерял равновесие. Третий парнишка мгновенно увидел свой шанс и, обхватив Марка сзади, завалил его на спину.

Вскинув руки и восторженно вопя, победитель вскочил и побежал по периметру площадки. Марк рассмеялся и, поднимаясь, отряхнулся от пыли.

Гай втянул в легкие вечерний летний воздух.

За Марсовым полем – не близко, но и не далеко – виднелся город, построенный много веков назад на семи древних холмах. Вокруг шумел его народ, а под ногами была его земля.

В жаркой темноте, рассеять которую тщился блеклый свет убывающей луны, двое мальчишек молча возвращались домой по полям и тропинкам поместья. В воздухе витал аромат цветов, в кустах пели сверчки. Мальчики шли к углу размеченного днем поля, туда, где стояли с Тубруком и где бывший гладиатор разрыхлил колышком землю.

Худеющий полумесяц не мог разогнать тьму, так что Гай держался поближе к натянутой бечевке. Достигнув цели, он остановился, достал из-за пояса тонкий нож, который позаимствовал на кухне, и, переведя дух, провел острым лезвием по подушечке большого пальца. Порез получился глубже, чем хотелось бы, и по руке потекла кровь. Гай передал нож другу и поднял руку повыше, чтобы остановить кровотечение.

Марк проявил большую осторожность и со второй попытки получил царапину, из которой удалось выдавить несколько капель крови.

– Ну вот, а я едва палец не отрезал! – недовольно пожаловался Гай.

Марк постарался сдержать улыбку, но у него не получилось. Прижав один к другому два порезанных пальца, они подождали, пока кровь смешается. Гай сунул палец во взрыленную днем землю. Марк, хотя и с большей опаской, последовал его примеру.

– Теперь ты тоже часть поместья, а мы – братья, – сказал Гай.

Марк кивнул, и они молча направились к белеющим в темноте постройкам. В какой-то момент Марк почувствовал, как на глаза навернулись слезы, и торопливо вытер их рукой, размазав по щеке.

Гай забрался на ворота и, заслонив ладонью глаза от яркого солнца, наблюдал за дорогой, уходящей в сторону Рима. О приезде хозяина поместья сообщил Тубрук, и Гай хотел увидеть отца первым. Он даже поплевал на ладонь и провел по своим растрепанным темным космам.

Что ни говори, приятно отвертеться от рутинных домашних обязанностей. Ходившие по поместью рабы редко поднимали голову, и Гай испытывал необычное чувство: он наблюдал за людьми, а они его не видели. Наконец-то можно насладиться уединением и покоем. Где-то внизу его наверняка искала мать, чтобы вручить корзину и потащить с собой собирать фрукты, или, может быть, Тубруку требовался помощник, чтобы смазать воском и маслом кожаную

упряжь, или нашлась бы еще тысяча мелких дел. Представляя, сколько всего он мог бы делать, но не делает, Гай развеселился. Они там ищут его, а он здесь, спрятался в своем укрытии.

Над дорогой появилось облачко пыли, и Гай поднялся и вытянулся в полный рост. Всадник был пока еще далеко, но эта дорога вела лишь к их поместью и несколькими соседним, и шансы, что это отец, были довольно велики.

Картина прояснилась через несколько минут, и Гай, издав вопль, кубарем скатился на землю. Ворота были тяжелые, но он налег на них всем своим весом, и они со скрипом подались. Гай протиснулся в щель и побежал навстречу отцу, шлепая детскими сандалиями по утоптанной дороге и работая руками.

Отец отсутствовал целый месяц, и мальчик хотел похвастать тем, как вырос за это время. Ему все так говорили.

– Папа!

Отец услышал его и остановился. Вид у него был усталый, одежда запылилась, но в уголках голубых глаз уже проступила морщинками улыбка.

– И кого же это я здесь вижу, бездомного попрошайку или маленького бандита? – Он протянул руку, Гай ухватился за нее, взлетел в воздух и, приземлившись на круп лошади, прижался к отцовской спине.

– А ты подрос с тех пор, как мы виделись в прошлый раз, – добродушно заметил отец, направляя лошадь к воротам.

– Немножко! Тубрук говорит, я расту как овес!

Отец кивнул в ответ, и остаток пути они проделали в дружелюбном молчании. У ворот Гай соскочил с лошади и открыл их пошире – так, чтобы хозяин мог въехать в поместье.

– Ты сейчас надолго?

Отец спешил и потрепал сына по голове, взъерошив волосы и одним движением сведя на нет все старания мальчика.

– На несколько дней. Может быть, на неделю. Хотел бы остаться подольше, но моя работа нужна республике. – Он передал сыну поводья. – Отведи старину Меркурия в конюшню и почисти как следует. Увидимся потом – сначала мне надо проверить, как идут дела, и поговорить с твоей матерью.

При упоминании Аврелии лицо Гая напряглось, что не осталось незамеченным. Отец вздохнул и положил руку на плечо сына, заставив его поднять глаза.

– Я бы хотел больше времени проводить за городом, но у меня есть важное дело. Ты понимаешь, что такое республика?

Гай кивнул, но отцу его кивок убедительным не показался.

– Сомневаюсь. Боюсь, и далеко не все сенаторы это понимают. Мы стараемся претворить в жизнь идею такого государственного устройства, при котором право голоса будет иметь каждый, даже самый простой человек. Понимаешь, насколько редко такое встречается? Всеми странами, которые я знаю, правят цари или вожди. Они раздают землю приближенным и разоряют тех, кто с ними не в ладах. Это то же самое, что выпустить на улицу ребенка с мечом. У нас в Риме правит закон. Он еще несовершенно и не так справедлив, как мне бы хотелось, но мы стремимся его улучшить. Это дело стоит того, чтобы посвятить ему жизнь, как сделал я и как сделаешь ты, когда придет время.

– Я скучаю по тебе! – пожаловался Гай, понимая, что ведет себя как капризный ребенок.

Взгляд отца посуровел, но, помолчав, он снова потрепал сына по голове.

– И я скучаю по тебе. У тебя грязные колени, а туника больше подошла бы городскому побирушке. Иди и вымойся, но только сначала почисти Меркурия.

Провожая взглядом сына, он тепло улыбнулся. Гай действительно подрос, Тубрук прав.

В конюшне, соскребая грязь с боков коня и стирая пот и пыль, Гай обдумывал слова отца. Да, республика – это, может, и очень хорошо, но быть царем наверняка куда интереснее.

Каждый раз, когда Юлий, отец Гая, возвращался из города после долгого отсутствия, Аврелия настаивала на трапезе в триклинии. Оба мальчика сидели на детских табуретках рядом с длинными ложами, на которых полулежали Аврелия и ее муж. Прислуживающие домашние рабы ставили блюда на низкие столы.

Гай и Марк терпеть не могли эти трапезы. Разговаривать им не позволялось, и каждое кушанье поглощалось в томительной тишине. В перерывах между переменах блюд рабы-прислужники успевали вытереть им пальцы, которые тут же снова погружались в пищу. Мальчики знали, что сердить Аврелию, спешить, себе дороже, и поэтому жевали и глотали мучительно медленно, как взрослые.

Вечер тянулся невыносимо долго, тени становились длиннее. Умытый, одетый в чистое, Гай томился от жары и чувствовал себя в компании родителей не в своей тарелке. Отец как будто забыл об их непринужденной беседе на дороге и разговаривал только с женой, не замечая присутствия мальчиков.

При этом Гай незаметно наблюдал за матерью: не начнется ли дрожь, обычно предшествовавшая припадку. Раньше ее приступы очень пугали его, доводили до слез, и мальчик долго не мог успокоиться, но с годами эмоции остыли, душа очерствела, и Гай иногда даже надеялся, что у матери случится приступ и им с Марком разрешат уйти.

Гай пытался вникать в разговоры взрослых, однако отец рассказывал об изменениях в законах и городских статутах. Почему-то он никогда не привозил домой историй о казнях или о знаменитых уличных бандитах.

– Ты слишком веришь в людей, Юлий, – говорила Аврелия. – За ними нужно присматривать, как родитель присматривает за ребенком. Некоторые не лишены ума и сообразительности, я согласна, но о большинстве нужно заботиться, их нужно защищать...

Она замолчала, как будто недоговорила.

Юлий поднял голову. Гай увидел печаль в его глазах и смущенно отвернулся, словно стал свидетелем какой-то интимной сцены.

– Релия?

Услышав голос отца, Гай посмотрел на мать. Аврелия лежала, будто статуя, устремив взгляд в некую невидимую даль. Рука ее задрожала, лицо вдруг сморщилось, как у ребенка. Дрожь распространилась с руки на все тело, и она скорчилась в судорогах, непроизвольно махнув рукой, так что со стола полетела посуда. Из ее горла вырвался глухой, животный крик, звук которого заставил мальчиков отшатнуться.

Юлий быстро поднялся и обнял жену.

– Уйдите! – бросил он.

Гай с Марком вышли из триклиния вместе с рабами, оставив в комнате Юлия с бьющейся в припадке Аврелией на руках.

На следующее утро Гай проснулся оттого, что Тубрук тряс его за плечо.

– Вставай, парень! Мать хочет тебя видеть.

Гай пробурчал что-то себе под нос, но Тубрук услышал и добавил:

– Она всегда тихая после... плохой ночи.

Гай уже начал одеваться, но остановился и посмотрел на старого гладиатора:

– Иногда я видеть ее не могу.

Тубрук тихо вздохнул:

– Жаль, ты не помнишь ее до болезни. Постоянно что-то напевала, весь дом наполнялся счастьем. Ты же знаешь, она тебя любит.

Гай кивнул и небрежно пригладил волосы.

– Отец уже уехал в город? – спросил он, заранее зная ответ.

Юлию не нравилось чувствовать себя беспомощным.

– Да, на рассвете, – ответил Тубрук.

Не говоря больше ни слова, Гай последовал за ним по прохладным коридорам в комнаты матери.

Аврелия сидела на кровати, со свежим, умытым лицом и заплетенными длинными волосами. Лицо было бледным, но, когда Гай вошел, она улыбнулась, и он нашел в себе силы улыбнуться в ответ.

– Подойди ближе, Гай. Извини, если испугала тебя вчера.

Он подошел и послушно позволил обнять себя, не испытав при этом никаких чувств. Как сказать ей, что он уже не боится? В последнее время приступы участились, каждый был тяжелее предыдущего. В глубине души Гай понимал, что дальше станет только хуже, что мать пробудет с ним недолго. Но думать об этом он не мог: лучше хранить все внутри, улыбаться, обнимать ее и уходить, закрывшись от боли.

– Чем займешься сегодня? – спросила Аврелия.

– Как обычно, домашними делами, – ответил он.

Она кивнула и словно забыла о нем. Гай дождался немного и, поскольку продолжения не последовало, повернулся и вышел из комнаты.

Когда туман в голове рассеялся и Аврелия снова собралась с мыслями, в комнате никого уже не было.

Марк встретил Гая у ворот с сеткой для ловли птиц. Заглянув другу в глаза, он попытался его приободрить.

– Сегодня нам точно повезет! Поймаем сокола... двух соколов! Научим сидеть на плече и нападать по приказу. Светоний от нас как заяц будет бегать.

Гай ухмыльнулся и отогнал мысли о матери. Он уже скучал по отцу. Впрочем, впереди был целый день, а чем заняться в лесу всегда найдется. Гай сомневался, что из задумки Марка насчет поимки соколов выйдет что-то путное, но почему бы и не попробовать – день долгий и тропинок в лесу много.

В зеленом сумраке мальчишки едва не пропустили ворона, сидевшего на низкой ветке, недалеко от залитых солнцем полей. Марк увидел его первым и замер, жестом остановив Гая.

– Ты посмотри, какой здоровенный! – прошептал он, разворачивая сеть.

Пригнувшись, они попытались незаметно подобраться ближе. До поры до времени ворон с интересом наблюдал за их маневрами. Птица и впрямь впечатляла своими размерами. Подождав, пока ловцы подберутся поближе, ворон расправил тяжелые черные крылья, лениво взмахнул ими и в следующее мгновение оказался на соседнем дереве, как будто перенесся на него одним скачком.

– Зайди сзади, – взволнованно прошептал Марк, для наглядности показывая пальцами, что именно нужно сделать.

Гай ухмыльнулся, нырнул в подлесок и, стараясь одновременно держать в поле зрения дерево и поглядывать под ноги, чтобы не наступить на сухую ветку или лист, крадучись двинулся по широкой дуге.

Зайдя с тыла, он увидел, что ворон опять перебрался на новое место, выбрав длинный поваленный ствол, пролежавший, похоже, немало лет. Угол наклона позволял без труда забраться на дерево, и Марк уже подбирался к птице, держа наготове сеть.

Почему он не улетает, недоуменно спросил себя Гай, не спуская глаз с ворона. Птица нахохлилась и снова расправила крылья. Мальчики замерли, дожидаясь, пока ворон успокоится, после чего Марк снова пополз вверх, обхватив толстый ствол обеими руками.

До цели оставалось несколько футов, когда ворон оживился и запрыгал по стволу и веткам, нисколько не боясь приближающегося охотника. Марк развернул сетку из грубой бечевки,

использовавшуюся для хранения лука на кухне. В его руках она мгновенно превратилась в грозное оружие птицелова.

Затаив дыхание, он бросил сеть, и в тот же момент ворон негодуя каркнул, взлетел и опустился на неокрепшие ветви тоненького деревца рядом с Гаем, который без лишних раздумий сорвался с места и бросился на него.

Не выдержав напора, деревце наклонилось, громко треснуло и рухнуло на землю, придавив кроной проявившую нерасторопность птицу.

Гай навалился сверху на ветки, а подоспевший Марк вытащил тяжелого ворона, крепко сжав его обеими руками.

– Помоги! Он сильный! – крикнул Марк, и вот уже четыре руки держали сопротивляющуюся птицу.

В следующий момент руку Гая пронзила острая боль. Длинный, загнутый клюв, похожий на копье из черного дерева, схватил его между большим и указательным пальцем.

– Оттащи его! – завопил Гай. – Он в меня вцепился!

Боль была невыносимая, и друзья запаниковали. Марк с трудом удерживал ворона, а Гай пытался высвободить руку из безжалостного клюва.

– Не могу, не отпускает!

– Попробуй потянуть! – хмуро посоветовал Марк, лицо которого уже покраснело в борьбе с яростно сопротивлявшейся птицей.

– Не могу, у него клюв – как нож! Отпусти его!

– Не отпущу! Ворон – наша добыча. Мы поймали его, как настоящие охотники.

Гай застонал от боли:

– Больше похоже на то, что это он нас поймал!

От боли задергались пальцы, и ворон, вдруг разжав клюв, попытался схватить один из них. Гай облегченно выдохнул, торопливо отступил, сунул руку между ног и согнулся.

– Вот кто настоящий воин. – Марк усмехнулся и взял ворона так, чтобы тот не смог добраться до него. – Заберем домой, будем с ним заниматься. Говорят, вороны – сообразительные. Научится всяким штукам – покажем его на Марсовом поле.

– Надо дать ему имя. Что-нибудь такое... воинственное, – сказал Гай.

– Как звать того бога, который то ли летает как ворон, то ли носит его при себе?

– Не знаю. Какой-то греческий бог. Может, Зевс?

– Разве у него не сова?

– Не помню, у кого из них ворон, но Зевс – подходящее имя.

Мальчики улыбнулись друг другу. Ворон затих и преспокойно огляделся.

– Тогда пусть будет Зевс.

– Надо подумать, где его спрятать, – сказал Марк, когда они возвращались домой через поля. – Твоей матери не нравится, когда мы приносим животных. Помнишь, как она узнала про лису?

Гай опустил голову.

– Есть пустой курятник. Можно оставить его там. Что едят вороны?

– Мясо, наверное. Мертвецов на поле битвы... или это не вороны? Ладно, принесем с кухни объедков и посмотрим, что он станет есть. Не велика забота.

– Надо, пока будем приручать, привязать его за лапу, чтоб не улетел, – задумчиво сказал Гай.

Тубрук разговаривал с тремя кровельщиками, которым предстояло чинить крышу в доме. Заметив вошедших во двор мальчиков, он жестом подозвал их к себе. Они переглянулись – не попытаться ли убежать, – хотя и знали, что дальше чем на несколько шагов им не уйти, несмотря на то что Тубрук снова повернулся к работникам и вроде бы забыл о друзьях.

– Зевса не отдам, – решительно прошептал Марк.

Они уже подошли к управляющему, так что Гай промолчал и только кивнул.

– Я сейчас подойду, а пока снимите черепицу на той части крыши, – велел работникам Тубрук и повернулся к мальчикам.

– Что это тут у вас? Ворон? Большой, наверное, если вам удалось его поймать.

– Мы устроили ему ловушку в лесу. Выследили, шли за ним и поймали, – с вызовом ответил Марк.

Тубрук улыбнулся, как будто все понял, и протянул руку, чтобы погладить птицу. Ворон, похоже, обессилел и только тяжело, почти как собака, дышал, приоткрыв клюв, в котором виднелся тонкий язычок.

– Бедняга, – проворчал Тубрук. – Похоже, испугался. И что вы будете с ним делать?

– Мы назвали его Зевсом. Приручим и научим охотиться, как учат соколов.

Старый гладиатор задумчиво качнул головой:

– Нет, парни, дикую птицу приручить невозможно. Когда хотят вырастить охотничьего сокола, берут птенца. Обучает его особый человек, знающий это дело. Но все равно сокол остается диким, и, если отпустить его слишком далеко, он улетит. Зевс – взрослая птица. Оставьте его дома – умрет.

– Можно посадить его в старый курятник, – не сдавался Гай. – Там сейчас пусто. Мы будем его кормить и пускать полетать на бечевке.

Тубрук фыркнул:

– Вы знаете, что делается с дикой птицей в неволе? Она не выживет взаперти. Тем более в тесном курятнике. С каждым днем она будет слабеть, чахнуть у вас на глазах и даже станет вырывать собственные перья. Перестанет есть и в конце концов доведет себя до смерти. Вот увидите, ворон предпочтет смерть. Хотите поступить с ним по-доброму – отпустите на волю. Думаю, он бы вам не дался, если бы был здоров. По-моему, бедняга уже умирает. Так дайте ему провести последние дни в лесу – там, где ему определено жить.

– Но... – Марк не стал продолжать и посмотрел на ворона.

– Ну же. – Тубрук кивнул в сторону ворот. – Выйдем в поле и отпустим – пусть летит.

Мальчики обменялись хмурыми взглядами и поплелись следом за Тубруком. Выйдя за ворота, они поднялись на холм.

– Отпускай его, парень, – сказал Тубрук с каким-то странным выражением, из-за чего друзья посмотрели на него.

Марк поднял руки и разжал пальцы. Зевс тяжело поднялся в воздух, расправил большие черные крылья и стал медленно набирать высоту. Несколько раз он недовольно каркнул, но в конце концов превратился в точку в небе над лесом, снизился и пропал из виду.

Тубрук протянул шершавые руки и положил на плечи Марку и Гаю:

– Благородный поступок. А теперь пора и поработать. Утром я вас не нашел, вот дел и накопилось. Шевелитесь!

Он довел мальчиков до ворот, запустил во двор, а сам, прежде чем пройти за ними, бросил последний взгляд туда, где за полями стоял лес.

Глава 3

В то лето оба мальчика приступили к серьезной учебе. С самого начала наставники относились к Гаю и Марку одинаково и предъявляли одни и те же требования, и Марка также обучали управлению поместьем, пусть и небольшим. Помимо латыни, которую им вколачивали в голову едва ли не с колыбели, мальчикам рассказывали о знаменитых сражениях и военной тактике, о принципах управления и об экономике. На следующий год, когда Светоний уехал служить в африканском легионе, Гай и Марк начали осваивать греческий и риторику, необхо-

димую будущим молодым сенаторам, а также если им придется выступать в суде в качестве обвинителей или защитников.

Хотя триста членов сената собирались лишь дважды в месяц, отец Гая, Юлий, проводил в Риме все больше и больше времени, поскольку перед республикой вставали все более трудные задачи: управлять новыми территориями и распоряжаться быстро растущим богатством и могуществом. Месяцами Гай и Марк не видели других взрослых, кроме Аврелии и учителей, приезжавших в поместье на рассвете и уезжавших с заходом солнца, бренча заработанными динариями. И еще рядом всегда был Тубрук, доброжелательный, но строгий и не терпевший с их стороны никаких глупостей. Перед отъездом Светония старый гладиатор отправился за пять миль в соседнее поместье и одиннадцать часов, от рассвета до заката, ждал, пока его примет старший сын хозяина. Что он выяснил, Гай так и не узнал, но вернулся Тубрук в хорошем настроении, улыбаясь. Он даже потрепал мальчика по голове, прежде чем отправиться в конюшню и проверить новых кобыл, которых готовили к случке.

Из всех наставников наибольшей симпатией у Гая и Марка пользовался Вепакс, молодой грек, высокий и худощавый, всегда носивший тогу. В поместье он приходил пешком, а перед уходом тщательно пересчитывал заработанные монеты. Вепакс занимался с мальчиками два часа в неделю, в маленькой комнате, выделенной для уроков отцом Гая. Это было пустое помещение с голыми стенами и каменным полом. С другими наставниками мальчикам приходилось продираться сквозь дебри латинской грамматики и зубрить поэмы Гомера, и они часто ерзали на деревянных скамьях или впадали в дрему, пока учитель не возвращал их к действительности резким ударом палкой. Большинство преподавателей отличались строгостью, и проказы редко сходили с рук – уследить за двумя учениками нетрудно. Однажды Марк изобразил стилем свинью с бородой и пяточком, очень напоминавшую учителя, и был пойман при попытке показать картинку Гаю. Разгневанный наставник заставил его вытянуть руку и вытерпеть три сильных удара палкой.

Вепакс палку с собой не носил, а носил только тяжелый матерчатый мешок с глиняными табличками и синими и красными фигурками, обозначающими воинов двух армий. К назначенному часу он сдвигал скамьи к стене и расставлял фигурки, представляя ту или иную знаменитую битву. Через год занятий мальчики должны были назвать сражение по расположению красных и синих армий. Они знали, что Вепакс не ограничивается битвами с участием Рима. Порой игрушечные лошади и воины изображали Парфию, Грецию или Карфаген. Наслушавшись увлекательных историй об Александре Македонском и его победах, Гай и Марк осаждали молодого грека просьбами воспроизвести его битвы. Поначалу Вепакс отвечал отказом, не желая, чтобы его заподозрили в том, что он отдает предпочтение истории своей страны, но потом сдался, уступил и представил все крупнейшие сражения Александра, сведения о которых сохранили записи и карты. Описывая греческие войны, Вепакс никогда не заглядывал в книги и расставлял и двигал фигурки по памяти.

Он рассказывал мальчикам, как звали полководцев и ключевых действующих лиц в каждом военном конфликте, какие исторические и политические события были связаны с той или иной битвой. На его уроках глиняные фигурки оживали, и когда два часа подходили к концу, мальчики с сожалением смотрели, как учитель не спеша и аккуратно складывает их в мешок.

Однажды, войдя в комнату для занятий, Марк и Гай обнаружили, что глиняными фигурками заставлен почти весь пол. Учитель расположил армии для большого сражения. Гай быстро сосчитал синие фигурки, потом красные и перемножил их в уме, как учил учитель арифметики.

– Скажи, что ты видишь? – тихо спросил Вепакс.

– Два войска: в одном больше пятидесяти тысяч человек, в другом – около сорока. Красные... Красные – римляне, судя по тяжелой пехоте, стоящей впереди строя. С правого и левого крыла легион подкрепляет конница, хотя конница есть и у синих. Также у них есть пращники

и копейщики, но я не вижу лучников. Войска примерно равны по силе. Битва будет долгой и трудной.

Вепакс кивнул:

– Красные, действительно, римляне, опытные, дисциплинированные ветераны, за спиной у которых множество сражений. А если я скажу вам, что синие – это разношерстное сборище, состоящее из галлов, испанцев, нумидийцев и карфагенян? Это повлияет на исход?

Глаза у Марка вспыхнули интересом.

– Если так, то перед нами войско Ганнибала! Но где же его знаменитые слоны? Разве в твоём мешке нет слонов?

Марк с надеждой взглянул на изрядно похудевший мешок.

– Да, в этом сражении перед римлянами стоял Ганнибал, но только к тому времени слонов у него уже не было. Позже он раздобудет новых, и их атака повергнет противника в ужас, но в битве, о которой мы говорим, ему пришлось обойтись без них. Преимущество римлян – два легиона. Войско Ганнибала – неоднородное, смешанное, у римлян – единое, дисциплинированное. Что еще может повлиять на исход сражения?

– Местоположение! – воскликнул Гай. – Он находится на холме? Его конница могла смять...

Вепакс покачал головой:

– Сражение развернулось на равнине, в ясную и прохладную погоду. Ганнибал должен был проиграть. Хотите посмотреть, как он победил?

Гай оглядел плотные скопления фигурок. Все было против синих. Он поднял голову:

– Можно мы будем слушать твои объяснения и двигать их?

Учитель улыбнулся:

– Конечно! Сегодня, если мы хотим воспроизвести ход этой битвы, мне понадобится ваша помощь. Становись на сторону римлян, Гай. Мы с Марком будем за Ганнибала.

Улыбаясь, все трое встали лицом друг к другу над боевыми порядками армий.

– Битва при Каннах произошла сто двадцать шесть лет назад. Все ее участники давно лежат в земле, мечи изъела ржавчина, но ее уроки нам необходимо усвоить.

Для этой демонстрации Вепакс принес, наверное, всех своих глиняных воинов и лошадей, подумал Гай. Хотя каждая фигурка и обозначала пятьсот единиц, всем им едва хватило места в комнате.

– Гай, ты представляешь Эмилия Павла и Теренция Варрона, опытных римских военачальников. Твое войско двинется на врага шеренга за шеренгой, решительно, не колеблясь, в полном боевом порядке. В твоём распоряжении отменная пехота, которая отлично справится с вражескими мечниками.

Гай начал задумчиво выдвигать вперед своих солдат.

– Поддержи их конницей. Нельзя, чтобы она отстала, иначе пехоту могут обойти с флангов.

Гай кивнул и перевел вперед, навстречу тяжелой коннице Ганнибала, маленьких глиняных лошадок.

– Марк, наша пехота должна выстоять! Мы двинемся вперед, а наша конница на крыльях встретит римскую и свяжет ее.

Некоторое время все трое молча, склонив головы, перемещали фигурки, пока армии не сошлись лицом к лицу. Гай и Марк уже представляли фыркание лошадей и рвущие воздух воинственные крики.

– И вот теперь пришло время умирать, – пробормотал Вепакс. – Наша пехота, впервые встретившая столь опытного и умелого противника, не выдерживает давления в центре и понемногу поддается.

Его руки пролетели над строем, перенося фигурки на новые позиции. Мальчики тоже переместились вслед за ними.

Прямо перед ними, на полу учебной комнаты, римские легионы теснили неприятельский центр, продавливали строй и приближали победу.

– Они не могут выстоять, – прошептал Гай, видя, как войско Ганнибала под натиском легионов выгибается огромным полумесяцем.

Он замер и еще раз оглядел все поле. Конница остановилась, схватившись в жестокой рубке с противником. Марк и Вепакс продолжали двигать фигурки. Гай невольно открыл рот – он вдруг все понял:

– Я бы дальше не пошел.

Вепакс вскинул голову и насмешливо посмотрел на него:

– Не рано ли, Гай? Да, ты обнаружил опасность, которую и Павел, и Варрон заметили слишком поздно. Веди своих солдат дальше, сражение нужно доиграть до конца.

Игра определенно доставляла удовольствие наставнику, но не Гаю – ему пришлось выполнять маневры, уже зная, что они неизбежно приведут к поражению.

Легионы продолжали наступать, проходя сквозь строй противника, который позволял им это, отступая охотно, но без спешки, стараясь сократить потери. Уступая давлению в центре, войско Ганнибала одновременно укрепляло фланги, и уже через пару часов, как отметил Вепакс, римляне оказались в глубокой ловушке, окруженные с трех сторон. Окружение продолжалось, фланги сомкнулись, и западня захлопнулась. Что касается римской конницы, то ее удерживала равная по силе и умениям конница Ганнибала. А дальше наступила финальная сцена, ужас которой был понятен без слов.

– Сжатые со всех сторон, в тесноте, римляне не могли сражаться в полную силу. Их убивали весь день, кольцо сжималось все сильнее, пока в живых не осталось никого, ни одного человека. Такой бойни история не знала ни до, ни после. Обычно кто-то выживает всегда после любой битвы. Некоторым просто удается сбежать. Но в тот день римлянам бежать было некуда – они попали в полное окружение.

В комнате стало тихо. Мальчики замерли над полем битвы, закрепляя в уме и воображении детали случившегося больше ста лет назад.

– На сегодня у нас все, мальчики. На следующей неделе я расскажу и покажу вам, какие уроки извлекли римляне из этого и других поражений, нанесенных им Ганнибалом. При Каннах им не достало воображения, но потом они нашли нового полководца, человека, славящегося гибкостью ума, дерзостью и отвагой. Он встретился с Ганнибалом в битве при Заме четырнадцать лет спустя, и там исход был совсем другим.

– Как его звали? – нетерпеливо спросил Марк.

– По-разному. С рождения он носил имя Публий Сципион, но за победы, одержанные в войне с Карфагеном, его прозвали Сципионом Африканским.

К десяти годам Гай превратился в физически развитого, с хорошей координацией подростка. Он ловко управлялся с лошадьми, даже самыми норовистыми, понимавшими только твердую руку. Их успокаивало его прикосновение, и лишь один жеребец не желал терпеть наездника и сбрасывал Гаю одиннадцать раз подряд. В конце концов Тубрук продал коня, опасаясь, что противостояние приведет к гибели кого-то из этой пары.

В отсутствие Юлия Тубрук фактически вел все финансовые дела поместья. Он сам, исходя из собственных представлений, решал, как распорядиться выручкой от продажи зерна и скота. Ему доверяли во всем, а такое случалось нечасто. Но за выбор наставников, которые занялись бы обучением мальчиков военному делу, отвечал глава семьи. Как, впрочем, и за другие связанные с воспитанием вопросы. Согласно римскому закону, Юлий мог приказывать заду-

шить мальчиков или продать их в рабство, если бы они чем-то его прогневили. В своем доме глава семьи был полновластным хозяином, и рисковать его добрым отношением было опасно.

Юлий вернулся домой отпраздновать день рождения сына. Тубрук явился с отчетом, когда хозяин смывал дорожную пыль в бассейне с минеральной водой. Хотя он и был на десять лет старше Тубрука, годы его щадили. В какой-то момент в спокойную воду бассейна извернулась из трубы горячая струя. Над водой поднялся пар. Наблюдая за хозяином, Тубрук с удовлетворением отметил, что тот в прекрасной физической форме. Наконец Юлий устроился на уходящих под воду мраморных ступенях возле трубы, самом теплом и мелком месте бассейна. Прислонившись к холодному выступу, он взглянул на Тубрука, шевельнул бровью и закрыл глаза.

– Говори.

Тубрук доложил о доходах и расходах за предыдущий месяц. При этом он стоял неподвижно, глядя на дальнюю стену, без запинки перечисляя доходы и убытки и при этом не пользуясь записями. Закончив, Тубрук замолчал и стал ждать. Через пару секунд голубые глаза человека, которому он служил, открылись. Взгляд, устремленный на управляющего, остался ледяным, этот лед не растопила даже теплая вода бассейна.

– Как моя жена?

Тубрук ничем не выдал своих чувств. Так ли уж нужно говорить, что Аврелии еще хуже? Когда-то она была красавицей – до рождения сына, но после родов несколько месяцев находилась между жизнью и смертью. Когда на свет появился Гай, с ней что-то случилось, она неуверенно держалась на ногах, в доме больше не звенел ее смех, его не наполняли ароматом цветы, которые она раньше сама собирала в полях.

– Луций хорошо за ней смотрит, но улучшений нет. Иногда, когда случались приступы, мне приходилось отсылать мальчиков.

Лицо Юлия сделалось каменным, и на шее проступила и задрожала набухшая от закипевшей крови жилка.

– Так что, лекари ничего не в силах сделать? Мои ауреи берут не стесняясь, но, когда бы я ни приехал, ей только хуже и хуже.

Тубрук сочувственно поджал губы. Есть в жизни вещи, с которыми нужно просто смириться. Плеть бьет больно, и с этим ничего не поделаешь – надо терпеть и ждать, когда удары прекратятся.

Порой Аврелия в ключья рвала на себе одежду и забивалась в угол, где сидела, пока голод не выгонял ее из убежища. В другие дни она вела себя почти так же, как тогда, когда он впервые приехал в поместье и увидел ее, но иногда надолго отвлекалась. Рассуждала о посевах или урожае и вдруг, словно в комнате заговорил кто-то еще, кто-то невидимый, наклоняла голову, прислушивалась и напрочь забывала о собеседнике, который мог даже уйти.

Тишину нарушило клокотанье в трубе и шум бурлящей горячей воды. Юлий медленно выдохнул, словно выпуская пар.

– Говорят, греки хорошо разбираются в медицине. Найми греческого целителя и прогони этих бестолочей, от которых никакого толку. А если кто-то будет говорить, что без него ей стало бы совсем плохо, прикажи отстегать плетью и выбросить на дорогу в город. Найди повитуху. Женщины понимают друг друга лучше, чем мы. У них так много хворей, которых нет у нас...

Голубые глаза закрылись, словно кто-то задвинул печную заслонку. С закрытым окном в душу тело в бассейне могло принадлежать любому римлянину. Осанка воина осталась при нем, как и тонкие белые линии на коже – шрамы, полученные в боях. Сердить такого человека или перечить ему не стоило. Тубрук знал – в сенате Юлия считают опасным противником. Его интересы не распространялись очень уж далеко, но отстаивал он их энергично и яростно. Юлий не трогал тех, кто рвался к власти, а они, в свою очередь, не ставили ему палки в колеса

в тех сферах, где он был силен. Поместье приносило хороший доход, и они могли нанять самых дорогих лекарей-чужестранцев, каких только Тубруку удалось бы найти. Деньги на ветер, так считал управляющий, но, с другой стороны, для чего еще нужны деньги, если не тратить их, когда считаешь нужным?

– Хочу разбить виноградник на юге поместья. Там подходящая почва для красного винограда.

Разговор перешел на хозяйственные дела. Тубрук по-прежнему не пользовался записями. После стольких лет отчетов и обсуждений у него не было в этом нужды. Через два часа после того, как Тубрук вошел, Юлий наконец улыбнулся.

– Ты хорошо поработал! Мы преуспеваем и только крепнем.

Тубрук кивнул и улыбнулся в ответ. На протяжении всего разговора Юлий ни разу не спросил, здоров ли он сам, доволен ли жизнью. Их отношения были вполне доверительными, за свою деловитость Тубрук как работник пользовался уважением. Он больше не был рабом, но оставался вольноотпущенником и никогда не смог бы сравняться с теми, кто родился свободным.

– Есть еще один вопрос, более личный, – продолжал Юлий. – Пора обучить моего сына военному делу. Заботы отвлекают меня от исполнения отцовского долга, хотя нет более важного применения талантам человека, чем воспитание собственного сына. Я хочу им гордиться и беспокоюсь, что мои отъезды, которые, по всей видимости, учащаются, пойдут мальчику во вред.

Тубрук одобрительно кивнул:

– В городе есть много наставников, которые обучают мальчиков и юношей из богатых семей.

– Нет. Я о них слышал, некоторых мне рекомендовали. Я даже оценил результаты их работы, бывал на виллах, наблюдал юное поколение. Они не произвели на меня впечатления. Я видел молодых людей, зараженных новыми философскими учениями, которые слишком много внимания уделяют развитию ума и слишком мало – телу и сердцу. Какая польза от логических построений, если слабая душа сторонится трудностей и лишений? Нет, я считаю, что нынешние римские поветрия способствуют воспитанию слабаков – возможно, за малым исключением. Я хочу, чтобы Гая обучал человек, на которого я могу положиться, – ты, Тубрук. Никому другому столь важное дело я не доверю.

Тубрук потер подбородок:

– Я не сумею научить тому, чему сам научился в бытность солдатом и гладиатором. Я знаю то, что знаю, но не смогу передать это другому.

Юлий досадливо поморщился, но настаивать не стал. Тубрук никогда ничего не говорил впустую.

– Тогда позаботься о том, чтобы он стал сильным и крепким, как камень. Пусть как можно больше бегает и ездит верхом, чтобы мне не было за него стыдно. А того, кто научит его убивать и командовать людьми на поле боя, мы найдем.

– Как быть со вторым мальчиком?

– С Марком? А что такое?

– С ним тоже заниматься?

Юлий снова нахмурился, опустил глаза и на какое-то время погрузился в воспоминания.

– Да. Я дал обещание его отцу, когда тот был при смерти. Его мать не годилась в матери. А сбежав, по сути, убила старика. Слишком юна была для него. Насколько мне известно, она немногим лучше тех шлюх, что обслуживают гостей на вечеринках в центре города... Вот почему парнишка остается в моем доме. Они с Гаем все еще дружат, как я вижу?

– Неразлучны, как пальцы на руке. И большие проказники.

– С проказами надо покончить. Пора учиться дисциплине.

– Я займусь этим.

Мальчики подслушивали за дверью. Услышанное так взволновало Гая, что он повернулся к Марку с горящими от радости глазами. Впрочем, улыбка погасла, когда он увидел бледное лицо и сжатые губы друга.

– Ты что?

– Он сказал, что моя мать шлюха, – прошипел в ответ Марк, и глаза его опасно блеснули, так что Гай удержался от вертевшейся на языке шутки.

– Он лишь пересказал то, что слышал. Сплетни, и только. Уверен, она не такая.

– Мне говорили, что она умерла, как и отец. А на самом деле она сбежала и бросила меня... – Его глаза наполнились слезами. – Пусть она будет шлюхой! Пусть будет рабыней и умрет от гнилого горла!

Он порывисто отвернулся и кинулся прочь.

Гай вздохнул и, подумав, решил, что друга лучше оставить в покое. Наверное, он пойдет в конюшню и просидит там час-другой на соломе. Тревожить его раньше времени не стоит, а то еще поссорятся или даже подерутся. Лучше его не трогать, пусть успокоится, а там мысли перескочат на что-то другое, и настроение поменяется.

Марк, он такой... Гай снова приник к двери, за которой решался вопрос о его будущем.

– ...впервые не на цепи. Должно быть грандиозное зрелище. Там будет весь Рим. И не все гладиаторы – рабы, есть и вольноотпущенники, которых заманили золотыми монетами. По слухам, сам Рений появится.

– Рений? Да он ведь уже древний старик! Он дрался, когда я сам был еще юнцом, – недоверчиво пробормотал Юлий.

– Возможно, ему нужны деньги. Некоторые живут не по средствам, слишком жирно для своих кошельков. Слава позволяла ему делать большие долги, но в конце концов их приходится возвращать.

– Может быть, попробовать нанять его учить Гая, – помнится, он раньше брал учеников. Однако это было так давно. Не могу поверить, что он снова будет драться. Вот что... мы на него посмотрим, ты определенно меня заинтересовал. Да и мальчики с удовольствием съездят в город.

– Хорошо, только, прежде чем предлагать ему работу, подождем, пока львы не разберутся со стариком Рением. Смотришь, и подешевеет, потеряв чуток крови, – криво усмехнулся Тубрук.

– Мертвым пойдет еще дешевле. Хотя я бы не хотел на это смотреть. В пору моей молодости он был неудержим. Я видел, как он дрался против четырех или пяти бойцов. Однажды ему даже завязали глаза против двоих. Он свалил их двумя ударами.

– Я видел, как он готовился к тем схваткам. Повязка была из тонкой ткани и позволяла видеть очертания фигур. Ему этого было вполне достаточно. В конце концов, его противники думали, что он слеп.

– Возьми побольше денег – для наставников. Цирк – то самое место, где их можно найти, но я полагаюсь на твой глаз и твое суждение.

– Я, как всегда, к твоим услугам. Что-нибудь еще?

– Нет. Хочу только поблагодарить тебя. Вижу, что ты прекрасно справляешься, поместье процветает. Многие знакомые сенаторы только жалуются, глядя, как тает их богатство. Я же спокоен и слушаю их сетования с улыбкой. – Юлий встал, и мужчины обменялись рукопожатием, известным каждому легионеру.

Тубрук с удовлетворением отметил, что рука хозяина все еще крепка.

В запасе у старого быка определенно было еще несколько лет.

Гай отскочил от двери и помчался к конюшне – на поиски Марка. Но, не пробежав и полпути, остановился и прислонился к прохладной белой стене. Что, если Марк все еще зол? С другой стороны, новость о поездке в цирк со львами – да еще без цепей! – точно развеет любую печаль. Подхваченный новым приливом энтузиазма и чувствуя, как солнце припекает спину, Гай побежал вниз по склону к хозяйственным постройкам из тика и известковой штукатурки, в которых содержались рабочие лошади и волю. Издалека долетел голос матери – она звала его, – но он не обратил внимания, словно это был крик птицы, ничуть его не тронувший.

Мертвого ворона они нашли неподалеку от того места, где увидели в первый раз, на краю леса. Ворон лежал на мокрых листьях, черный неподвижный комок. Марк увидел птицу первым, и вся его злость, все недовольство мгновенно улетучились.

– Зевс! – прошептал он. – Тубрук говорил, что он больной.

Марк опустился на корточки возле тропы и протянул руку, чтобы погладить сохранившие блеск перья. Гай подсел к нему.

В какой-то момент лес как будто дохнул на них холодом, и Марк поежился.

– Вороны – плохое предзнаменование, не забыл?

– Только не Зевс. Он просто искал место, где умереть.

Повинуясь внезапному порыву, Марк взял ворона в руки. Взял так, как брал живую птицу. Вот только теперь Зевс являл собой печальное зрелище. Он больше не сопротивлялся, даже не трепыхался, и голова его висела безвольно, будто держалась только на коже. Клюв раскрылся, глаза напоминали сморщенные впадинки.

Марк погладил перья большим пальцем.

– Нужно его сжечь, похоронить с почетом, – предложил Гай. – Я сбегая на кухню за масляной лампой. Сложим погребальный костер, польем маслом. Устроим достойные похороны.

Марк кивнул и осторожно положил Зевса на землю.

– Он был настоящим воином и заслуживает большего, чем просто валяться на земле. Здесь много сушняка. Я останусь и сложу костер.

– Я быстро, – сказал Гай, поднимаясь. – Ты пока придумай какую-нибудь молитву.

Он побежал к дому. Марк остался наедине с птицей, и в какой-то момент им вдруг овладело ощущение торжественности происходящего, как будто он совершал религиозный обряд. Медленно и осторожно он собрал ветки и прутья и выложил их пирамидой, начав с более толстых палочек и завершив сухими листьями. Что-то подсказывало ему, что спешка здесь ни к чему.

Когда Гай вернулся, в лесу было тихо. Он тоже шел медленно, прикрывая ладонью маленькое пламя масляного фитиля, торчащего из старой кухонной лампы. Марк сидел на тропинке, а на аккуратно сложенной пирамидке лежало черное тельце Зевса.

– Я буду лить масло, чтобы огонь не погас, так что вспыхнуть может быстро. Давай сначала помолимся.

Сумерки сгущались, и мерцающий желтый свет лампы, казалось, набрал силу, падая на лица стоящих около мертвого ворона мальчиков.

– Юпитер, отец всех богов, пусть эта птица снова летает в загробном мире. Он был воином и умер свободным, – ровным и тихим голосом произнес Марк.

Гай приготовился лить масло. Стараясь не загасить фитиль, он осторожно полил птицу и хворост, а потом поднес огненный язычок к пирамидке.

Долгие секунды костер просто шипел, потом вспыхнул бледным пламенем. Гай поставил лампу на тропу. Они с интересом наблюдали, как загораются, распространяя ужасную вонь, перья. Пламя лизало птицу, масло дымилось и брызгало. Мальчики терпеливо ждали.

– Потом соберем пепел и закопаем или развеем по лесу или над рекой, – прошептал Гай. Марк молча кивнул.

Для пользы дела Гай вылил в костер оставшееся масло и погасил фитиль. Пламя загудело и сожгло почти все перья, кроме самых стойких вокруг головы и клюва.

Наконец все масло прогорело, оставив только тлеющие угли.

– По-моему, мы его просто поджарили, – прошептал Гай. – Огонь был слишком слабый.

Марк взял длинную палку и потыкал тушку, покрытую древесным пеплом. Дымящиеся останки упали и откатились с пепелища. Марк попытался затолкать их обратно, но у него ничего не получилось.

– Бесполезно! И это достойные похороны? – зло проворчал он.

– Послушай, мы сделали что могли. Давай просто прикроем его листьями.

Они собрали несколько охапок листьев, и вскоре обугленный ворон скрылся из виду. Мальчики молча направились к поместью. Благоговейное настроение было испорчено.

Глава 4

Устроителем зрелища выступил Корнелий Сулла, молодой сенатор, успевший стать заметной фигурой в римском обществе. Во время пребывания в Африке, где он командовал Вторым легионом Жаворонков, его развлекал сам царь Мавритании. И вот теперь, желая напомнить о себе и угодить правителям Рима, царь прислал в столицу сотню львов и двадцать своих лучших копейщиков. Взяв их за основу, Сулла составил пятидневную программу развлечений.

Ничего подобного Рим еще не видел, и эти игры несомненно укрепили репутацию и статус Суллы. В сенате даже звучали голоса, призывавшие построить для такого рода зрелищ постоянное сооружение.

Деревянные скамьи, сколоченные и установленные в расчете на масштабные представления, находились в жалком состоянии, а кроме того, их просто не хватало, чтобы разместить всех жаждущих увидеть львов с загадочного черного континента. Появились даже планы строительства огромного амфитеатра, который можно было бы заполнять водой для демонстрации морских сражений. Увы, реализация такой затеи стоила бы слишком дорого, и народные трибуны, разумеется, наложили вето на предлагаемый проект.

Оба мальчика едва поспевали за взрослыми. Состояние матери Гая ухудшалось, и каждый раз, когда мальчиков отпускали в город, она не находила себе места от беспокойства и металась в тревоге, представляя, что может случиться с ее сыном на жутких улицах Рима. Вот почему в столице Гай и Марк бывали редко. И теперь, оказавшись среди грохочущего шума, они таращились на все горящими от любопытства глазами.

Большинство членов сената приезжали на игры в повозках или паланкинах. Отец Гая таким способом передвижения пренебрегал, а потому предпочел отправиться пешком по многолюдным улицам. Народ, видя внушительную фигуру Тубрука, расступался, и никто не толкался слишком грубо.

Грязь на узких улочках размесили в вонючую жижу, покрывавшую не только сандалии, но и ноги до самых коленей. Лавки ломились от покупателей, толпы запрудили улицы, мешая пройти вперед и напирая сзади. Время от времени, когда повозки, доставлявшие товары из одной части города в другую, блокировали проход, Юлий сворачивал в переулок. Бедняки и нищие тянули к случайным прохожим руки, слепые и увечные выпрашивали милостыню, сидя на порогах убогих лачуг. В других местах над улицей высились кирпичные постройки в пять и шесть этажей. В одном месте только бдительность Тубрука, вовремя поднявшего руку, спасла Марка и Гая от неприятностей – из открытого окна прямо на дорогу выплеснули помой.

Впереди с видом мрачным и непреклонным шел отец Гая. Полагаясь на чувство направления, он ни разу не остановился и всегда безошибочно находил выход на главную улицу из самого темного лабиринта. Чем ближе центр города, тем сильнее становился шум. Лоточники,

предлагавшие купить закуски, перекрикивали стук молотков медников и нытье сопливых младенцев на материнских коленях.

Жонглеры и фокусники, шуты и заклинатели змей демонстрировали свое искусство за брошенную монету, но в этот день рассчитывать на многое им не приходилось. Кому взбретет в голову тратить деньги на то, что можно увидеть в любое время, если в городе проводятся игры?

– Держитесь поближе, – велел Тубрук мальчикам, растерявшимся от красок, запахов и шума, и тут же рассмеялся, увидев их изумленные лица и открытые рты. – Помню, как впервые увидел цирк, – это была Веспия, где я провел свой первый бой. Необученный, неуклюжий, медлительный – просто раб, которому дали меч.

– Однако ты победил, – с улыбкой заметил Юлий.

– Живот скрутило, и я был в дурном настроении.

Мужчины рассмеялись.

– С кем бы я не хотел сойтись на арене, так это со львом, – продолжал Тубрук. – Видел парочку на воле, в Африке. Когда нападают, коня догнать могут, а клыки и когти у них что твои железные гвозди.

– У них сто зверей на пять дней, по два представления в день. Выходит, мы увидим десять животных против разных воинов. Мне не терпится посмотреть, как сражаются эти чернокожие копейщики. Интересно, сравнятся ли они в меткости с нашими, – сказал Юлий.

Пройдя под входной аркой, они остановились у заполненных водой деревянных корыт. За мелкую монетку им омыли ноги, а с сандалий соскребли грязь. С грязью ушла и вонь. Приятно все-таки чувствовать себя чистым.

Служитель помог найти места, с прошлого вечера занятые присланным из поместья рабом. Увидев их, он встал. Теперь его ждала долгая обратная дорога. Тубрук вручил рабу монетку – купить себе еды, и он радостно улыбнулся, довольный тем, что хотя бы на день избавлен от тяжелой работы в поле.

Вокруг сидели сенаторы и члены их семей. Хотя в сенате насчитывалось всего лишь триста человек, здесь собралось никак не меньше тысячи. Римские законодатели устроили себе выходной, чтобы своими глазами увидеть схватки первого дня пятидневного марафона. Песок в огромной яме разровняли, и на деревянных помостах разместились тридцать тысяч римлян самого разного звания. Утро переходило в день, становилось жарко, но большинство зрителей старались не обращать внимания на неудобства.

– А где они? – спросил Гай, высматривая львов или клетки.

– Вон в той постройке. Видишь, где ворота? – Юлий развернул программку, купленную у раба на входе. – Сначала – приветствие устроителя игр. Наверное, выразит благодарность Корнелию Сулле, который подарил нам такое прекрасное зрелище, а мы все восславим его мудрость радостными криками. Потом – четыре гладиаторских боя до первой крови. После них еще один – до смерти. Затем выступление Рения, и, наконец, нам покажут «львов на просторах их родной Африки». Что это такое – не могу даже вообразить. Похоже, нас ждет впечатляющее зрелище.

– Ты когда-нибудь видел льва?

– Однажды, в зверинце. Но драться не случилось. Тубрук говорит, в бою лев – страшный враг.

Ворота открылись, и публика затихла. На арену вышел человек в ослепительно-белой тоге.

– Выглядит как бог, – прошептал Марк.

Тубрук наклонился к нему:

– Не забывай, что ткань отбеливают человеческой мочой. Это тебе на заметку.

Марк удивленно посмотрел на Тубрука, пытаясь понять, шутит он или нет. Но уже в следующую секунду мальчик напрягся, стараясь услышать, что говорит вышедший на арену чело-

век. Зычный, хорошо поставленный голос выступавшего разнесся по амфитеатру, чаша которого многократно усиливала звук. И все же половина сказанного утонула в шуме, поскольку зрители крутились, вертелись, шикали друг на друга и перешептывались.

– ...приветствуем... звери из Африки... Корнелий Сулла!

Последние слова он почти выкрикнул, и зрители послушно ответили бурным взрывом восторга, удивившим, похоже, Юлия и Тубрука. Гай услышал, как старый гладиатор, наклонившись к его отцу, негромко сказал:

– Вот за кем надо следить!

– И кого стоит опасаться, – многозначительно ответил Юлий.

Гай вытянул шею, пытаясь рассмотреть человека, который поднялся со скамьи и поклонился. На нем была тога с пурпурной каймой. Сидел он довольно близко и действительно походил на бога – властное, красивое лицо и золотистая кожа. Сулла поднял руку, помахал и улыбнулся, довольный тем, как его приветствуют.

Зрители наконец успокоились в предвкушении главного зрелища. Тем не менее разговоры раздавались тут и там. Обсуждались главным образом политика и финансы. Снова и снова сенаторы обсуждали судебные дела. Власть над Римом – а значит, и над всем миром – принадлежала им. Конечно, обладавшие правом вето народные трибуны несколько ограничивали их власть, однако сенаторы по-прежнему распоряжались жизнью и смертью большинства римских граждан.

На арену вышла первая пара гладиаторов – в синей и черной тунике, оба легковооруженные, поскольку им предстояло продемонстрировать не жестокость, а быстроту и мастерство. Смертельный исход был редкостью в такого рода показательных выступлениях. Поприветствовав устроителя игр, гладиаторы закружили по арене с короткими мечами и щитами в почти гипнотическом ритме.

– Кто победит, Тубрук? – неожиданно спросил отец Гая.

– Тот, что помельче, в синем, – ответил Тубрук. – Хорошо двигается, и ноги быстрые.

Юлий подозвал одного из принимавших ставки рабов, вручил ему аурей и получил взамен маленькую синюю дощечку. Не прошло и минуты, как гладиатор в синем уклонился от удара, сделал быстрый шаг вперед и чиркнул мечом по животу противника. Кровь плеснула на песок, словно из опрокинутой чаши, и цирк взорвался торжествующими криками и проклятиями. Юлий, сделав удачную ставку, получил за свой аурей два и, довольный, убрал выигрыш в мешочек. Теперь с выходом каждой новой пары он обращался за советом к Тубруку, который, понаблюдав за соперниками, высказывал свое мнение. Конечно, после начала боя ставки понижались, но зато верный глаз ни разу не подвел Тубрука. К четвертому поединку все сидевшие поблизости вытягивали шеи, стараясь подслушать, что скажет бывший гладиатор, а потом хором подзывали рабов, чтобы сделать ставки.

Тубруку все это явно доставляло удовольствие.

– Следующий бой – насмерть. Большинство ставит на коринфянина, Александра. Он еще никому не проигрывал – на его счету только победы. Хотя и противник его с юга Италии тоже производит неплохое впечатление и в боях до первой крови не проигрывал ни разу. Выбрать лучшего пока не могу.

– Дай мне знать, когда определишься. Поставлю десять ауреев – весь наш выигрыш и мою первую ставку. Сегодня ты безупречен – ни одного промаха.

Юлий позвал принимающего ставки раба и велел ему далеко не отходить. Сидевшие неподалеку тоже не спешили и, чувствуя близость удачи, ждали, что скажет Тубрук. Гай и Марк оглядели толпу.

– Какие же они жадные, эти римляне, – прошептал Гай, и мальчики обменялись улыбками.

Ворота снова открылись, и на арену вышли Александрос и Энзо. Правую руку римлянина, от запястья до шеи, защищали наручи, голову – бронзовый шлем, грудь – железный панцирь. В левой руке он держал красный щит. Вся его одежда состояла из набедренной повязки и полотняных обмоток на ногах – от ступней до лодыжек. Энзо отличался мощным телосложением и почти не имел заметных шрамов, если не считать рваной линии от запястья до локтя. Поклонившись Корнелию Сулле, он поприветствовал зрителей и только потом противника-чужестранца.

Александрос вышел на середину арены легким, уверенным шагом. Доспехи и оружие у него были такие же, как у Энзо, только щит – синий, а не красный.

– Различать будет трудно, – сказал Гай. – В этих доспехах они все равно что братья.

– Они разной крови! – фыркнул Юлий. – Грек – не то же самое, что италиец. И он поклоняется ложным богам. Он верит в такое, что ни один римлянин защищать никогда не станет. – Все это отец Гая произнес, не поворачивая головы и не сводя глаз с двух бойцов на арене.

– Но ты поставишь на грека? – не унимался Гай.

– Поставлю, если Тубрук скажет, что он победит, – ответил Юлий с улыбкой.

Для подачи сигнала к началу поединка использовался бараний рог в медных зажимах, стоявший в первом ряду. Низенький бородач, сам получив сигнал, наклонился и подул в рог. Продолжительный скорбный звук пронесся над ареной, и два гладиатора шагнули навстречу друг другу.

Сигнал рога еще звучал у Гая в ушах, а зрители уже зашумели – гладиаторы принялись осыпать друг друга ударами. В первые несколько секунд мечи вспороли плоть и клинки заскользили по металлу, ставшему вдруг скользким от яркой крови.

– Тубрук! – не выдержал Юлий.

Сидевшие вокруг зрители разрывались между желанием насладиться поединком и сделать выигрышную ставку.

Тубрук нахмурился и подпер кулаком подбородок.

– Нет. Рано. Не могу выбрать. Они равны.

Не выдержав темпа, взятого с самого начала, гладиаторы ненадолго разошлись. У обоих кровоточили раны, оба были покрыты пылью, прилипшей к потным телам.

Внезапно Александрос ударил щитом противника по руке, сбив его с ритма. Рука с мечом вскинулась и на мгновение замерла перед ударом. Энзо неловко попятился, споткнулся и выронил щит. Зрители отозвались на неудачу соотечественника свистом и улюлюканьем.

Очевидно задетый таким отношением публики, Энзо выпрямился и перешел в ответную атаку.

– Тубрук!

Юлий положил руку на плечо бывшего гладиатора. Поединок мог вот-вот закончиться, а ставки при явном преимуществе одного из соперников просто перестанут принимать.

– Пока нет. Пока... нет...

Тубрук не сводил глаз с арены.

Песок вокруг гладиаторов потемнел от крови. Противники кружили, бросаясь то влево, то вправо, потом сходились, нанося и рубящие, и колющие удары, ныряя и блокируя, толкая и пытаясь сделать подсечку. Защищаясь от мощного выпада, Александрос выставил щит, и меч римлянина едва не застрял в мягком металле синего прямоугольника. Теперь и второй щит полетел на землю, и гладиаторы стояли боком друг к другу, как крабы, полагаясь на защиту наручей. Мечи у обоих затупились и покрылись зазубринами, и римская жара сказывалась на бойцах, быстро теряющих силы.

– Ставь все на грека – быстро! – бросил Тубрук.

Принимающий ставки раб бросил вопросительный взгляд на своего хозяина. Ставки были названы, деньги переданы, и те, кто находился поблизости, поспешили последовать примеру Юлия.

– Пять к одному на Александра – если бы раньше, были бы выше, – проворчал Юлий, глядя на арену.

Тубрук ничего не сказал.

Выпад... быстрый уход... защита... Еще выпад... Меч пронзил бок, и из глубокой раны хлынула кровь. Ответный удар – и клинок рассек икроножную мышцу. Нога подогнулась, один боец упал, а другой нанес несколько рубящих ударов по шее и рухнул рядом с трупом в лужу смешавшейся крови, которую всасывал сухой песок. Грудь его вздымалась от боли и напряжения.

– Кто победил? – встрепнулся Гай. Поскольку оба гладиатора заканчивали поединок без щитов, понять, кто из них кто, было затруднительно.

– По-моему, убит грек, – неуверенно предположил раб.

Его хозяин имел другое мнение. Оставалось только ждать, когда победитель поднимется и снимет шлем.

– А если умрут оба? – поинтересовался Марк.

– Тогда все ставки отменяются, – ответил хозяин раба – сборщика ставок. Судя по напряженному лицу, он тоже рискнул большими деньгами и теперь с волнением ждал результата.

С минуту оставшийся в живых гладиатор лежал, распростершись, поливая кровью песок. Публика зашумела, требуя подняться и снять шлем. Медленно, собрав остаток сил и преодолевая боль, победитель взял меч, оперся на него и встал. Постояв секунду-другую, он пошатнулся, потом наклонился и захватил горсть песка, который втер в рану. Песок отвалился красными комочками. Потом он поднял окровавленную руку и стащил шлем.

На бледном от кровопотери лице проступила улыбка. Зрители разразились оскорблениями, в лучах солнца блеснули монеты, брошенные не ему, а в него. По всему амфитеатру деньги вместе с проклятиями переходили из рук в руки. О победителе уже забыли. Он снова опустился на колени, и поспешившие на помощь рабы увели его с арены.

Тубрук с непроницаемым лицом проводил Александра взглядом.

– Может, обратиться к нему насчет наставничества? – спросил Юлий, с довольным видом собирая деньги в мешочек.

– Нет. По-моему, он не протянет и недели. Да и толковой выучки у него нет, есть только хорошая скорость.

– Для грека, – вставил Марк, не желая остаться в стороне от обсуждения.

– Да, хорошая скорость для грека, – рассеянно ответил Тубрук, думая о чем-то своем.

Пока на арене разгребали испачканный кровью песок, зрители занялись своими делами; двое или трое попытались воспроизвести только что закончившийся бой, сопровождая свое представление криками и стонами. Юлий похлопал Тубрука по руке, привлекая его внимание к двум приближающимся к ним мужчинам. В тогах из грубой шерсти, без украшений, оба выделялись на фоне нарядной толпы.

Юлий и Тубрук поднялись навстречу незнакомцам, и мальчики последовали их примеру. Отец Гая протянул руку, здороваясь с первым из подошедших, и тот слегка наклонил голову в ответ.

– Приветствую вас, друзья. Садитесь, пожалуйста. Это мой сын и подопечный. Они как раз собирались прогуляться и купить чего-нибудь поесть.

Тубрук вручил обоим по монете. Объяснения не требовались, и мальчики послушно, хотя и не слишком охотно, прошли по рядам и встали в очередь к лотку со съестным. Оставшиеся на месте четверо мужчин обсуждали что-то в тесном кругу, но голоса их терялись в толпе.

Через несколько минут, когда Марк покупал апельсины, Гай оглянулся и увидел, как незнакомцы благодарят отца и снова жмут ему руку. Потом они повернулись к Тубруку и, получив от него деньги, ушли.

Мальчики вернулись на свои места, и Марк раздал каждому по апельсину.

– Кто эти люди? – поинтересовался Гай.

– Мои клиенты. В городе у меня их несколько, – ответил Юлий, аккуратно очищая апельсин.

– А что они делают? Раньше я никогда их не видел.

Юлий посмотрел на сына и, заметив интерес в его глазах, улыбнулся.

– Это полезные люди. Они голосуют за кандидатов, которых я поддерживаю, или охраняют меня в опасных местах. Собирают для меня сведения... в общем, выполняют тысячи мелких поручений. За все это я плачу им по шесть динариев в день.

Марк присвистнул:

– Это же целое состояние!

Юлий перевел взгляд на него, и мальчик опустил глаза и принялся крутить в руке апельсиновую корку.

– Эти деньги расходуются с пользой. В Риме полезно иметь людей, к которым можно быстро обратиться с любой проблемой. У некоторых богатых сенаторов сотни клиентов. Это часть нашей государственной системы.

– А твоим клиентам можно доверять? – вмешался Гай.

– Можно, – усмехнулся Юлий, – но только то, что стоит не больше шести динариев в день.

Рений появился внезапно. Только что зрители оживленно переговаривались, не обращая внимания на пустую, грязную арену, как вдруг открылась небольшая дверь, и появился мужчина. Его заметили не сразу, а когда заметили, люди начали вставать и указывать на него.

– Почему все так радуются? – спросил Марк, глядя на одинокую фигуру под палящим солнцем.

– Потому что Рений снова вернулся. Теперь вы сможете рассказывать своим детям, что видели, как он дерется, – с улыбкой ответил Тубрук.

– Ре-ний! Ре-ний! – пронеслось по трибунам, и клич подхватили тысячи зрителей. Не слышно было ни шарканья ног, ни шуршания одежды. Все звуки растворились в одном имени.

В ответ на приветствия Рений поднял меч. Даже издалека можно было заметить, что годы еще не согнули его.

– Для шестидесяти очень даже неплохо. Хотя живот уже не плоский. Посмотрите на его широкий пояс, – негромко, словно обращаясь сам к себе, проворчал Тубрук. – Распустил ты себя, старый дурень.

Пока старик принимал приветствия почитателей, на арену один за другим вышли рабы-гладиаторы. Каждый был в набедренной повязке и держал в руке короткий гладий. Ни щитов, ни доспехов.

Публика затихла, а рабы построились ромбом, окружив Рения. На мгновение все замерло, а потом служители открыли загон.

Еще до того, как рабы вытащили на песок клетку, оттуда донесся короткий рык. По трибунам пронесся взволнованный шепот. За прутьями львы производили грозное впечатление: громадные горбы плеч, тяжелые головы, массивные челюсти, как будто предназначенные для того, чтобы перемалывать все живое. Пока клетку тащили по песку, разъяренные звери скребли когтями пол.

Клетка наконец остановилась, рабы подняли молотки и выбили деревянные штыри, запирающие переднюю стенку клетки. Зрители облизывали пересохшие губы. Железная решетка с грохотом упала на песок, и эхо разнеслось во все стороны. Одна за другой огромные кошки

вышли на арену, и в каждом их шаге ощущалась такая сила и уверенность, что многим на трибунах стало не по себе.

Повернувшись к стоящим на арене бойцам, самый большой лев угрожающе зарычал. Гладиаторы не шелохнулись, и зверь несколько раз прошелся перед клеткой, не спуская с них глаз. Два других льва тоже зарычали. Первый опустил на задние лапы и вдруг, совершенно неожиданно, бросился на рабов, которые невольно попятнулись. Сама смерть летела к ним.

Резким, отрывистым тоном Рений произнес какие-то команды, и трое рабов, стоявших впереди, выступили вперед с мечами наготове.

В последний момент лев прыгнул и сбил двоих с ног, ударив каждого лапой по груди. Оба упали и уже не двигались; из-под разодранной плоти торчали поломанные кости. Удар третьего пришелся по косматой гриве зверя и не причинил ему никакого вреда. Мгновением позже челюсти сомкнулись на руке гладиатора, который с криком отпрянул и сделал несколько шагов в сторону, шатаясь и поддерживая одной рукой окровавленную культю. Вторым мечом резанул льву по ребрам, а третий рассек подколенное сухожилие, отчего зверь захромал и еще больше разъярился. Рений выкрикнул очередную команду, и рабы-гладиаторы отступили, дав ему возможность нанести смертельный удар.

В тот же самый миг бойцов атаковали два других зверя. Один прыгнул на пытавшегося убежать раненого, сдавил челюстями голову, и все было кончено. Лев остался с трупом и, не обращая внимания на остальных, вгрызся в мягкий живот. Убили его быстро, тремя ударами – в пасть и грудь.

Последний лев, разъяренный самец, напал на Рения слева, сбив прикрывавшего его раба ударом лапы. Огромные черные когти торчали словно наконечники копий, готовые пронзить и рвать. Рений встретил его ударом в грудь. Из раны хлынула темная кровь, но клинок наткнулся на грудину. Гладиатор успел уклониться, и лев задел его только плечом, а щелкнувшая пасть поймала лишь воздух. Прокатившись по песку, Рений удержал в руке меч и ловко поднялся. Когда хищник остановился и повернулся к нему, он уже был готов и вогнал меч через подмышку прямо в сердце. Кровь забила фонтаном, как будто клинок прорвал пузырь, и силы оставили зверя. Лев пошатнулся и завалился на бок. Похоже, он понимал, что происходит, и только тяжело дышал, внушая уже не страх, а жалость. Когда Рений, вынув из-за пояса кинжал, направился к умирающему зверю, из глубины окровавленной груди донесся тихий стон. Разорванные легкие силились втянуть воздух, и с губ стекала на песок розовая слюна.

Рений наклонился ко льву и негромко сказал что-то, чего никто из зрителей не услышал. Потом положил руку ему на гриву и потрепал, словно любимого пса. И лишь затем старый гладиатор перерезал зверю горло.

Зрители на трибунах, наблюдавшие за происходящим на арене затаив дыхание, лишь теперь облегченно выдохнули. Послышался смех. На песке лежали четыре трупа, но Рений, старый боец, устало стоял посредине арены. Публика снова принялась скандировать его имя, но победитель быстро поклонился и исчез за незаметной дверью в стене.

– Быстрее, Тубрук! Ступай за ним. Ты знаешь, какова максимальная плата. И не забудь – договор на целый год!

Тубрук исчез в толпе, и мальчики остались с Юлием – провести время за вежливой беседой. Однако без Тубрука, умело направлявшего беседу, разговор быстро сошел на нет. Юлий любил сына, но общаться с детьми не умел: трещат как сороки, несдержанны и не соблюдают приличий.

– Если все, что о нем говорят, – правда, наставником он будет строгим. Когда-то равных ему не было во всей империи. Впрочем, Тубрук – рассказчик лучший, чем я.

Мальчики с готовностью закивали, решив про себя, что при первом же удобном случае вытянут из Тубрука все интересные подробности.

Лишь ближе к осени мальчики снова увидели Рения. Гладиатор въехал во двор конюшни на мерине и неторопливо спешился. Тот факт, что он ездил верхом, словно военачальник или сенатор, свидетельствовал о его высоком статусе. Перед его приездом мальчики развлекались тем, что прыгали с сеновала. Перепачканные, в пыли и соломе, предстать перед гостем в таком виде они не могли, а потому наблюдали за ним из-за угла.

Рений еще не успел оглядеться, как к нему подошел Тубрук.

– Тебя примут, как только ты освежишься после дороги.

– Я проехал меньше пяти миль! Не запыхался и не вспотел. Веди меня к хозяину или я найду дорогу сам! – сердито бросил старый солдат.

– А ты, как я погляжу, все такой же учтивый и любезный. Ничуть не изменился со времен нашего знакомства.

Рений не улыбнулся, и мальчики даже замерли на мгновение, ожидая либо удара, либо резкого ответа.

– Да и ты, как видно, так и не научился почтительно разговаривать со старшими.

– Теперь ты и вправду старик, так что все вокруг тебя младше.

От неожиданности Рений застыл, медленно моргая.

– Хочешь, чтобы я обнажил меч?

Тубрук не дрогнул, и Марк с Гаем лишь теперь заметили на поясе у него гладий в ножнах. Никогда раньше они не видели его вооруженным.

– Я только хочу напомнить тебе, что управляю этим поместьем и что я свободный человек, как и ты. Договор выгоден нам обоим. Здесь никто никому услугу не оказывает.

Рений наконец улыбнулся.

– Ты прав! Что ж, веди меня к хозяину дома. Хочу познакомиться с человеком, у которого работает такой забавный малый.

Мужчины ушли, а Гай и Марк переглянулись – глаза у обоих сияли от возбуждения.

– Он будет суровым и требовательным наставником, но скоро поймет и оценит талант, работать с которым ему посчастливилось... – прошептал Марк.

– До него дойдет, что мы – его последнее великое предсмертное деяние, – увлеченно подхватил Гай.

– Я стану лучшим мечником страны – не зря же с детства каждый вечер растягиваю руки, – продолжал Марк.

– И тебя будут называть Сражающейся Обезьяной! – с притворным почтением произнес Гай.

Марк швырнул ему в лицо клок сена, и они схватились с показным ожесточением и покатались по полу. Через секунду Гай оказался сверху и взгромоздился Марку на грудь.

– Я буду лучшим мечником, чем ты, но по дружбе не стану ставить тебя в неловкое положение в присутствии женщин.

Он принял гордую позу, и Марк снова столкнул его в солому. Оба сели – отдышаться и помечтать.

– Вообще-то, ты будешь заниматься поместьем, как твой отец. У меня нет ничего, а моя мать – шлюха, ты же знаешь... Нет, нет, молчи. Мы оба слышали, что сказал твой отец. Мне нечего наследовать, кроме имени, да и то запятнанного. Если славное будущее и ждет меня где-то, то только в армии. Учитывая благородное происхождение, я могу рассчитывать на высокое положение. Если Рений будет нашим учителем, от этого выиграем мы оба, но в первую очередь я.

– Ты всегда будешь моим другом. Ничто не встанет между нами, – серьезно произнес Гай, глядя ему в глаза.

– Каждый найдет свой путь.

Оба согласно кивнули и скрепили договор рукопожатием. Как раз в этот момент в дверном проеме возникла знакомая фигура.

– Идите и приведите себя в порядок! Умойтесь и почистите одежду. Рений после разговора с твоим отцом, хочет посмотреть на вас обоих.

Мальчики медленно двинулись к выходу, и скованность движений выдавала их волнение.

– Он жестокий? – спросил Гай.

Тубрук даже не улыбнулся.

– Да, жестокий. Он самый жестокий человек, какого я знаю. Он побеждает в поединках, потому что другие чувствуют боль и боятся умереть или остаться калекой. Рений – не человек, а меч, и он сделает вас такими же. Скорее всего, вы никогда не вспомните о нем с благодарностью – вы его возненавидите, – но то, чему он научит, не раз спасет вам жизнь.

Гай вопросительно посмотрел на старого гладиатора:

– Ты знал его раньше?

Тубрук рассмеялся – коротко, отрывисто, невесело.

– Пожалуй, что да. Рений готовил меня к поединкам, когда я был рабом.

Глаза его блеснули на солнце; он повернулся и вышел.

Расставив ноги и сцепив руки за спиной, Рений угрюмо смотрел на сидящего перед ним Юлия.

– Нет. Если хоть кто-то будет встревать, я тотчас же уеду. Ты хочешь, чтобы из твоего сына и этого ублюдка сделали солдат. Я это умею и занимаюсь этим, так или иначе, всю жизнь. Некоторые постигают эту науку, когда враг уже на пороге, некоторые – никогда, и немало таких я оставил на чужбине, едва присыпанных землей.

– Тубрук будет следить за их успехами. Его суждения обычно точны, и я им доверяю. Как-никак ты сам его обучал, – сказал Юлий, пытаясь вернуть инициативу, которая, как он чувствовал, от него ускользала.

Противостоять этому железному человеку было невозможно. С самого начала, едва только войдя в комнату, он повел разговор по-своему. Юлий хотел высказать некоторые требования и пожелания в отношении системы подготовки сына, но вместо этого оказался в положении защищающегося и в какой-то момент поймал себя на том, что отвечает на вопросы Рения о поместье и условиях для занятий. Он также обнаружил, что теперь лучше осведомлен о том, чего у него нет, чем о том, что у него есть.

– Они очень юны и...

– Еще год – и было бы слишком поздно. Да, можно взять двадцатилетнего мужчину и сделать из него хорошего солдата, знающего, выносливого, закаленного. Но из ребенка можно выковать настоящего, нестигаемого воина. Кто-то скажет, что ты уже затянул, что к подготовке должно приступить в пять лет. Мое мнение такое: десять лет – оптимум для начала правильного развития мышц и легких. Приступишь раньше – есть опасность сломить дух. Приступишь позже – дух может укрепиться на неверном пути.

– Согласен, до некоторой степени...

– Ты – отец ублюдка? – внезапно, но тем же ровным тоном, как если бы говорил о погоде, спросил Рений.

– Что? Нет, конечно нет! Я...

– Хорошо. Это создало бы затруднения. Тогда я согласен – договор на год. Это мое тебе слово. Пусть мальчики минут через пять выйдут в конюшенный двор – я на них посмотрю. Они видели, что я приехал, так что должны быть готовы. Докладывать тебе буду каждый квартал в этой комнате. Не сможешь приехать – соизволь известить заранее. Доброго дня!

Он повернулся на месте и твердым шагом вышел из комнаты. Оставшись один, Юлий глубоко вдохнул и медленно выдохнул, несколько ошарашенный, но довольный.

– Может, это как раз то, чего я хотел, – пробормотал он и впервые за утро улыбнулся.

Глава 5

Первое, что им сказали: вы должны хорошо выспаться ночью. Восемь часов, от позднего вечера до утренней зари, вас никто не будет беспокоить. Все остальное время – учеба, закалка, не считая коротких, минутных, перерывов, чтобы быстро запихнуть что-нибудь в рот и проглотить.

Восторженное настроение Марка наставник омрачил уже в первый день, когда взял его за подбородок заскорузлыми пальцами, посмотрел пристально в лицо и изрек:

– Слабодушен, как и мать.

Больше Рений не сказал ничего, но с тех пор в голове у мальчика раскаленным гвоздем засела мысль, что ветеран, которому он так стремился понравиться, возможно, видел его мать в городе. С того самого момента он стал стыдиться желания угодить учителю. Марк знал, что должен преуспеть в учении, но не для того, чтобы заслужить одобрение старого урода.

Причин для ненависти хватало. С первого дня Рений обращался к Гаю по имени, тогда как Марк был для него «мальчишкой» или «сукиным сыном». Гай понимал, что старый солдат делает это умышленно, чтобы, вызвав ненависть, употребить ее в благих целях, подстегнуть рвение. Однако, видя, как Рений оскорбляет и попирает достоинство друга, он и сам невольно злился.

Через поместье пробежала речушка, несшая в море свою холодную воду. С начала занятий прошел месяц, когда Рений перед полуднем отвел их к реке и кивком указал на темный поток.

– Полезайте.

Мальчики обменялись взглядами и пожали плечами.

Тело стало коченеть с первых же мгновений.

– Оставайтесь в воде, пока я не приду, – бросил через плечо Рений и направился к дому, где перекусил, искупался и лег вздремнуть – переждать послеобеденный зной.

Марк переносил холод намного хуже, чем Гай. Прошло часа два, а он уже посинел и дрожал так, что не мог говорить. Потом онемели ноги. Мышцы лица и шеи ныли. Чтобы не думать о холоде, они через силу пытались разговаривать, но тени становились все длиннее, а слова иссякали. Гай чувствовал себя лучше. Руки и ноги давно онемели, но дышалось ему легко, тогда как Марк хватал воздух мелкими глотками.

Становилось все прохладнее. Голова у Марка клонилась то в одну, то в другую сторону, и глаза поочередно погружались в воду. Когда это случалось, он медленно моргал, уже ничего не видя. Время от времени сознание покидало его, но когда в нос попадала вода, он фыркал и поднимал голову. Потом боль усиливалась, и Марк снова нырял. Испытание стало для каждого битвой с собой, а не состязанием друг с другом. Мальчики давно уже не разговаривали. Они знали, что будут стоять здесь, пока Рений не придет и не скажет им выходить.

Вечерело, и они поняли, что выйти сами уже не смогут. Даже если бы Рений явился с поздравлениями прямо сейчас, ему пришлось бы вытаскивать их и при этом – если боги и впрямь видят все – вымокнуть и испачкаться.

Марк то проваливался в забытие, то возвращался, сознавая, что неведомо каким образом уходил туда, где нет холода и тьмы. В какой-то момент он вдруг понял, что может и умереть здесь.

В одно из таких погружений Марк ощутил вдруг тепло и услышал дружелюбное потрескивание костра. Стоящий возле костра старик ногой подтолкнул в огонь тлеющую деревяшку и улыбнулся разлетевшимся искрам. Потом повернулся и увидел мальчика, бледного, дрожащего от холода, растерянного.

– Подойди к костру, мальчик, не бойся, я тебя не трону.

Лицо старика покрывала сеть морщин и вьевшаяся грязь – свидетельство забот и многолетних трудов. Изрезанное шрамами лицо напоминало заштопанную суму. На руках, когда он двигал опухшими в суставах пальцами, шевелились веревки вен. Он мог быть странником – в ветхой с заплатами одежде и с темно-красной тряпкой на шее.

– И что это у нас здесь? Рыбежа ильная! Редкость для здешних краев. Но одному хватит. Можешь отрезать ногу, тогда поедим оба. А кровь я остановлю – кое-что умею.

Густые лохматые брови поползли вверх, – похоже, мысль показалась ему интересной. Глаза заблестели, губы растянулись, обнажив десны, мягкие, влажные и сморщенные. Старик похлопал себя по одежде, и его движения повторила тень, запрыгавшая на темно-желтых, освещенных только пламенем костра стенах.

– Постой, мальчик, у меня тут где-то нож с зубьями для тебя...

Грубая, как камень, рука накрыла его лицо. Рука, ставшая вдруг больше, чем полагается быть человеческой руке. Теплое дыхание коснулось его уха, и он ощутил отвратительную вонь гниющих зубов.

Марк вырвался из забытья, задыхаясь в рвотных судорогах. В животе было пусто, и уже встала луна. Гай все еще был рядом, его лицо белело над черной стеклянной гладью воды, и голова то исчезала во тьме, то выныривала.

Хватит. Если выбирать между отступлением и смертью, то он предпочитает первое – и плевать на последствия. Тактически решение верное. Иногда лучше отступить, собрать и перегруппировать силы. Вот чему хотел их научить старик. Хотел, чтобы они отступили. Скорее всего, он где-то поблизости, ждет, когда же они усвоят этот самый важный урок.

Марк не помнил свой сон – только страх перед удушьем, который не отпускал. Тело как будто утратило привычную форму и просто висело, как разбухшее в воде бревно. Он превратился в какую-то мягкую придонную рыбину, а когда собрался с силами, рот открылся, и из него вытекла струйка воды, такой же холодной, как он сам. Марк подался вперед, протянул руку и ухватился за какой-то корень. За прошедшие одиннадцать часов его рука впервые высушилась из-под воды. Он чувствовал в себе холод смерти, но уже ни о чем не жалел. Да, Гай по-прежнему в воде, но они разные, и у каждого своя сила. Умереть только ради того, чтобы доставить удовольствие больному старику-гладиатору? Вот уж нет!

Дюйм за дюймом он продвигался вперед, лицо и грудь покрылись грязью, а раздувшийся живот походил на плавательный пузырь. Вернувшееся на берегу ощущение тяжести собственного тела переполнило его восторгом. Выбравшись полностью на сушу, он растянулся на земле, и его едва не вывернули наизнанку рвотные спазмы. Струйка желчи просочилась между губ и смешалась с черной жижей. Стояла тихая ночь, и Марк чувствовал себя так, словно выбрался из собственной могилы.

Марк лежал на том же месте, когда утреннее солнце заслонила тень. Рений нахмурился. Но внимание его привлек не Марк, а бледная, с закрытыми глазами и посиневшими губами, мальчишеская фигурка в воде. Наблюдая за ним, Марк увидел, как обычно каменное лицо прорезала гримаса беспокойства.

– Парень! – гаркнул он тем голосом, который его подопечные уже не могли терпеть. – Гай!

Течение покачивало тело, но ответа Рений не получил. Сжав зубы так, что проступили желваки, старик зашел по пояс в воду, наклонился, поднял десятилетнего мальчика и, как щенка, бросил на плечо. Глаза у Гая открылись, но никакая мысль в них не шевельнулась, и смотрели они в никуда. Рений со своей ношей поспешил к дому, и Марк, поднявшись, побрел за ним.

На другом берегу стоял в тени Тубрук. Всю ночь он прятался за деревьями, и теперь глаза его были холодны, как река.

Казалось, Рения всегда питало пламя гнева. Занятия продолжались уже несколько месяцев, и за все это время мальчишки ни разу не видели на его лице улыбку. В плохие дни он постоянно дергал их, в раздражении тер шею, готовый взорваться в любую секунду. В худшие, под полуденным солнцем, каждая их промашка, даже самая незначительная, отзывалась пятнами раздражения на коже.

– Держать камни! Руки прямо! – рыкнул он, обращаясь к обливающимся потом Марку и Гаю.

Задание, которое они получили в этот полдень, заключалось в том, чтобы стоять, держа вытянутых перед собой руках по камню величиной с кулак. Поначалу казалось, что это легко.

У Гая заболели плечи, руки отказывались повиноваться. Он напряг мышцы, те не слушались. Пот катился градом, а рука с камнем опустилась на ширину ладони. Живот резанула боль – Рений хлестнул его короткой плеткой. Руки задрожали, боль сковала мышцы. Гай закусил губу и сосредоточился на камне.

– Вы не уроните камни! Вы вытерпите боль. Вы удержите!

Расхаживая перед мальчиками, Рений снова и снова, словно заклинание, повторял эти слова. Они выполняли это упражнение уже в четвертый раз, и каждая попытка давалась труднее. На отдых отводилась всего одна минута, после чего все начиналось заново.

– Опустить, – распорядился Рений, с плеткой наготове наблюдая за тем, чтобы руки не падали, а опускались медленно, контролируемо. Марк тяжело выдохнул, и наставник скривил губу. – Однажды вам покажется, что терпеть боль уже невозможно, и от этого будет зависеть жизнь других людей. Может быть, вам придется держать веревку, по которой поднимаются товарищи, или бежать сорок миль в полном вооружении, чтобы спасти друзей. Вы слушаете?

Они кивнули, стараясь не пыхтеть от изнеможения и радуясь, что старик разглагольствует, а не приказывает снова взять камни.

– Я видел, как люди умирали на ходу и падали, продолжая дергать ногами, пытаясь встать. Таких хоронили со всеми почестями. Я видел, как мои легионеры остаются в шеренге и держат строй, удерживая рукой собственные кишки. Таких хоронили со всеми почестями.

Рений замолчал, раздумывая над своими словами и потирая затылок, как будто его ужалила оса.

– Однажды вам захочется просто сесть, захочется сдаться. Ваше тело объявит, что сил больше нет, и ваш дух ослабеет. Это обман. Пусть падают дикари и тягловый скот, но мы пойдем дальше. Думаете, вы закончили? Болят руки? Но вот что я вам скажу: за этот час вы еще двенадцать раз будете поднимать камни. И еще столько же, если хоть раз опустите руку больше, чем на ширину ладони.

На краю двора мыла стену девушка в свободной тунике, какие носили рабыни. Она не смотрела на мальчиков, хотя и вздрагивала каждый раз, когда старый гладиатор рывкал, отдавая очередную команду. Вид у нее был усталый, но Гай отметил ее красоту: длинные темные волосы, темные глаза и полные губы на тонком, нежном лице. Гай вспомнил, что зовут ее вроде бы Александрией.

Пока Рений говорил, девушка наклонилась, чтобы прополоскать в ведре тряпку. В вырезе туники Гай увидел гладкую кожу шеи и мягкие изгибы груди. В своем воображении он проник взглядом еще дальше и даже представил, как соски трутся о грубую ткань.

В этот миг, несмотря на боль в руках, он совершенно забыл о Рении.

Старик остановился и резко повернулся – посмотреть, что отвлекает мальчиков от урока. Увидев рабыню, он рыкнул и, сделав три быстрых шага, оказался рядом с ней и грубо схватил за руку. Девушка вскрикнула от боли.

– Я учу этих мальчишек тому, что спасет им жизнь, а ты трясешь перед ними сиськами, как паршивая шлюха!

Девушка сжалась от страха и подалась назад.

– Я... – пробормотала она растерянно, но Рений выругался и схватил ее за волосы. Она скривилась от боли, и он повернул ее лицом к мальчикам.

– Для меня не важно, если за моей спиной тысяча таких. Я научу вас не отвлекаться!

Одним ударом он сбил девушку с ног, и она упала. Продолжая держать рабыню за волосы, Рений поднял плеть и несколько раз стегнул ее по спине, приговаривая:

– Ты больше не будешь их отвлекать!

Когда он отпустил ее, девушка в слезах отползла от него на пару шагов, поднялась на четвереньки, встала и, рыдая, бросилась прочь со двора.

Марк и Гай смотрели на Рения, потрясенные случившимся. Наставник повернулся – глаза его метали молнии.

– Закройте рты! Здесь вам не игра! Я сделаю из вас людей, которые смогут служить республике и после меня. И я не потерплю слабости. А теперь возьмите камни и держите их, пока я не разрешу опустить.

Мальчики поднимали руки, не посмев даже переглянуться.

Вечером, когда все поместье затихло и Рений уехал в город, Гай не отправился спать, как делал обычно, а пошел в комнаты рабов. Сам не понимая почему, он чувствовал себя виноватым и настороженно посматривал по сторонам – не мелькнет ли тень Тубрука.

Домашние рабы спали под одной крышей с хозяевами, но в другом крыле. Гай бывал здесь нечасто, плохо знал эту часть дома и теперь никак не мог решить, стоит ли постучать в двери или лучше позвать ее по имени. Вот только действительно ли ее зовут Александрия?

Девушка сидела на невысоком выступе перед открытой дверью и, похоже, так задумалась, что не заметила его. Убедившись, что это она, Гай негромко откашлялся. Девушка испуганно вскочила и замерла, опустив голову и глядя в пол. Она умылась после грязной работы, и ее кожа в вечернем свете снова была гладкой и бледной. Убранные назад волосы были перевязаны полоской ткани, глаза в темноте казались еще больше, чем днем.

– Тебя зовут Александрия? – тихо спросил Гай.

Она кивнула.

– Я пришел извиниться за сегодняшнее. Я смотрел, как ты работаешь, а Рений подумал, что ты нас отвлекаешь.

Александрия не шелохнулась и не подняла глаз. Молчание затянулось, и Гай покраснел, не зная, что делать дальше.

– Послушай, мне правда очень жаль. Он обошелся с тобой так жестоко.

Она ничего не сказала, хотя страдания переполняли все ее существо. «Я рабыня! – могла бы крикнуть она. – Каждый день для меня – боль и унижение. Тебе нечего мне сказать». Но перед ней стоял сын хозяина поместья.

Гай подождал еще немного и ушел, уже жалея, что вообще приходил.

Александрия проводила его взглядом: он шел уверенно, и в его походке чувствовалась сила, уже вложенная Рением. Вырастет и станет таким же жестоким, как старый гладиатор, думала она. Он свободен, он римлянин. Он еще юн, потому и сочувствует, но это в нем выжгут быстро. Лицо Александрии горело от гнева, выказать который она не посмела. Скромная победа – не ответить мальчику, – но все же победа.

О ходе занятий и успехах подопечных Рений отчитывался в конце каждого квартала. Накануне условленного дня, вечером, отец Гая возвращался из столицы и выслушивал доклад Тубрука о том, как обстоят дела в поместье, потом виделся с мальчиками и проводил еще некоторое время наедине с сыном. На рассвете следующего дня он встречался с Рением, и мальчики могли поспать подольше, радуясь небольшому отступлению от утомительной рутины.

Первый отчет разочаровал своей краткостью.

– Начало положено. Зачатки характера есть у обоих, – бесстрастно заявил Рений.

Пауза продолжалась достаточно долго, прежде чем Юлий наконец понял, что продолжения не будет.

– Они слушаются? – спросил он, удивленный отсутствием подробностей. Неужели он за это выложил столько золота?

– Конечно, – ответил Рений, явно озадаченный вопросом.

– Они... из них что-то получится? – не сдавался Юлий. Он не хотел, чтобы разговор прошел в том же духе и в той же манере, что и предыдущий, но снова чувствовал себя так, словно перед ним один из его старых учителей, а не человек, которого он сам же нанял.

– Начало положено, – повторил Рений. – Такая работа быстро не делается.

– Как и все, что чего-либо стоит, – тихо ответил Юлий.

Секунду-другую они спокойно смотрели друг на друга, потом оба кивнули. Разговор был окончен. Старый воин крепко и быстро пожал руку своему работодателю и вышел. Юлий так и остался стоять, глядя на закрывшуюся за ним дверь.

Тубрук считал методы Рения рискованными и в подтверждение своего вывода рассказал о случае, когда оставленные без присмотра мальчики могли утонуть. Юлий поморщился. Он понимал, что, высказав Рению свои опасения, даст ему повод разорвать соглашение. Обязанность удерживать старого вояку от крайностей ложилась на плечи Тубрука.

Юлий сел с печальным вздохом, уже вернувшись мысленно к тем проблемам, с которыми столкнулся в Риме. Корнелий Сулла уверенно шел к власти, покоряя городишки на юге страны. Как там называется последний? Помпеи, какой-то городок в горах. Такими вот мелкими триумфами Сулла не позволял забыть о себе праздной публике. В его распоряжении была группа сенаторов, которых он опутал паутиной лжи, подкупа и лести. Все они были молоды, и старый солдат содрогнулся от отвращения, вспомнив некоторых из них. Неужели к этому идет Рим? Неужели это случится при его жизни?

Вместо того чтобы относиться к государственным делам со всей должной серьезностью, они предавались удовольствиям самого сомнительного свойства, участвовали в ритуалах в храме Афродиты и называли себя «новыми римлянами». В храмах на Капитолийском холме видели всякое, и чтобы вызвать там негодование, требовалось что-то особенное, но эти «новые» словно поставили себе целью нащупать все границы дозволенного и преступить их одну за другой. Народного трибуна, пытавшегося при любой возможности противостоять Сулле, нашли убитым. Само по себе событие ничем не примечательное. Его нашли в бассейне, в воде, покрасневшей от крови, вытекшей из перерезанной вены на ноге. К такому способу убийства прибегали довольно часто. Хуже было то, что заодно убили и его детей. Это уже походило на предупреждение остальным. Ни улик, ни свидетелей не нашлось, и шансов на то, что их когда-нибудь найдут, было немного. Между тем Сулла, воспользовавшись ситуацией, успел до избрания нового трибуна провести через сенат решение, предоставляющее военному командованию большую самостоятельность. Он сам отстаивал необходимость такого шага, был убедителен и красноречив. Сенат поддержал Суллу, и его позиции еще чуточку укрепились, тогда как позиции республики еще чуточку ослабли.

Пока Юлию удавалось сохранять нейтралитет, но, будучи связан родственными узами с другим участником борьбы за власть, братом жены, Марием, он понимал, что рано или поздно сторону придется выбирать. Каждый разумный человек видел, что грядут перемены, однако Юлия огорчало, что в сенате становится все больше горячих голов, для которых республиканские ценности – бремя. Так же и Марий считал, что сильный человек может не подчиняться закону, а использовать его в своих интересах. Он уже доказал это, посмеявшись над существующей системой избрания консулов.

Согласно римскому закону, консул выбирается на один срок, по истечении которого должен оставить свой пост. Мария недавно избрали в третий раз после его военных побед над

племенами кимбров и тевтонов. Мария называли львом поднимающегося Рима, и Юлий понимал: если Корнелий Сулла будет набирать силу, ему самому придется искать защиту в тени родственника.

Открыто перейдя в стан Мария, он не только будет обязан ему, но и поступится частью своей независимости, однако, возможно, другого разумного варианта просто не представится. Жаль, он не мог, как бывало прежде, спросить совета у жены, чей острый ум неизменно проникал в самую суть проблемы. Она умела посмотреть на любое дело с неожиданной точки зрения, увидеть то, что не замечали другие. Юлий скучал по ее кривой усмешке, по ее ладоням – когда он уставал, она прижимала их к его глазам, принося прохладу и покой.

Пройдя по коридорам к комнате Аврелии, он остановился перед дверью, прислушиваясь к ее спокойному, тихому дыханию.

Юлий осторожно вошел, шагнул к спящей жене и поцеловал ее в лоб. Она не шевельнулась, и он сел у кровати.

Спящая Аврелия выглядела совсем как прежде. Казалось, она вот-вот проснется и в ее глазах засветятся ум и ирония. Засмеется, увидев, что он сидит здесь в темноте, и откинет одеяло, приглашая его к себе, в теплую постель.

– К кому мне примкнуть, любовь моя? – прошептал Юлий. – Кого поддержать, кому доверить защиту города и республики? По-моему, твоему брату Марию республиканские идеалы так же безразличны, как и Сулле. – Он потер щеку, которая уже требовала бритья. – Где будет безопаснее моей жене и сыну? Доверить дом змее или волку?

Ответом была тишина, и он медленно покачал головой и поцеловал Аврелию, еще раз представив, что ее глаза откроются и он увидит знакомый взгляд. Потом осторожно вышел и тихонько закрыл за собой дверь.

Когда в тот вечер Тубрук совершал вечерний обход, свечи уже догорели и в комнатах было темно. Юлий все еще сидел в кресле, но глаза его были закрыты, грудь медленно поднималась и опускалась, и воздух выходил через нос с легким присвистом. Тубрук удовлетворенно кивнул, – наконец-то хозяин отдыхает от забот.

На следующее утро Юлий завтракал с мальчиками – хлеб, фрукты и теплый травяной настой. Вчерашние тревоги рассеялись, и его взгляд был свеж и ясен.

– Вижу, вы оба здоровые и сильные. Рений делает из вас мужчин.

Мальчики с ухмылкой переглянулись.

– Рений говорит, мы скоро приступим к боевой подготовке. Мы показали, что можем переносить жару и холод, и уже начали открывать свои сильные и слабые стороны. Это все дух, а дух, как он утверждает, – основа для военной выучки.

Говоря, Гай оживился и даже немного жестикулировал.

Оба держались заметно увереннее, и Юлий почувствовал укол сожаления, что не может чаще бывать дома и видеть, как они растут. Глядя на сына, он спрашивал себя, не получится ли так, что, вернувшись однажды домой, увидит незнакомца.

– Ты мой сын. Рений учил многих, но моего сына – никогда. Думаю, ты его удивишь.

Юлий видел, что Гай слушает его с недоверчивым выражением лица – мальчик не привык к похвалам.

– Я постараюсь. Думаю, Марк тоже удивит его.

Юлий почувствовал на себе взгляд второго мальчика, однако не посмотрел на него. Он хотел, чтобы Гай твердо запомнил его слова, и, недовольный попыткой сына втянуть в разговор приятеля, ответил так, словно Марка и не было за столом:

– Марк мне не сын. Мое имя и моя репутация достанутся тебе. Тебе одному.

Гай смущенно опустил голову, не выдержав непривычно требовательного взгляда родителя.

– Да, отец, – пробормотал он и принялся за еду.

Иногда Гай жалел, что у него нет братьев или сестер, с которыми он мог бы играть и которые тоже несли бы бремя отцовских надежд. Конечно, он бы не отдал им поместье, оно принадлежит ему, и так было всегда, но порой его тяготил груз ответственности. Особенно когда мать в свои хорошие дни жаловалась, что боги подарили ей только его одного. Аврелия часто признавалась сыну, что хотела бы иметь дочерей, чтобы наряжать их и передавать им свою женскую мудрость, но недуг, поразивший ее после первых родов, лишил ее этих надежд.

В теплую кухню зашел Рений. На нем были открытые сандалии, красная солдатская туника, не скрывавшая мощные икры, натренированные за долгие годы службы в пехоте. Несмотря на возраст, Рений являл образец крепкого здоровья и жизненной силы. Остановившись перед столом, он посмотрел на сидящих ясными, живыми глазами.

– С твоего позволения, хозяин, солнце встает, и мальчики должны пробежать пять миль, прежде чем оно выйдет из-за холмов.

Юлий кивнул, и мальчики быстро встали, ожидая разрешения уйти.

– Идите... и не ленитесь, – с улыбкой сказал он.

Его сын, похоже, ни о чем другом и не думал, а вот второй – в его темных глазах мелькнуло что-то еще. Гнев? Раздражение? Нет, наверное, показалось...

Мальчики убежали, и мужчины снова остались одни. Юлий указал на стол.

– Я слышал, ты собираешься начать боевую подготовку.

– Они еще недостаточно сильны. Возможно, в этом году и не будут готовы. В конце концов, меня наняли не для этого.

– Ты не думал о том, чтобы продолжить работу с ними после истечения годовичного срока? – как бы мимоходом спросил Юлий, чтобы не выказать излишней заинтересованности.

– В следующем году я отойду от дел и уеду жить в деревню. Вряд ли что-то изменит мое решение.

– Значит, эти двое – твоя последняя дань Риму, – подвел итог Юлий.

Рений на мгновение застыл, но Юлий сохранял выражение полного безразличия.

– Об этом стоит подумать, – сказал наконец Рений и, по-военному резко повернувшись, вышел.

Глядя ему в спину, Юлий хищно усмехнулся.

Глава 6

– Командиры сражаются верхом, однако конница – не главная наша сила. Ее назначение – оттеснить противника, но уничтожают его двадцать восемь легионов пехоты. Каждый из ста пятидесяти тысяч наших легионеров в любой момент готов прошагать тридцать миль в полном вооружении с мешком в треть его веса. А потом идти в бой, не жалуясь на усталость, не позволяя себе слабости.

Рений посмотрел на мальчиков, стоявших под жарким полуденным солнцем, отдуваясь после пробежки. Он отдал им, своим последним ученикам, больше трех лет жизни. Сколь многому им еще предстояло научиться! Расхаживая вокруг них, старый гладиатор бросал слова, как камни.

– Не удача, посланная богами, отдала многие страны во власть Рима. Не слабость других народов заставляет их бросаться на наши мечи. Дело в нашей силе, превосходящей все, что они могут нам противопоставить. Это наша главная тактика. Наша сила и наш боевой дух несокрушимы. Наша дисциплина такова, что о нее разобьются насмерть все армии мира. Каждый наш воин знает, что боевые товарищи не оставят его. Поэтому ему не страшны ни героические атаки врага, ни жуткий боевой клич диких племен. Мы идем в бой. Мы стоим, а они умирают.

Гай уже отдышался, и легкие больше не изнывали от нехватки кислорода. За три года, прошедших с тех пор, как Рений впервые приехал на виллу его отца, Гай вырос и набрался сил. Накануне четырнадцатилетия в подростке уже угадывался мужчина, которым ему предстояло стать. Под римским солнцем его кожа приобрела цвет дубовой коры, в фигуре сочетались легкость и атлетизм, мощь плеч и ног. Гай мог часами бегать по холмам и при этом находить в себе силы, приближаясь к поместью, прибавить шаг.

Марк тоже изменился – и внешне, и внутренне. Былое невинное ребяческое веселье вспыхивало теперь лишь изредка. За три года Рений научил его контролировать чувства и реакции. Научил, безжалостно применяя плетъ. В плечах Марка скрывалась сила, в кулаках – быстрота молнии, сравниться с которой Гай уже не мог. Стремление обрести самостоятельность, жить, не завися от родственников, без опеки со стороны других жгло его изнутри.

Мальчики отдышались и стояли, настороженно глядя на Рения. Они уже знали, что наставник может внезапно, без предупреждения, ударить в живот, проверяя таким образом на слабость.

– Возьмите мечи.

Парни молча повернулись и взяли мечи, висевшие на стене учебного двора. На обоих были тяжелые кожаные пояса с тяжелой кожаной «лягушкой», на которой держался меч.

Экипировавшись должным образом, Гай и Марк предстали перед Рением в ожидании следующего приказа.

– Гай, ты наблюдаешь. Мальчишка послужит для примера.

Рений с хрустом расправил плечи и усмехнулся, заметив, как Марк медленно достает меч из ножен.

– Первая позиция. Стой, как солдат.

Марк встал в первую позицию: ноги на ширине плеч, одно плечо чуть впереди другого, меч на уровне пояса, в положении, из которого можно атаковать пах, живот или горло. Пах и горло – предпочтительные цели для глубокого выпада, поскольку в случае успеха враг истекает кровью в считанные секунды.

Рений качнулся с ноги на ногу, и меч Марка дрогнул, проследовав за ним.

– Опять воздух рубишь? Я слежу и разгадываю твою манеру. Мне достаточно, чтобы ты раскрылся один-единственный раз, и тогда я одним ударом рассеку тебе горло. Покажи, в какую сторону ты переносишь вес, и я разрублю тебя пополам.

Рений пошел вокруг Марка, который оставался на месте, в слегка расслабленной позе и с бесстрастным лицом.

– Хочешь меня убить, да? Я ощущаю твою ненависть. Ощущаю, как доброе вино в желудке. Веришь ли, она меня бодрит.

Марк атаковал резко, внезапно, молниеносно. Сотни часов он потратил на то, чтобы избавиться от всех предательских сигналов вроде мгновенно напрягшихся перед выпадом мышц, предупреждающих противника о его намерениях. Никакая быстрота не спасет, если выдать свое намерение, – опытный воин всегда успеет опередить и выпустить кишки.

Там, куда целился Марк, Рения уже не было. Гладий наставника коснулся горла ученика.

– Опять! Медлительный и неуклюжий, как обычно! Не будь ты быстрее Гая, я бы сказал, что хуже ученика еще не видел.

Марк моргнул. И в то же мгновение нагретый солнцем клинок прижался к внутренней поверхности бедра, к тому месту, где пульсировала большая вена.

Рений поморщился и покачал головой:

– Никогда не слушай противника! Гай смотрит, ты дерешься. Сосредоточься на моих движениях, а не на том, что я говорю. Слова – это только чтобы отвлечь тебя. Еще раз.

По земле снова закружились тени.

– Твоя мать в постели тоже была неловкой поначалу!

Меч Рения ударил с быстротой змеи, но его встретил и отклонил другой меч. В тот же миг Марк сделал шаг вперед и коснулся острием гладия морщинистой кожи на горле старика. Холодные глаза ученика смотрели бесстрастно и сурово.

– Предсказуемо, – пробормотал Марк, глядя в ледяные голубые глаза, в глубине которых все же мелькнула досада.

Он почувствовал укол, опустил глаза и увидел в левой руке Рения кинжал, надавивший ему на живот. Старый гладиатор усмехнулся:

– Многие возненавидят тебя так сильно, что будут готовы лечь с тобой в могилу. Они – самые опасные. Они нарвутся на твой меч, чтобы выдавить тебе глаза. При мне одна женщина проделала такое с моим человеком.

– Почему она так его ненавидела? – спросил Марк, отступая на шаг, но держа меч наготове, чтобы отразить возможную атаку.

– Победителей ненавидят всегда. Это цена, которую приходится платить. Те, кто тебя любит, исполнят все твои желания, но только когда сами этого захотят. Те же, кто боится тебя, будут покорны, когда ты этого захочешь. Так что лучше, чтобы тебя любили или боялись?

– И то и другое, – серьезно сказал Гай.

Рений улыбнулся:

– Чтобы тебя любили и уважали? Это невозможно, если ты забираешь землю, которая может быть твоей только по праву силы и крови. Жизнь – штука сложная, в ней нет простых вопросов и ответов. Ответов всегда много.

Мальчики озадаченно посмотрели на него, и Рений раздраженно фыркнул.

– Сейчас я покажу вам, что такое дисциплина! Я покажу, чему вы уже научились. Положите мечи и станьте смирно.

Старый гладиатор окинул их скептическим взглядом, и в этот момент внезапно ударил полуденный колокол. Он нахмурился, и с ним случилась странная перемена. Уже не отрывистым, командным, а тихим и спокойным голосом Рений произнес:

– В городе голодные бунты, слышали? Негодяи собираются в шайки, жгут, ломают и разбегаются, как крысы, наравшись на человека, которому достает смелости обнажить меч. Я занимался с вами на два года больше, чем предусматривалось изначальным соглашением. Вы еще не готовы, но я не стану тратить на вас оставшиеся мне годы. Сегодняшний урок – последний. – Он шагнул к Гаю, который стоял, глядя строго перед собой. – Сегодня твой отец должен был встретиться со мной и выслушать мой отчет. Он опаздывает – впервые за три года. О чем это мне говорит?

У Гая пересохло в горле. Он откашлялся:

– Положение в Риме серьезнее, чем ты полагал.

– Да. Жаль, что твой отец не увидит наш последний урок. Если он погиб, а я убью тебя, кому достанется поместье?

Гай растерянно моргнул. Смысл слов наставника никак не соответствовал его спокойному, рассудительному тону. Он как будто заказывал себе новую тунику.

– Моему дяде Марию, хотя он сейчас с Первородным легионом. Мы не ждем его...

– Первородный – славный легион, хорошо сражался в Египте. Тогда я пошлю счет ему. А теперь я сделаю тебе одолжение как хозяину поместья, раз твой отец в отъезде. Когда будешь готов, мы сразимся по-настоящему, не так, как в учебном бою, не до первой крови, а так, как могли бы схватиться сегодня, если бы ты шел по римской улице в толпе бунтовщиков. Я буду драться честно, и если ты убьешь меня, то считай, что твое обучение завершилось.

– Зачем убивать нас, если ты потратил на нас столько времени, – выпалил Марк, забыв правило, запрещавшее говорить без разрешения.

– Рано или поздно вы столкнетесь со смертью лицом к лицу. Я не могу продолжать обучение, но есть еще один, последний урок, который вам нужно выучить. Это страх и гнев.

В какой-то момент им показалось, что Рений утратил уверенность в себе. Но он тут же вскинул голову и снова стал «зубастой черепахой», как называли его рабы.

– Вы – мои последние ученики. Моя репутация, когда я отойду от дел, будет висеть на ваших жалких шеях. Я не позволю вам выйти в жизнь недоучками, чтобы ваши поступки чернили мое имя. Я защищал его всю жизнь, мое имя. Терять его сейчас слишком поздно.

– Тебе не придется стыдиться за нас, – негромко, словно давая обещание самому себе, пробормотал Марк.

Рений повернулся к нему:

– Ты позоришь меня каждым своим ударом! Ты как мясник, в гневе рубящий бычью тушу. Ты не научился сдерживаться. Когда кровь отливает у тебя от головы, ты попадаешь в простейшую ловушку! А ты! – Он повернулся к ухмылявшемуся Гаю. – Все твои мысли только о том, что у тебя между ног. Какой же ты римлянин! Нобиль! У меня кровь стынет в жилах, когда я думаю о том, что такие сопляки, как ты, унаследуют мой город и мой народ.

Намек на девушку-рабыню, которую Рений отхлестал у них на глазах, стер ухмылку с лица Гая. Стыд все еще жег его, и теперь, слушая речь наставника, он чувствовал, как разгорается внутри гнев.

– Гай, можешь выбирать, кто из вас начнет поединок. Пусть это будет твое первое тактическое решение!

С этими словами Рений отвернулся, вышел на бойцовскую площадку, выложенную мозаикой на учебном дворе, и принялся разминаться, словно не замечая изумленных взглядов мальчиков.

– Старик рехнулся! – прошептал Марк. – Он убьет нас обоих!

– Для него это все игра, – хмуро ответил Гай. – Как тогда, на реке. Я его убью. Думаю, смогу. И уж от вызова я точно не уклонюсь. Если я таким образом должен показать, что хорошо усвоил его уроки, так тому и быть.

Марк посмотрел на друга и понял, что тот настроен решительно. Марк не хотел, чтобы кто-то из них дрался с Рением насмерть, но уж если поединка не избежать, то у него больше шансов. Одержать чистую победу в схватке не сумел бы ни он, ни Гай, но только он, превосходя друга в скорости, мог рассчитывать отправиться в мир иной, прихватив с собой старика.

– Гай, – прошептал он, – дай мне сразиться первым.

Гай посмотрел ему в глаза, словно пытаясь прочесть его мысли.

– Не в этот раз. Ты мой друг. Я не хочу видеть, как он убьет тебя.

– Я тоже не хочу. Но из нас двоих я быстрее – у меня больше шансов.

Гай расслабил плечи и сдержанно улыбнулся:

– Рений – просто старик, Марк! Я мигом с ним разберусь.

Он вышел на площадку и встал в исходную позицию.

Рений наблюдал за ним, шурясь на солнце.

– Почему ты решил биться первым?

Гай пожал плечами:

– Жизнь рано или поздно кончается. Я так решил. Вот и все.

– Что ж, пусть. Давай, мальчик. Посмотрим, научился ли ты чему-нибудь.

Поединок начался как танец с легкого, плавного кружения пары, и на вытянутых вперед клинках заиграли солнечные лучи.

Внезапный поворот плеча, хитрость Рения не обманула Гая, ответившего быстрым выпадом, заставившим старика отступить. Звон мечей – и схватка началась всерьез. Выпад – блок, удар – ответ. В какой-то момент они сошлись лицом к лицу, мышцы вздулись от напряжения, и старый гладиатор отбросил юнца так, что тот грохнулся на землю.

Вопреки обычаю, Рений удержался от насмешки, и лицо его осталось бесстрастным. Гай медленно поднялся. Победить силой он не мог.

Два быстрых, почти неуловимых шага, обход защиты – и режущий удар прочертил кровавую полосу на загорелой груди Рения.

Старик удивленно хмыкнул, а Гай не стал останавливаться и продолжил наступать, нанося удар за ударом, каждый из которых его противник отражал, зная, что мальчишка скоро израсходует силы, утомится на солнце и станет беззащитным перед ножом мясника.

Пот заливал Гаю глаза. В отчаянии он пытался изобрести что-то, придумать какой-то новый ход, который мог бы сработать против этого безжалостного истукана, так легко просчитывающего и отражающего его атаки. В очередной раз он ударил с размаху, но промахнулся и потерял равновесие, тогда как правая рука Рения скользнула вперед и клинок вошел в живот Гаю.

Он сразу почувствовал, как уходит сила, хотя и не ощутил боли. Ноги одеревенели, ослабли и, уже не слушаясь его и ничего не чувствуя, подкосились. Капли крови упали на песок. Свет померк, исчезли краски, заколотилось глухо сердце, и в глазах рассыпались искры.

Рений смотрел на него сверху, и Гаю показалось, что глаза старика блеснули. Неужто плачет?

– Неплохо, но этого мало! – бросил гладиатор и шагнул вперед.

Тень заслонила свет, и лезвие меча врезалось в складки кожи под подбородком старика. Рений замер от неожиданности, и это не укрылось от Марка, стоявшего в шаге за его спиной.

– Обо мне забыл?

Он мог бы легко и без раздумий, одним движением меча убить злобного старика, но бросил взгляд на друга и увидел, что тот умирает. На краткий миг Марк потерял контроль над собой и упустил шанс быстро покончить с противником. Рений отступил в сторону и снова поднял окровавленный меч. На каменном лице горели глаза.

Начав атаку, Марк прошел защиту и отступил еще до того, как старик успел сделать хоть что-то. При желании он мог бы нанести смертельный удар, потому что противник остался неподвижным.

– Неужели ты не можешь убить меня, даже когда я просто стою и открыт? – рявкнул Рений, делая круг и поворачиваясь к Марку правым боком.

– Ты всегда был глупцом, и гордость твоя – это гордость глупца. – Марк едва не зарычал от злости. Рядом, на солнцепеке умирал друг, а ему приходится слушать этого старика.

Он снова атаковал, полностью сосредоточившись на поединке, на ударах и защите, не отвлекаясь на размышления, не останавливаясь. Рана за раной открывались на старом теле, и кровь капала на землю, словно весенний дождь.

Рений уже не тратил время на разговоры.

У него просто не осталось времени. Он отчаянно защищался, и в какой-то момент на его лице промелькнуло удивление, которое тут же скрыла маска гладиатора. Марк дрался, демонстрируя все качества прирожденного воина: ловкость, быстроту, устойчивость.

Снова и снова отражая удары ученика, Рений реагировал на них бессознательно, полагаясь только на опыт и реакцию тела. Разум его как будто отстранился от этой схватки.

В голове его звучал бесстрастный голос: «Я – старый дурак! Этот парень, возможно, мой лучший ученик, но я убил другого – тот удар был смертельным».

Меч Марка рассек плечевую мышцу, и левая рука беспомощно повисла. Боль была словно молотом, и он вдруг ощутил давящую усталость, как будто годы наконец догнали его. Мальчишка никогда еще не показывал такой ловкости и быстроты. Казалось, вид умирающего друга открыл в нем новые грани мастерства.

В какой-то момент Рений почувствовал, как силы покидают его. Он и сам понимал, что дух уже не мог повелевать телом.

Рений вздохнул от отчаяния, уступая слабости. Старый гладиатор много раз видел, как это случалось с другими, когда тело брало верх над духом. Подставив зазубренный гладий под очередной удар, он понял – это все.

– Остановись или я убью тебя на месте, – раздался незнакомый голос. Слова прозвучали тихо, но были отчетливо слышны на другом конце двора.

Марк не остановился. Его научили не обращать внимания на насмешки и колкости, и он не собирался отказываться от победы. Еще один удар и...

– Этот лук убьет тебя, мальчик. Опusti меч.

В глазах Марка мелькнуло безумие, и Рений понял, что ему конец. Но искра вдруг погасла – рассудок взял верх.

Стекавшая по телу кровь была теплая, но двор как будто дохнул холодом на старого гладиатора. Его противник отступил с площадки и повернулся к незнакомцу. Никогда еще Рений не ощущал дыхания смерти так близко.

На солнце сверкнул наконечник стрелы. Человек, державший лук, был старше Рения, но руки, натянувшие тетиву, не дрожали. Незнакомец был в грубой тунике бурого цвета и широко улыбался, демонстрируя несколько оставшихся зубов.

– Сегодня здесь никто не умрет. Иначе я бы знал. Уберите оружие, я позову лекарей.

Мир снова предстал перед Марком во всей своей суровой реальности. Гладий выпал из руки.

– Гай, мой друг... он ранен и может умереть. Ему требуется помощь.

Не в силах стоять, Рений опустился на колено. Онемевшие пальцы выронили меч. Голова склонилась, и красное пятно под ним делалось все шире. Марк прошел мимо него, даже не взглянув.

– Я вижу у него разрыв придатка, – бросил старик через плечо.

– Значит, он умрет. Когда лопается аппендикс, это всегда заканчивается смертью. Наши лекари не умеют его удалять.

– Мне случалось это делать. Однажды. Позови домашних рабов, пусть отнесут мальчика в дом. И пусть принесут повязки и горячей воды.

– Ты – целитель? – спросил Марк, с надеждой вглядываясь в глаза старика.

– Я много странствовал по свету и кое-чему научился. Это еще не конец.

Их глаза встретились, и Марк отвернулся, кивая сам себе. Незнакомец почему-то вызывал доверие.

Рений перекатился на спину, грудь его едва поднималась. Теперь он выглядел тем, кем и был, – старым деревянным истуканом, высохшим и сделавшимся ломким под римским солнцем.

Поймав взгляд Марка, он попытался встать, дрожа от слабости.

Поднявшаяся было ярость закипеть не успела – чья-то рука легла Марку на плечо.

Рядом, с потемневшим от гнева лицом, стоял Тубрук.

– Успокойся, парень! Больше никаких поединков. Я послал за Луцием и за лекарем матери Гая.

– Ты видел? – спросил, запинаясь, Марк.

Тубрук сжал его плечо.

– Только самый конец. Я надеялся, что ты его убьешь, – мрачно сказал он и, бросив взгляд на истекающего кровью Рения, повернулся к незнакомцу.

– Кто ты, старец? Вор? Это частное владение.

Старик медленно выпрямился и посмотрел Тубруку в глаза.

– Просто странник, скиталец.

– Он умрет? – вмешался Марк.

– Думаю, не сегодня, – ответил старик. – Теперь, когда я здесь, это было бы невежливо – разве я не гость в доме?

Марк растерянно моргнул, обыденное звучание этих слов никак не совмещалось с бурлящей круговертью боли и гнева внутри.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – сказал он.

– Я – Кабера, – тихо ответил старик. – А теперь успокойся. Я помогу вам.

Глава 7

Из забытья Гая вырвали сердитые голоса. Голова гудела, по всему телу разливалась слабость. Ниже пояса накатывала волнами боль, отдаваясь пульсирующим эхом в самых чувствительных точках. Во рту пересохло, он не мог ни говорить, ни даже держать открытыми глаза. Тьма ждала, мягкая и красная, и он, еще неготовый сознательно бороться за жизнь, попытался вернуться в нее.

– Я удалил поврежденный придаток и сшил разорванные сосуды. У парня большая потеря крови, и на выздоровление понадобится время, но он молод и силен.

Голос незнакомый – какой-то лекарь из поместья? Гай не знал, да и не хотел знать. Если он не умрет, то остальное не важно – пусть оставят в покое и дадут поправиться.

– Лекарь моей жены говорит, что ты самозванец. – Неуступчивый голос отца.

– Он в любом случае не взялся бы за такое дело, – следовательно, ты ничего не потерял, верно? Мне случалось удалять придаток. Это не смертельно. Плохо то, что у него начинается лихорадка, но с ней он должен справиться сам.

– Меня учили, что аппендикс воспаляется и лопается. Его нельзя просто отрезать, как палец.

В голосе отца Гаю послышалась усталость.

– И все же я отрезал. И старика перевязал. Он тоже поправится, хотя драться уже не сможет. Так что никто здесь не умрет. Тебе следует отдохнуть.

Гай услышал шаги. Теплая, сухая ладонь легла ему на лоб.

– Как я могу спать, Кабера? Он мой единственный сын. Ты бы уснул на моем месте?

– Уснул и спал бы как ребенок. Мы сделали все, что могли. Я позабочусь о нем, а ты должен отдохнуть.

Голос у незнакомца был приятным, но в нем не было тех мягких интонаций, которые отличали всех целителей, лечивших Аврелию. Он говорил со странным, незнакомым акцентом и особенным сладкозвучным ритмом.

Гай снова погрузился в сон, как будто на грудь ему положили какой-то темный груз. Голоса доносились издалека, дрожа на грани слышимости, то всплывая в его лихорадочную дрему, то уходя.

– Почему ты не зашил рану? Я видел немало боевых ран, их зашивали и перевязывали.

– Именно поэтому греки не одобряют мои методы. Когда усиливается жар, в ране появляется гной, и ему нужно давать стечь. При зашитой ране стока нет, и гной остается в ней и отравляет тело. Если сделать так, твой сын умрет, как умирали другие до него. Мой метод дает надежду на спасение.

– Если он умрет, я сам вырежу тебе аппендикс.

Похожий на кудактанье смешок... несколько слов на незнакомом языке... словно эхо в полусне.

– Боюсь, ты его не отыщешь. Видишь шрам? Много лет назад придаток удалил мне отец – таким же способом.

– Раз так, я доверюсь твоему суждению, – словно подводя черту, сказал Юлий. – Если он выживет, заслужишь мою благодарность, и не только.

Его разбудило прикосновение прохладной руки. С лица цвета ореховой коры на него смотрели ярко-синие глаза.

– Меня зовут Кабера. Рад познакомиться с тобой, тем более в такое важное для тебя время. Я прошел тысячи ваших миль и оказался здесь в нужный момент. После всего случившегося можно поверить в богов, ведь так?

Гай не смог ответить. Язык распух и одеревенел. Словно прочитав его мысли, старик поднес к его губам мелкую чашу с водой.

– Пей. Жар выжигает влагу из тела.

Попавшие в рот несколько капель разбавили собравшуюся вязким комом слюну. Гай откашлялся и снова закрыл глаза. Кабера посмотрел на него, вздохнул и, оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, положил костлявые старческие руки на рану вокруг тонкой деревянной трубки, из которой лениво капала густая жидкость.

Даже во сне Гай ощутил идущее из его рук тепло. Струйки этого тепла растеклись в груди и собрались в легких, очищая их. Постепенно тепло переросло в почти болезненный жар. Кабера убрал руки и выпрямился, шумно и тяжело отдуваясь.

Гай снова открыл глаза. Слабость не позволяла двигаться, но ощущение колышущейся внутри жидкости исчезло. Он снова мог дышать.

– Что ты сделал?

– Полегчало? Придаток я вырезал удачно, но небольшая помощь тебе все-таки требовалась.

Старческое лицо прорезали глубокие морщины усталости, однако глаза в темных складках сияли по-прежнему ярко. Кабера снова положил ладонь на лоб больного.

– Кто ты? – прошептал Гай.

Старик пожал плечами:

– Я и сам все еще пытаюсь это понять. Был и нищим, и старостой деревни. Я вижу себя искателем истин и в каждом новом месте нахожу новую истину.

– Ты можешь помочь моей матери?

Гай закрыл глаза и услышал тихий вздох.

– Нет. Ее недуг кроется в рассудке или, может быть, в душе. Я немного помогаю страдающим телесной хворью, только и всего. Это проще. Мне жаль. А теперь спи. Настоящий целитель – сон, а не я.

И словно по его знаку нахлынула тьма.

Когда Гай опять пришел в себя, рядом с непроницаемым, как всегда, лицом сидел Рений. И все же произошедшие с ним перемены бросались в глаза: левое плечо было туго перевязано, а под загорелой кожей проступала бледность.

– Как ты, парень? Не могу передать, как я рад, что ты поправляешься. Этот чужеземец просто чудесник.

Голос старого гладиатора, во всяком случае, не изменился и остался таким же отрывистым и резким.

– Может, и так. Странно, что ты здесь после того, как едва не убил меня, – проворчал Гай. Память вернула мгновения поединка, и сердце заколотилось, а на лбу выступил пот.

– У меня не было такого намерения. Я просчитался. Прости. – Старик посмотрел в глаза ученику и нашел то, что искал, – прощение.

– Я не в обиде. Главное – мы оба живы. Даже ты иногда ошибаешься.

– Когда я подумал, что убил тебя...

Лицо старика исказила гримаса боли.

Гай попытался сесть и, к своему удивлению, обнаружил, что силы возвращаются.

– Ты меня не убил. Но зато я могу теперь говорить, что учился у самого Рения. И ни слова больше. Это дело прошлое.

В какой-то момент вся ситуация показалась ему нелепой: тринадцатилетний мальчик утешает старого гладиатора. Но слова дались без всяких усилий, и он поймал себя на том, что питает к старику теплые чувства, особенно после того, как выяснилось, что Рений – обычный человек, а не идеальный воин, выточенный из какого-то неведомого камня.

– Мой отец еще здесь?

Рений покачал головой:

– Ему пришлось вернуться в город, хотя первые несколько дней он провел рядом с тобой, пока не убедился, что ты выздоравливаешь. В Риме бунты, положение все хуже, так что для наведения порядка призван легион Суллы.

Гай кивнул и вытянул перед собой сжатую в кулак руку.

– Хотел бы я попасть в город и посмотреть, как в него входит легион.

Рений улыбнулся – ох уж этот юношеский энтузиазм.

– В этот раз не получится. Вот поправишься и сможешь снова увидеть город. Там Тубрук. Хватит сил увидеться с ним?

– Мне намного лучше, чувствую себя почти нормально. Я давно здесь лежу?

– Неделю. Кабера давал тебе травяные отвары, чтобы ты больше спал. И все-таки твоя рана заживает удивительно быстро, а я на своем веку ран повидал немало. Старик называет себя провидцем. Думаю, он и впрямь владеет магией. Ладно, позову Тубрука.

Рений поднялся. Гай протянул руку:

– Ты остаешься?

Рений с улыбкой покачал головой:

– Обучение закончено. Я возвращаюсь на свою маленькую виллу. Хочу прожить старость в покое.

– У тебя есть... семья? – нерешительно спросил Гай.

– Была когда-то, но все давно умерли. Буду коротать вечера с такими же стариками, рассказывать байки да попивать доброе красное вино. И постараюсь не выпускать тебя из виду. Кабера говорит, ты – особенный, и, по-моему, этот старый прохвост редко ошибается.

– Спасибо, – сказал Гай, не зная, как еще выразить старому гладиатору благодарность за все, чему он научил его.

Рений кивнул, и они обменялись крепким легионерским рукопожатием. Он вышел, и комната вдруг показалась пустой.

Дверной проем заполнила могучая фигура улыбающегося Тубрука.

– Ну вот, приятно посмотреть. Даже румянец появился.

Гай ухмыльнулся – он вновь становился собой прежним.

– Я и сам чувствую, что окреп. Мне повезло.

– Нет никакого везения. Это все дело рук Каберы. Удивительный старик. Ему, должно быть, лет восемьдесят, но когда лекарь твоей матери пожаловался, что, мол, тебя не так лечат, Кабера вывел его за ворота и устроил хорошую трепку. Признаться, давненько я так не хохотал. Руки худые, но сильные и хороший перекрестный правый. Тебе стоило бы посмотреть. – Он усмехнулся, вспоминая что-то, и, уже посерьезнев, добавил: – Тебя хотела видеть мать, но мы подумали, что ей лучше не расстраиваться, пока ты не поправишься. Приведу ее завтра.

– Пусть бы пришла и сейчас. Я не очень устал.

– Нет. Ты пока слаб, и Кабера говорит, тебя нельзя утомлять разговорами.

Гай сделал большие глаза: с каких это пор бывший гладиатор следует чьим-то наставлениям?

Тубрук снова улыбнулся:

– Говорю же, он необыкновенный человек, и, после того как тебя вылечил, я к нему прислушиваюсь – по крайней мере, в отношении ухода за больными. Я бы и Рения не пустил, но он сегодня уезжает.

– И хорошо, что пустил. Не хотелось бы, чтобы в этом деле оставалась неясность.

– Вот и я так подумал.

– И как только ты ему голову не отрубил, – добродушно заметил Гай.

– Соблазн был велик, но промашки случаются у любого наставника. Просто зашел слишком далеко и вовремя не остановился. Думаю, старый негодник гордится вами обоими. А ты ему, похоже, даже нравишься – за упрямство, должно быть. В этом вы один другому не уступите.

– А как Марк? – спросил Гай.

– Ему, конечно, не терпится попасть к тебе. Попробуй объяснить, что он не виноват. Твердит, что должен был настоять на своем и драться первым, но ты...

– Решение было мое, и я о нем не жалею. В конце концов, я ведь жив.

Тубрук фыркнул:

– Не будь таким самоуверенным. Зная, какая у тебя была рана, и видя, как быстро ты выздоравливаешь, можно поверить в силу молитвы. Если бы не Кабера, ты бы не выжил. Так что жизнью ты обязан ему. Твой отец пытался уговорить его взять вознаграждение, но старик отказался и попросил только разрешения остаться. Зачем он здесь – я так до сих пор и не понял. А он, похоже, считает, что боги играют нами, как мы играем в кости. И что это они пожелали, чтобы он увидел славный город Рим прежде, чем совсем состарится.

Вид у вольноотпущенника был растерянный, и Гай решил, что не стоит упоминать о странном тепле, исходившем от рук Каберы.

– Распожусь, чтобы тебе принесли супа. И свежего хлеба, да?

Желудок отозвался довольным урчанием, и Тубрук с улыбкой вышел.

Рений с трудом забрался на своего мерина. Левая рука висела плетью и болела сильнее, чем обычные заживающие раны.

К счастью, ни слуг, ни рабов поблизости не было, и свидетелей его неуклюжести не оказалось. Поместье будто опустело.

Ему удалось наконец обхватить ногами бока мерина. Приближался вечер, но он рассчитывал вернуться в город до темноты. Рений вздохнул. Что ждет его там теперь? Что ему делать? Продать свой городской дом? Но цены из-за беспорядков упали, и, пожалуй, с этим лучше поременить.

Сулла введет в город свой легион, начнутся казни и публичные порки, но так или иначе порядок будет восстановлен. Такое уже случалось. Римляне не любят, когда война приходит к ним на порог. Им нравится слушать о разгромленных армиях варваров, но им не по вкусу ни строгости военного положения, ни ограничения свобод, ни недостаток в продуктах, что неизбежно...

Рений услышал шаги у себя за спиной.

Он повернулся и увидел Марка, стоявшего перед ним со спокойным лицом.

– Я пришел попрощаться с тобой.

Рений скользнул по мальчишке привычным оценивающим взглядом, отметив про себя и крепкие плечи, и непринужденную манеру держаться. Когда-нибудь парень добудет себе славу – вот только он, старик, этого не увидит.

При этой мысли Рений поежился. Вечно не живет никто: ни Александр, ни Сципион, ни Ганнибал, ни даже Рений.

– Я рад, что Гай выздоравливает, – твердо сказал он.

– Знаю. Я пришел не ссориться. Я пришел извиниться, – сказал Марк, уставившись в песок под ногами.

Рений удивленно поднял брови.

Марк уныло вздохнул:

– Мне жаль, что я не убил тебя, ты, мерзкий, злобный урод! Если когда-нибудь наши пути пересекутся снова, я вырву тебе глотку!

Рений покачнулся в седле, словно от удара. Бурлившая в угрозе этого петушка ненависть немало его развеселила, хотя он и удержался от смеха. Но потом он подумал, что сделает ученику прощальный подарок, если найдет верные слова.

– Такая ненависть убьет тебя, мальчик. И тогда ты не сможешь защитить Гая.

– Я всегда буду с ним.

– Нет. Прежде всего тебе нужно научиться держать в кулаке свой гнев. Ты погибнешь в пьяной драке в какой-нибудь вонючей таверне, если не сумеешь обрести душевное равновесие. Да, ты убил бы меня. В свои годы я устаю быстрее, чем готов признать. Но если бы мы встретились, когда я был молод, мой меч пронзил бы тебя быстрее, чем нож срезает стебелек. Вспомни об этом, когда встретишься с каким-нибудь честолюбивым юнцом.

Рений ощерился, хищно обнажив зубы и десны.

– Это может случиться раньше, чем ты думаешь, – сказал Кабера, выходя из тени.

– Что? Ты подслушивал, старый плут? – Рений еще скалился, хотя лицо его смягчилось – после всего случившегося он проникся к целителю уважением.

– Посмотри на город. Вряд ли ты сегодня куда-то поедешь, – с серьезным видом продолжал Кабера.

Марк и Рений повернулись в сторону холмов. Хотя самого города видно не было, они с ужасом увидели в небе огненные отсветы, на глазах у них пламеневшие все ярче.

– Яйца Юпитера – они подожгли город, – процедил Рений.

Его любимый город.

Первой мыслью было поспешить туда. Его место на улицах. Люди знают его. Он поможет навести порядок...

Чья-то рука тронула его за щиколотку. Он опустил глаза – на него смотрел старик Кабера.

– Иногда я вижу будущее. Если поедешь туда сейчас, к рассвету будешь мертв. Это правда.

Словно почувствовав настроение хозяина, мерин переступил с ноги на ногу.

– А если останусь? – резко спросил старый гладиатор.

Кабера пожал плечами:

– Здесь ты тоже можешь погибнуть. Рабы взбунтовались. Времени у нас немного.

Марк в изумлении уставился на чужака. В поместье почти пять сотен рабов. Если они поднимутся против хозяев, будет бойня. Не говоря ни слова, он бросился в дом, крикнув Тубруку, чтобы тот поднимал тревогу.

– Не помочь ли тебе слезть с этого чудесного мерина? – предложил Кабера, глядя на Рения невинными глазами.

Рений поморщился, но, как ни странно, не рассердился.

– Боги не говорят, что с нами будет, – произнес старый гладиатор.

Кабера грустно улыбнулся:

– Раньше я тоже так думал. Молодой и самонадеянный, я считал, что умею читать в людских душах, видеть суть каждого и предугадывать его действия и поступки. Лишь много лет спустя я проникся смирением и понял – дело не во мне. Это не то же самое, как если бы я смотрел в чистое окно. Я вижу тебя, вижу город и чувствую смерть. Почему бы нет? Многие наделены талантами, которые кажутся магией тем, кто их лишен. Думай об этом что хочешь, идем. Сегодня ты нужен здесь.

Рений фыркнул:

– С такими талантами ты, надо полагать, зарабатывал кучу денег?

– Раз или два бывало, но деньги у меня не держатся. Переходят в руки продавцов вина, беспутных женщин и мошенников. Со мной остается только опыт; правда, он куда дороже денег.

После секундного раздумья Рений оперся на руку Каберы и даже не удивился ее силе. Он хорошо помнил, как этот тщедушный старец натягивал тетиву большого лука на учебном дворе.

– Тебе нужно только подержать ножны, старик. Я буду в порядке, когда выну меч.

Поглаживая мерина и обещая, что они поедут позже, когда все успокоится, Рений направился к конюшне, но через несколько шагов остановился:

– Так ты видишь будущее?

Кабера ухмыльнулся. Разговор явно его забавлял.

– Хочешь знать, погибнешь ты здесь или нет?

Рений вдруг обнаружил, что привычная раздражительность никуда не делась.

– Нет, думаю, что не хочу! Держи свои знания при себе, колдун.

Он двинулся дальше и уже не оглядывался, и лишь поднятые плечи говорили о его недовольстве.

Лицо Каберы омрачилось. Ему нравился Рений, и его порадовало, что в сердце старого гладиатора, заработавшего немало денег и добившегося славы, осталось место для благородства.

– Наверное, друг мой, я мог бы позволить тебе уйти и доживать с другими стариками, – пробормотал он себе под нос. – Ты даже мог бы найти там свое счастье. Но без тебя мальчишки погибли бы непременно, так что придется взять этот грех на душу.

Повернувшись к огромным воротам во внешней стене поместья, он подошел и налег на них всем телом, чтобы закрыть. А не погибнет ли он сам в этой чужой стране, о которой и не знают на его родине? Возможно ли, что дух его отца витает поблизости и наблюдает? Скорее всего, нет. Его отцу, по крайней мере, хватило ума не сидеть в берлоге и не ждать, пока медведь вернется домой.

Издалека донесся стук копыт. Кабера придержал ворота, пытаясь рассмотреть приближающегося всадника. Враг или посланец из Рима? Что же это за ясновидение, если будущее являет себя отдельными картинками, которые никак не связаны с ним самим? Он стоит, держит ворота, а предупреждения так и не получил. Самые ясные видения касались событий, не имеющих к нему никакого отношения. Наверное, боги преподавали ему какой-то урок, который не пошел ему впрок, – Кабера давно понял, что не может быть в жизни только наблюдателем.

За всадником тянулся хвост темной пыли, еле заметной в надвигающихся сумерках.

– Придержи ворота! – скомандовал голос.

Кабера недоуменно поднял бровь – а что еще он делает?

В ворота на скаку влетел отец Гая, Юлий. Лицо его покраснелось, на богатых одеждах чернели пятна сажи.

– Рим горит, – сказал он, спешиваясь. – Но мой дом они не получают!

Тут он узнал Каберу и в знак приветствия похлопал его по плечу.

– Как мой сын?

– Хорошо. Я...

Кабера замолчал – Гай, только старше и энергичнее, быстрым шагом шел к дому, намереваясь заняться организацией его обороны. В коридорах уже разносилось эхом имя Тубрука.

Какое-то время Кабера стоял в замешательстве. Его видения немного изменились: сила этого человека была сродни стихии, и благодаря ей чаша весов вполне могла склониться в их пользу.

С полей донеслись крики, и мысли разбежались. Раздраженно бормоча, он поднялся по ступеням на стену, окружавшую поместье, – хоть осмотреться, раз уж внутреннее зрение подвело.

Темнота заполнила горизонт от края до края, но Кабера различал крошечные точки света. Они сходились, расходились и множились, как светлячки. Каждый был лампой или факелом в руках разъяренных рабов, кровь которых горячило жаркое небо над столицей. Рабы шли в направлении поместья.

Глава 8

Домашние слуги и рабы, все без исключения, сохранили верность хозяевам. Расстелив на одном из широких кухонных столов отрез ткани, Луций разложил на нем перевязочные материалы и пугающего вида металлические инструменты. Оглянувшись, он схватил за шкуру двух работавших на кухне мальчишек, которые уже вооружились разделочными ножами и собирались принять участие в предстоящей обороне дома.

– Останетесь со мной! Что рубить и резать, вам и здесь найдется.

Мальчишки хотя и не обрадовались, но подчинились – на Луция смотрели как на старого друга семьи, и его слово всегда было для прислуги законом. Охватившие Рим беспорядки пока еще не распространились на поместье Юлия.

Между тем Рений собрал всех рабов во дворе и с хмурым видом пересчитал. Получилось двадцать девять мужчин и семнадцать женщин.

– Есть те, кто служил в армии? – резко спросил он.

Над толпой поднялись шесть или семь рук.

– Вы первыми получите мечи. Остальные пусть поищут себе что-нибудь, чем можно резать или рубить. Пошевеливайтесь!

Громкая команда встряхнула собравшихся, и большинство разбежалось по поместью. Остались лишь те несколько человек, которые уже нашли себе оружие. Лица их были мрачны и испуганны.

Рений подошел к одному из них, невысокому толстяку-повару с мясницким топором на плече.

– Как тебя зовут?

– Цецилий, – ответил толстяк. – Когда все закончится, буду рассказывать детям, что дрался под твоей командой.

– Конечно будешь. Настоящего приступа не случится. Они идут насиловать и грабить, ищут легкой добычи. Если дать им отпор, они поймут, что это место им не по зубам, и оставят нас в покое. Ты как, выдержишь?

– Выдержу, господин. Резать свиней да телят – дело привычное. Пара капель крови меня не смутит.

– Здесь немножко другое. У этих свиней есть мечи и дубины. Не надо колебаться. Бей в горло и пах. Найди что-нибудь для защиты... что-то вроде щита.

– Да, господин, будет сделано!

Повар попытался отсалютовать, и Рений натужно улыбнулся, скрывая раздражение от такой расхлябанности. Проводив взглядом толстяка, бросившегося к одному из строений на территории поместья, он вытер со лба капли пота. Странно, что такие люди, как этот повар, блюдут верность, а многие другие забывают о ней при первом намеке на свободу. Он пожал плечами. Одни так и останутся животными, а другие станут... людьми.

Во двор, достав из ножен меч, вышел Марк.

– Хочешь, я буду с тобой? – предложил он с улыбкой. – Прикрою тебя слева?

– Если мне понадобится помощь, щенок, я тебе скажу. А пока ступай к воротам и будь на страже. Увидишь толпу – крикни.

Марк отсалютовал куда четче, чем толстяк, но намеренно задержал руку в воздухе, и Рений счел это насмешкой. Дать мальчишке по губам за наглость? Подумав, он решил, что не стоит. Сейчас бездумная самоуверенность молодых была ему на руку. Совсем скоро Марк узнает, что значит убивать.

Когда люди вернулись, Рений расставил всех вдоль стены. Народу было слишком мало, но он полагал, что не обманул Цецилия. Постройки за стеной, конечно, сожгут, амбары с зерном тоже, домашний скот зарежут, но отдавать жизнь, прорываясь в господский дом, никто не станет. Рений прекрасно понимал, что армия взяла бы поместье за считанные минуты, но сейчас к ним шли рабы, опьяневшие от чужого вина и ощущения свободы, которое растает с утренним солнцем. Справиться с толпой смог бы один человек, обладающий крепкой рукой и не знающий жалости.

Ни Юлия, ни Каберы не было видно. Хозяин поместья, скорее всего, облачался в доспехи, надевал нагрудник и наголенники. Но куда же подевался старый целитель? Его лук был бы весьма кстати в первые минуты кровопролития.

Между тем стоящие на стенах заметно нервничали, и волнение выливалось у них в громкие разговоры, напоминающие гоготанье стаи встревоженных гусей.

– Тихо! – рявкнул Рений. – Следующий, кто откроет рот, сойдет вниз и будет иметь дело со мной.

В наступившей тишине с полей донеслись крики рабов.

– Мы должны слышать, что там происходит. Молчите и разминайте мышцы. Держитесь подальше от соседа, чтобы не снести ему голову, когда размахнетесь.

Потребность в дружеской поддержке свела людей в небольшие группки, и теперь они неохотно разошлись. Все выглядели испуганными, и Рений выругался про себя. Будь с ним десяток солдат из его старого легиона, он продержался бы с ними до рассвета. Но здесь собрались дети с палками и ножами. Он сделал глубокий вдох, пытаясь найти слова, которые взбодрили бы их. Пламенная речь, способная разогреть кровь, нужна даже железным легионерам, которые нисколько в своих способностях не сомневаются.

– Бежать некуда! Если толпа прорвется, все, кто здесь есть, умрут. Все зависит от вас. Никто не должен бросать свою позицию, мы и так растянуты тонкой цепью. Ширина стены – четыре фута. Это один широкий шаг. Оглянитесь и запомните – вы упадете, если сделаете больше шага назад.

Мужчины начали осматриваться, шагать туда-сюда, проверяя ширину стены. Рений нахмурился.

– Тех, кто переберется через стену, встретят люди во дворе. Не смотрите вниз, даже если увидите, что убивают ваших друзей!

Из дома с луком в руке вышел Кабера.

– Это так ты их вдохновляешь? И на таких вот речах строится ваша империя? – пробормотал он.

Рений смерил его недовольным взглядом:

– Я не проиграл ни одного боя! Ни со своим легионом, ни на арене. Никто из моих подчиненных не струсил, не побегал. Если кто-то из вас струсит, то побежит мимо меня, а я не побегу.

– И я не побегу, – раздался в тишине голос Марка.

Рений встретился с ним взглядом и увидел в глазах недавнего ученика уже знакомый огонек безумия.

– Я тоже не побегу, Рений, – сказал кто-то из рабов.

Остальные закивали, повторяя, что скорее умрут, хотя лица по-прежнему были испуганными.

– Если вы струсите, вам придется отвечать перед своими детьми, братьями и отцами. Сражайтесь так, чтобы вы могли смотреть им в глаза.

Люди снова закивали и немного расправили плечи.

– Уже лучше, – снова пробормотал Кабера.

Через открытую дверь во двор легкой походкой вышел Юлий. Его доспехи блестели от масла, в ножнах на поясе висел короткий меч. Лицо Юлия казалось маской жестокости и свирепости, под которой полыхал гнев. Стоявшие на стене повернулись в сторону полей.

– Я снесу голову каждому из моих рабов, кто окажется по ту сторону стены! – прорычал он.

Кабера едва заметно нахмурился, чтобы не показывать свое несогласие с владельцем поместья тем, кто мог его слышать со стены.

– Господин, – негромко сказал он, – у всех есть друзья с той стороны стены. Это хорошие люди, которые оказались в ловушке или не могут пробиться к нам. Такие угрозы подрывают боевой дух.

– Я сказал. Все, кто не здесь, будут убиты, и я сложу их головы за воротами! Это мой дом, а Рим – мой город. Мы уничтожим эту мразь, тех, кто поджигает дома, и развеем их пепел по ветру! Слышишь меня, ты, недомерок?

Гнев Юлия разгорался. Под удивленными взглядами Рения и Каберы он поднялся по угловой лестнице и пошел по стене, раздавая приказы и указывая на небрежность.

– Для политика у него необычный подход к решению задачи, – тихо произнес Кабера.

– В Риме много таких людей, как он. Вот почему, мой друг, мы сумели создать империю.

Рений растянул губы в хищной усмешке и направился к группе тихо перешептывающихся между собой женщин.

– Что делать нам? – спросила какая-то девушка.

Рений посмотрел на нее и узнал рабыню, которую когда-то отхлестал плетью за то, что она отвлекала мальчиков во время урока. Ее звали Александрия, вспомнил Рений. Остальные съеживались под его взглядом, как и подобало домашним рабыням, эта же смотрела на него и ждала ответа.

– Принесите ножи. Если кто-то проникнет за стену, нападайте и бейте ножами, пока не убьете.

Две женщины постарше вскрикнули; одной стало худо, и ее едва не вырвало.

– Хочешь, чтобы тебя изнасиловали и убили? О боги, женщина, я не прошу тебя залезать на стену, просто защищай нас с тыла. У нас слишком мало мужчин, чтобы снимать их со стен! – Рений терпеть не мог женские нежности. В постели они кстати, но когда приходится рассчитывать на помощь... Ох...

Александрия кивнула:

– Ножи. Запасной топор для колки дров – в конюшне, если его еще не взяли. Пойди и поищи, Сусанна. Быстрее.

Одна из женщин, с бледным лицом, поспешила выполнять поручение.

– Мы можем подносить воду? Стрелы? Огонь? Что еще мы можем делать?

– Ничего! – оборвал ее Рений, теряя терпение. – Просто убивайте всех, кто попадет во двор. Бейте ножом в горло, пока не успел встать. Здесь высота десять футов; кто спрыгнет, сразу не опомнится, – вот в этот момент вы и должны напасть.

– Мы не подведем тебя, – сказала Александрия.

На мгновение Рений задержал на ней взгляд и заметил под внешним спокойствием вспышку ненависти. Может оказаться, что с этой стороны стены врагов у него больше, чем с той.

– Вот и славно, – отрывисто бросил он, резко повернулся и отошел.

Из кухни возвратился повар с привязанным к груди большим металлическим блюдом. Вид у него был нелепый, но Рений хлопнул толстяка по плечу.

Тубрук стоял в сторонке рядом с Каберой, державшим лук в своих больших руках.

– Старина Луций хорошо стреляет, но он на кухне, готовится к приему раненых, – мрачно заметил управляющий.

– Зови его сюда. Потом, как сделает свое дело, спустится, – сказал, не глядя на него, Рений.

Скользя взглядом по стене, он отмечал позиции, высматривал тех, у кого могут сдать нервы. Против организованного нападения им не выстоять. Понимая это, Рений молился домашним богам, прося посеять хаос и панику среди наступающих.

– У рабов есть луки? – обратился он к Тубруку.

– Может, один или два небольших, для охоты на зайцев. Боевого лука в поместье нет, кроме этого – и того, что у Каберы.

– Хорошо. А то бы они всех нас перебили. Скоро придется зажечь во дворе факелы, чтобы женщины видели, кого убивать. Правда, тогда и мужчины на стене будут освещены, но в темноте эти неумехи драться не смогут.

– Погоди, они тебя еще удивят. Твое имя для них по-прежнему многое значит. Помнишь, какие толпы собирались на играх? Те, что останутся в живых, будут рассказывать об этой ночи своим детям.

Рений фыркнул:

– Ты бы лучше шел на стену. Там места хватит.

Тубрук покачал головой:

– Знаю, другие приняли тебя как командира. Даже Юлий прислушается к тебе, когда немного остынет. Но я останусь рядом с Марком, чтобы защищать его. Ты же не против?

Рений уставился на управляющего. Что же это за день такой, что все идет не так, как надо? Толстые повара, девки с ножами, наглые мальчишки... А теперь еще и прямое неповиновение непосредственно перед боем? Правый кулак врезался Тубруку в челюсть с такой силой, что бывший гладиатор как будто оторвался от земли и грохнулся на спину. Рений повернулся к Кабере:

– Когда очнется, скажи ему, что мальчишка позаботится о себе сам. Я знаю. И пусть займет свое место, а иначе я его убью.

Кабера улыбнулся, но лицо его оставалось суровым, как зимний день. Откуда-то издалека долетел звон ударившего о металл металла. Звук нарастал волной, и черную ночь заполнили крики. Добравшись до стены, первые рабы запалили факелы. За ними из Рима шли, сжигая все на своем пути, сотни других.

Глава 9

Все могло закончиться, не успев начаться. Как и рассчитывал Рений, собравшиеся у стен разнузданные толпы рабов плохо представляли, как одолеть вооруженных защитников, и только кричали да вопили. Для лучников они представляли прекрасную мишень, но Рений жестом запретил Кабере и Луцию стрелять. Еще оставалась надежда, что рабы-бунтовщики уйдут искать жертвы полегче, а пара стрел только распалят их злость.

– Откройте ворота! – крикнул кто-то из факелоносцев.

Если бы не мелькающие в неровном свете искаженные злобой лица, можно было бы подумать, что у людей внизу какой-то праздник. Наблюдая за ними, Рений взвешивал варианты. Собравшаяся толпа продолжала увеличиваться. Пришедшим из Рима рабам терять было нечего, и они принесли злость, ненависть и жестокость туда, где верх могло одержать благоразумие. Стоящих впереди все сильнее подталкивали сзади, толпа напирала. Рений поднял руку, готовясь дать сигнал двум своим лучникам. Промаяхнуться с такого расстояния было невозможно.

Вперед выступил мускулистый мужчина с густой черной бородой, делавшей его похожим на варвара. Возможно, всего несколько дней назад он послушно носил камни в каменоломне или ухаживал за лошадьми у какого-нибудь не слишком придирчивого хозяина. Теперь же на груди у него темнели брызги чужой крови, лицо исказила гримаса ненависти, а в глазах прыгали отблески пламени.

– Эй, вы, там, на стенах! Вы рабы, как и мы! Убейте тех, кто говорит, что они господа! Убейте их всех, и мы встретим вас как друзей.

Рений махнул рукой, и стрела Каберы пронзила бородачу горло.

В наступившей тишине Рений проревел в замершую толпу:

– Вот что вы получите от меня! Я – Рений, и мимо меня вы не пройдете. Расходитесь по домам и ждите правосудия!

– Такого правосудия? – гневно крикнули снизу.

Еще один мужчина подбежал к стене и прыгнул, пытаясь ухватиться за высокий выступ. В этот момент все и решилось: толпа взвыла и бросилась на приступ.

Мечи были у немногих. Большинство, как и защитники, вооружилось чем попало. Некоторым безумцам оружие заменяла слепая ярость, и первого из таких Рений убил ударом в шею, не обращая внимания на царапнувшие по нагруднику пальцы. Вдоль всей стены крики и вопли заглушали лязг металла, скрежет и хруст. Кабера отбросил лук и выхватил короткий, зловещего вида нож. Вонзая клинок в противника, он тут же отскакивал, скидывая убитых на головы их товарищей внизу и топчая пальцы тем, кто лез по трупам наверх.

В какой-то момент у Рения закружилась голова, и он понял, что рана на плече открылась снова. Повязка как будто нагрелась, и вслед за теплом он ощутил острую, жгучую боль. Стиснув зубы, старый гладиатор с силой вонзил меч кому-то в живот и едва не остался безоружным, когда гладий застрял в кишках завалившейся назад жертвы. Место убитого занял другой, за ним – третий, и конца им было не видно. Рения едва не сбили с ног ударом палкой. Он попятился и пошатнулся, пытаясь найти в себе силы и снова поднять меч. Ныли мышцы, и усталость вроде той, которую он ощутил, когда дрался с Марком, навалилась снова.

– Я слишком стар для таких забав, – пробормотал он, сплевывая кровь.

Что-то мелькнуло слева, и он повернулся – слишком медленно. Это был ухмыляющийся Марк – весь в крови, как чудовище из древних сказаний.

– Что-то меня беспокоит вторая линия обороны там, во дворе. Вот и думаю, не прове-
ришь ли?

С этими словами Марк толкнул плечом раба, только что забравшегося на стену и еще не успевшего выпрямиться. Тот с криком полетел со стены вниз головой.

– Тебе было сказано держать позицию, – выдохнул Рений, стараясь не выказать слабости.

– Тебя едва не убили, а эта честь принадлежит мне, и я не отдам ее так просто какому-то сброду!

Марк кивнул туда, где по другую сторону ворот повар Цецилий с ухмылкой от уха до уха самозабвенно крушил всех, кто оказывался поблизости.

– Сюда, свиньи, сюда, скоты! Ко мне, под разделку!

Под жиром, похоже, скрывались могучие мышцы – повар орудовал огромным топором, словно тот был деревянной игрушкой.

– Повар и без меня позицию держит. У него сегодня, наверное, самый веселый денек, – бодро заметил Марк.

Груда трупов все росла, и теперь с нее на стену прыгнули сразу трое. Первый атаковал Марка, но получил мечом в грудь и замертво свалился на камни во двор. От второго Марк избавился так же просто: меч вонзился в голову на уровне глаз, пройдя кость, и бунтовщик умер на месте.

Третий с восторженным воплем бросился к Рению. Он узнал старика и мысленно уже рассказывал о своем подвиге друзьям, но тут старый гладиатор ударом снизу вспорол ему грудную клетку. Враг упал, и меч Рения выскользнул из тела.

Снова заняла левая рука, и тут же боль запульсировала глубоко в груди. Старый гладиатор глухо застонал.

– Ранили? – спросил Марк, не оборачиваясь.

– Нет. Возвращайся на свое место, – рявкнул Рений.

Лицо его вдруг посерело.

Марк повернулся и пристально посмотрел на него.

– Пожалуй, я немного задержусь, – негромко сказал он.

Новая группа бунтовщиков вскарабкалась на стену, и меч Марка снова начал свой смертоносный танец от горла к горлу.

Отец Гая едва замечал тех, кого сражал его меч. Он просто делал то, чему его учили, выполняя движения в нужной последовательности.

Больше всего тел скопилось у ворот, и все вроде бы говорило о том, что бунтовщики должны уже отступить. Они всего лишь рабы! Им вовсе не обязательно снова и снова штурмовать стену. И кстати, когда все закончится, стену придется надстроить до высоты в три человеческих роста.

Казалось, они сами бросались на его меч, заливая кровью стену и ворота. Юлий уже был мокрым от крови и пота. Ломило плечи, рука будто налилась свинцом. Сила осталась только в ногах. Должны же они наконец отступить, дрогнуть, уйти искать более легкую добычу? Юлий полностью подчинил себя однообразному, безостановочному ритму смерти, но враги все лезли и лезли на стену по кучам трупов. Клинок затупился, натываясь на кости и металл, и очередной удар оставил лишь царапину на коже прыгнувшего на него раба. В тот же миг неприятельский кинжал разрезал мышцы живота, и Юлий рыкнул от боли и, отмахнувшись мечом, рассек противнику челюсть.

Александрия стояла во дворе, в разлившемся у стены озерце тьмы. Другие женщины тихонько плакали. Одна молилась. Александрия видела, что Рений выбился из сил, и огорчилась, когда паренек, Марк, пришел ему на помощь и спас от верной смерти. И зачем только он это сделал? Ее поразило, какие они разные. С одной стороны, седой солдат, выдавший виды ветеран, медлительный и неповоротливый. С другой – Марк, быстрый и ловкий, с улыбкой несущий смерть рабам, оказавшимся на его пути. Мечи или дубины – ему было все равно. Рядом с ним все казались неуклюжими, и он забирал у них жизнь одним колотым или рубящим ударом. Один из таких несчастных так и не понял, что умирает. Кровь текла у него по груди, а он с безумным лицом продолжал размахивать обломком копья.

Движимая любопытством, Александрия всмотрелась в лицо этого раба и поймала тот миг, когда он ощутил наконец боль и увидел приближающуюся тьму.

Всю жизнь ей рассказывали о знаменитых и бесстрашных воинах, и теперь их образы, казалось, парили золотистыми призраками над этой сценой кровавой бойни. Она искала глазами проявления величия, товарищеской поддержки и мужества перед лицом смерти, но не находила.

А вот повар явно наслаждался каждым ударом. Он даже затянул какую-то похабную песенку о смазливых девицах в рыночный день и, разрубая топором черепа и шеи, востор-

женно выкрикивал припев. Враги падали под ударами рубаки, и песня звучала пронзительнее и громче.

Слева от Александрии со стены во двор упал один из защитников. Ударившись головой о камень, он затих и подняться уже не пытался. Александрия вздрогнула и схватилась за плечо стоящей рядом женщины. Та тихонько всхлипывала и шмыгала носом.

– Скорее! Они сейчас ползут! – прошипела она, потянув за собой вторую соседку. В том, что ей удастся справиться с предстоящей задачей в одиночку, девушка сомневалась.

Они едва успели сделать несколько шагов, как глухой стук падения раздался уже у другого участка стены. Послышались торжествующие крики. Какой-то мужчина перелез через стену, повис на руках и после секундного колебания спрыгнул.

Он тут же повернулся, явив жуткое окровавленное лицо, и удивленно моргнул, не обнаружив защитников. В тот же миг Александрия ударила его ножом в сердце.

Жизнь вырвалась из него с последним хрипом, и тут же неподалеку на камни свалился еще один нападавший. Хруст сломавшейся лодыжки не заглушили даже крики за стеной. Сусанна, женщина почтенная, ведавшая приготовлением блюд для торжественных трапез, уверенно разрезала ему горло разделочным ножом и спокойно, как ни в чем не бывало отступила, даже не взглянув на бьющегося в предсмертных судорогах раба.

Александрия подняла голову и скользнула взглядом по яркому кругу факелов. У них, по крайней мере, был свет. Как ужасно умирать в темноте.

– Еще факелов сюда! – крикнула она, надеясь услышать ответ.

Кто-то схватил ее сзади и попытался свернуть шею. Она уже напряглась в ожидании конца, но груз внезапно свалился с плеч. Александрия обернулась и увидела Сусанну, в правой руке которой влажно блестел нож.

– Выше нос, милая! Ночь еще не закончилась, – с улыбкой сказала пожилая служанка, и миг паники, которой едва не поддалась Александрия, прошел.

Вместе с другими женщинами она обошла двор и даже не вздрогнула, когда еще один защитник с криком упал на камни. После его падения через образовавшуюся в оборонительной линии брешь прорвались трое.

Все женщины достали ножи, и лезвия блеснули в отсветах факелов. Глаза нападавших еще не привыкли к темноте, когда женщины набросились на них, схватили и осыпали ударами.

Гай очнулся, как будто от толчка. Возле кровати сидела Аврелия с влажной тряпицей в руке. Ее прикосновение и разбудило его. Он посмотрел на мать, и она, бормоча что-то невнятное, промокнула пот у него на лбу. Издали доносились крики и шум, определенно свидетельствующие об идущем там сражении. И он все это время спал? Когда еще только смеркалось, Кабера принес ему теплое питье. Должно быть, старик подмешал какое-то свое снадобье.

– Что происходит, мама? Там дерутся!

Аврелия грустно улыбнулась:

– Тише, дорогой! Тебе нельзя волноваться. Ты умираешь, и я пришла позаботиться о том, чтобы в последние часы тебя никто не потревожил.

Гай немного побледнел. Да, он пока еще слаб, но уже идет на поправку.

– Я не умираю – мне уже лучше. Что же все-таки там происходит? Мне нужно туда!

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш... Знаю, тебе сказали, что ты выздоравливаешь, но я знаю, что они и мне лгут. Ну же, лежи спокойно – я вытру тебе лоб.

Гай смотрел на нее и не мог поверить тому, что видит и слышит. Многие годы, с самого своего рождения, эта неловкая, волочащая ноги сумасшедшая заслоняла яркую, живую и умную женщину, которой ему так не доставало. Гай нахмурился – одно неверное слово с его стороны могло спровоцировать приступ и истерику.

– Мне хочется подышать ночным воздухом, мама. В последний раз. Пожалуйста, оставь меня, чтобы я мог одеться.

– Конечно, дорогой. Я уже попрощалась с тобой, мой примерный сын. – Она хихикнула, а потом вздохнула – так, словно избавилась от давившего ее груза. – Твой отец там, на стене, размахивает мечом, вместо того чтобы позаботиться обо мне. Он никогда не уделял мне достаточно внимания. Между нами уже много лет не было близости.

Гай молчал, не зная, что сказать. Он сел и закрыл глаза, сопротивляясь нахлынувшей слабости. Сил не хватало сжать руку в кулак, но ему нужно было узнать, что происходит снаружи. Ну почему никого нет рядом? Неужели все там? И Тубрук?

– Мама, выйди, пожалуйста! Мне нужно одеться. Я хочу в свои последние минуты посидеть в саду.

– Понимаю, любовь моя. Прощай!

Глаза Аврелии наполнились слезами. Поцеловав сына в лоб, она вышла, и комнатка снова опустела.

Соблазн был велик – взять и снова упасть на подушки. Голова гудела, – похоже, Кабера добавил в напиток что-то такое, что отправило бы его в забытие до самого утра. Так оно бы и случилось, если бы его матери не пришла в голову одна из ее безумных идей. Он медленно спустил ноги на пол. Подождал, пока пройдет слабость. Теперь одеться. Не спеша.

Тубрук понимал, что долго им не продержаться. В обороне образовалась брешь, и он метался туда-сюда, стараясь прикрыть позицию, которую недавно защищали двое. Сразив тех, что наступали спереди, он едва успевал отразить атаку тех, что подбирались сбоку. Дыхание вырывалось из легких с хрипами, и бывший гладиатор знал: мастерство уже не спасет и смерть близка.

Но почему они не отступают? Проклятье всем богам, должны же они когда-нибудь сломаться! Тубрук ругал себя за то, что не позаботился о сооружении второй линии обороны, и вот теперь отступить было некуда. Одни лишь эти стены защищали поместье, но и они могли вот-вот пасть под непрерывным напором рабов.

Поскользнувшись в крови, он всем весом грохнулся на камни, да так, что на мгновение задохнулся. В бок ткнули кинжал, и чья-то грязная нога, наступив на лицо, придавила голову. Тубрук укусил ногу и услышал, как кто-то вскрикнул. Он сумел встать на колено, но слишком поздно, чтобы остановить двоих, успевших спрыгнуть во двор. Оставалось только надеяться, что внизу с ними разберутся женщины. Тубрук осторожно ощупал бок и поморщился, увидев стекающий ручеек крови. Он подождал, не появятся ли в нем пузырьки воздуха. Пузырьков не было, и он мог дышать, хотя воздух и отдавал кровью и горячим оловом.

Некоторое время на него никто не нападал, и Тубрук успел оглядеться. Из двадцати девяти защитников стены осталось меньше пятнадцати. Да, они творили чудеса, но теперь людей было явно недостаточно.

Юлий сражался с отчаянием обреченного, чувствуя, как силы уходят вместе с кровью, текущей из ран. Вырвав из раны засевший в ней кинжал, он тут же вонзил его в грудь очередного противника. Дыхание обжигало горло; бросив взгляд во двор, он увидел выходящего из дома сына. Юлий улыбнулся, и гордость переполнила его грудь. В этот самый момент другой клинок скользнул за нагрудник и вошел в легкое. Он сплюнул кровь и еще успел сразить гладием нападавшего, так и не увидев его лица. Руки бессильно опустились, пальцы выронили меч, и он со звоном упал на мощенный камнями двор. Все остальное Юлий мог только видеть.

Тубрук заметил, как хозяина поместья смели нападавшие. Он вскрикнул от злости и отчаяния, понимая, что прийти на выручку Юлию уже не успеет. Рений еще держался на ногах, но от смерти его спасала лишь помощь Марка. Впрочем, и меч его двигался все медленнее – кровь сочилась из ран, унося по каплям силы.

Поднявшись по ступенькам на стену, Гай, с побледневшим от усилий лицом, встал рядом с Тубруком. Вынув меч, он махнул им в сторону раба, взбиравшегося по темной гряде тел. Тубрук пронзил ему грудь, но упрямец умер не сразу, а еще успел порезать Гаю лицо. Лишь после того, как Гай вогнал клинок ему в шею, он наконец испустил дух. Но на стену уже карабкались по скользким камням другие, орущие, завывающие и изрыгающие проклятия.

– Твой отец, Гай...

– Знаю.

Юноша вскинул руку, отразив удар какого-то древнего копья. Смело сделав шаг вперед, он вонзил меч в горло противника, и из раны брызнула кровь. Тубрук атаковал двух других и свалил одного вниз, но сам, поскользнувшись, упал на колени в липкую жижу. Второго Гай зарубил, когда тот уже готовился вонзить меч в Тубрука. Сделав шаг назад, юноша пошатнулся; испачканное кровью лицо побелело, колени дрожали. Теперь они вместе ждали следующих.

Темноту ночи вдруг разорвало пламя – бунтовщики подожгли амбары. Как ни странно, желающих забраться на стену больше не было.

– Еще одного! – пробормотал Тубрук, с трудом шевеля окровавленными губами. – Я заберу с собой еще одного, не больше! А ты спускайся, ты еще не можешь драться.

Гай как будто и не слышал, только губы сжались в суровую складку. Они ждали, но больше никто не пришел. Тубрук шагнул к внешнему краю и посмотрел за груды изуродованных тел и застывших лиц. Никого, кто затаился бы за этой кучей с кинжалом, старый гладиатор не увидел. Но в свете горящих сараев он заметил прыгающие силуэты.

Тубрук усмехнулся и тут же скривился от боли в потрескавшихся губах.

– Они нашли вино! – сказал он и все же расхохотался, несмотря на боль.

– Они уходят! – удивленно прорычал Марк.

Он отхаркнул и сплюнул кровь – может быть, даже и не свою. Потом повернулся и с ухмылкой взглянул на Рения, который сидел, прислонившись к двум трупам. Старик молча посмотрел на него, и Марк на мгновение вспомнил свою жгучую ненависть к наставнику.

– Я... – Он замолчал и быстро шагнул к старику. Тот умирал, это было очевидно. Марк прижал почерневшую от крови и грязи руку к груди Рения. Сердце трепетало, сбиваясь с ритма. – Кабера! Сюда, скорее!

Рений закрыл глаза, отгораживаясь от шума и боли.

Александрия пыхтела и отдувалась, будто роженица. Она вымоталась до предела и вся испачкалась в крови. Раньше ей и в голову не приходило, что кровь такая липкая и противная. В сказаниях о героях про это тоже не говорилось. Сначала кровь была скользкой, потом стала прилипать к рукам. Девушка ждала, когда во двор свалится следующий, и расхаживала почти как пьяная, сжимая нож липкими онемевшими пальцами.

В какой-то момент Александрия споткнулась о тело и, присмотревшись, поняла, что это Сусанна. Вот и все. Больше ей никогда не резать гуся, не стелить в кухне свежий тростник, не кормить объедками бездомных щенков, как они делали раньше, когда вместе ходили за покупками в Рим. От этой мысли из ее глаз потекли по грязным щекам чистые, как вода, слезы. Она ходила и ходила, но никто не прыгал со стены во двор. Ее уже шатало, но она не останавливалась. Не могла. До рассвета оставалось два часа, а с полей все еще доносились крики.

– Оставаться на стенах! До рассвета никому не покидать пост! – проревел на весь двор Тубрук. – Они еще могут вернуться.

Сам он, впрочем, так не думал. На винном складе хранилась большая часть из запаса в тысячу запечатанных воском амфор. Даже если рабы перебьют часть, оставшегося хватит, чтобы веселиться до восхода солнца.

Отдав последнюю команду, Тубрук хотел спуститься со стены и пройти туда, где среди мертвых лежал Юлий. Но кому-то следовало остаться наверху.

– Ступай к отцу, парень.

Гай кивнул и сошел, держась за стену. Боль усиливалась и становилась нестерпимой. Сделанный Каберой разрез разошелся, и когда Гай потрогал его пальцами, то увидел на них кровь. Поднимаясь шаг за шагом по каменным ступеням туда, где стояли защитники стены, он чувствовал, как кровоточат раны, но все-таки держался.

– Ты умер, отец? – прошептал Гай, глядя на неподвижное тело.

Ответа не было.

– Оставайтесь на местах! Пока у нас затишье! – раскатился по двору суровый голос Тубрука.

Услышав эту новость, Александрия выронила нож, и он упал на камни. Работавшая на кухне девушка-рабыня сжала ее запястья и что-то сказала. Александрия не поняла, не расслышала из-за криков раненых, нарушивших то, что казалось ей тишиной.

«Я пребывала в тишине и мраке, – подумала она. – Я видела ад».

И таким грузом легло ей на плечи осознание этого, что Александрия опустилась на землю и всхлипнула.

Тубрук не мог больше ждать. Он спустился, прихрамывая, со своего участка стены и поднялся туда, где лежал Юлий. Некоторое время они с Гаем молча смотрели на тело.

Отец умер, но до конца осознать это, в полной мере почувствовать потерю Гай не мог. На камнях, в растекшейся луже, больше похожей в свете факелов на масло, чем на кровь, лежало что-то поломанное, разорванное, изрезанное. Это не было похоже на отца.

Гай вдруг резко повернулся и махнул рукой, словно отгоняя кого-то.

– Здесь кто-то был... рядом. Я почувствовал... Стоял и смотрел на меня.

– Он, конечно. Это ночь призраков.

Но ощущение ушло, и Гай поежился и сжал губы, сопротивляясь нахлынувшему горю.

– Оставь меня, Тубрук. И спасибо тебе.

Тубрук кивнул и спустился во двор. Глаза его казались двумя темными провалами на лице. Он устало поднялся на стену, занял свое место и, глядя на убитых им рабов, попытался вспомнить обстоятельства смерти каждого. Какие-то эпизоды он помнил, какие-то стерлись из памяти, и он оставил это занятие, сел, прислонившись к столбу, положил рядом меч и, глядя на затухающие в полях пожары, стал ждать рассвет.

Кабера положил ладонь на грудь Рения.

– Думаю, его время пришло. Стенки внутри истончились и обветшали. Некоторые пропускают кровь туда, где ее быть не должно.

– Ты вылечил Гая. Значит, можешь вылечить и его, – сказал Марк.

– Он старик, парень. Он уже был слаб, и я...

Кабера не договорил – спину обожгло прикосновение клинка. Медленно и осторожно он повернулся к Марку, мрачное лицо которого не предвещало ничего хорошего.

– Он жив. Делай свою работу, или мне придется оборвать сегодня еще одну жизнь.

При этих словах Кабера ощутил очередной сдвиг: в игру вступали другие варианты будущего, как будто игральные кости с неслышным щелчком приняли новый расклад. На мгновение глаза у него расширились от удивления, но он промолчал и постарался сосредоточиться и собраться с силами. Какой, однако, странный молодой человек. И какая необыкновенная способность менять будущее окружающих его людей! Да, ему определенно повезло оказаться в нужном месте в нужное время, в том историческом отрезке, когда все текло и менялось вне привычного порядка и безопасной колеи.

Он вытащил из подола железную иглу, быстро и аккуратно продел нить в ушко. Кабера работал осторожно, сшивая кровавые края рассеченной плоти и вспоминая молодость, когда все казалось возможным. Чувствуя на себе пристальный взгляд Марка, целитель положил смуглые ладони на грудь Рения и стал массировать сердце. Оно встрепенулось, и он едва не вскрикнул от изумления, почувствовав, как жизнь возвращается в старое тело. Кабера еще долго оставался в таком положении, пока выражение боли, застывшее на лице Рения, не изгладилось, так что он стал похож на спящего. Кабера поднялся, шатаясь от изнеможения, и будто в подтверждение собственных мыслей кивнул.

– У богов свои, чудные игры. Они никогда не раскрывают нам все планы. Ты был прав, Марк. Прежде чем уйти, Рений еще увидит рассветы и закаты.

Глава 10

К восходу солнца поля опустели. Разграбившие винный склад, скорее всего, разбрелись кто куда и свалились в пьяном угаре. Кое-где над обожженной, почерневшей землей поднимались ленивые струйки дыма. Обгоревшие деревья торчали голыми обугленными кочерыжками, и среди развалин амбаров тлело припасенное на зиму зерно.

Пейзаж был странно спокойным, и даже птицы молчали. Из-за этого смерти и страдания прошлой ночи казались какими-то нереальными. Гай постоял, потер лицо, повернулся и сошел по ступеням во двор.

На белых стенах темнели бурые потеки. По углам поблескивали лужи крови, отвратительные пятна на земле напоминали о трупах, которые выволокли за ворота, с тем чтобы потом свезти на подводах к вырытым ямам. Тела защитников положили на чистое полотно в прохладных комнатах, придав им по возможности пристойный вид. Остальных бросали небрежно в кучу, из которой беспорядочно торчали руки и ноги. Наблюдая за работой, Гай слышал крики раненых, некоторых зашивали, других готовили к ампутации.

В нем кипел гнев, и излить его было некуда. Его заперли, тогда как другие, все, кого он любил, рисковали жизнью, а отец погиб, защищая семью и поместье. Да, он еще не набрался сил и раны не затянулись, но ведь они лишили его даже возможности помочь отцу. Гай не находил слов, и когда Кабера подошел к нему с выражением сочувствия, угрюмо промолчал, так что старик отошел ни с чем. Борясь с усталостью, юноша просеивал между пальцами песок и вспоминал сказанные когда-то Тубруком слова, лишь теперь постигая их смысл. Его земля.

Подошедший раб – Гай не знал его имени, но, судя по ранам, он тоже дрался на стене – спросил:

– Хозяин, мы вынесли тела за ворота. Найти для них повозки?

К нему впервые обратились не по имени, и Гаю пришлось сделать усилие, чтобы не выказать удивления. Боль душила его, и голос прозвучал глухо, словно из глубокой ямы.

– Принеси лампового масла. Я сожгу их на месте, там, где лежат.

Раб послушно кивнул и побежал за маслом. Гай вышел за ворота и посмотрел на безобразную кучу трупов. Зрелище было отвратительное, но сочувствия Гай не ощутил. Каждый из них выбрал такой конец, приняв участие в нападении на поместье.

Он облил кучу маслом, обрызгал тела и лица, раскрытые рты и немигающие глаза. Потом поднес огонь, но обнаружил, что смотреть, как они горят, не может. Запах дыма напомнил ворона, которого они с Марком когда-то поймали. Он подозвал к себе раба.

– Прикати бочки. Пусть горят, пока не останется только пепел.

Жар усилился; Гай пошел в дом, и запах последовал за ним, будто обвиняющий перст.

В большой кухне он нашел Тубрука. Старый гладиатор лежал на боку, закусив кусок кожи, а Кабера ощупывал кинжальную рану у него в животе. Гай понаблюдал за ними, но ничего не сказал. Пройдя немного дальше, он увидел на пороге повара с окровавленным топо-

ром. Отец нашел бы подходящие случаю слова ободрения и поддержки для приунывшего, потерянного человека, но внутри у Гая не осталось ничего, кроме холодной ярости. Он прошел мимо повара, который продолжал смотреть в никуда, словно и не заметил хозяина. Гай остановился. Как поступил бы отец, так поступит и он.

– Я видел, как ты дрался на стене. – В его голосе наконец прозвучали сила и твердость.

Повар кивнул, собрался и даже попытался встать.

– Да, хозяин. Я многих убил, даже потерял счет.

– Ну, я только что поджег сто сорок девять тел. Думаю, там и твоих немало. – Гай натужно улыбнулся.

– Да! Мимо меня не прорвался никто. Никогда еще мне так не везло. Наверное, меня коснулись боги. Как и всех нас.

– Ты видел, как погиб мой отец?

Повар встал и поднял руку, будто собираясь положить ее на плечо юноше, но в последний момент передумал.

– Да, видел. Он забрал с собой многих. В конце вокруг него их лежали кучи. Храбрец и хороший человек.

Добрые слова вывели Гая из равновесия, и он стиснул зубы. Потом, подавив прилив горя, благожелательно сказал:

– Он гордился бы тобой. Я слышал, ты распевал песни.

К его удивлению, повар густо покраснел.

– Да. Мне понравилось драться. Вроде вокруг кровь и смерть, но все просто. Убивай, кого видишь. Мне нравится, когда все просто.

– Понятно. – Гай вымученно улыбнулся. – А теперь отдохни. На кухне кипит работа, скоро принесут суп.

– Кухня! А я тут сажу! Мне пора, хозяин, а то и суп негодный получится!

Гай кивнул, и повар убежал, забыв у порога топор. Гай вздохнул. Вот бы и в его жизни все было так просто, вот бы и он так же легко мог менять роли.

Задумавшись, он не заметил, как повар вернулся.

– Твой отец тоже гордился бы тобой. Тубрук говорит, ты спас его, раненый. Я бы гордился, будь у меня такой сын.

На глаза навернулись непрошеные слезы, и Гай отвернулся. Сейчас не время для слабости: поместье разорено, зимние запасы сторели. Гай пытался занять себя какими-то делами, но его не оставляло ощущение беспомощности и одиночества, а мысли снова и снова возвращались к потере, как птицы, клюющие собственные раны.

– Эй, там! – донесся голос из-за ворот.

Бодрый тон привел его в чувство. Он хозяин поместья, сын Рима и своего отца и не должен позорить его память. Гай поднялся по ступеням на стену, почти не замечая окруживших его со всех сторон ночных призраков. В свете дня они не имели к реальности никакого отношения.

Со стены Гай увидел бронзовый шлем военного на красивом мерине, беспокойно бившем по земле копытом. Всадника – загорелого, подтянутого мужчину лет сорока – сопровождал контуберний из десяти вооруженных легионеров. Задрав голову, он кивнул Гаю.

– Увидели у вас дым, вот и пришли проверить, не рабы ли взбунтовались. Вижу, беда вас стороной не обошла. Меня зовут Тит Приск. Я – центурион легиона Суллы, который только что вошел в город. Смотрим, что и как, помогаем при необходимости. Я могу поговорить с хозяином?

– Хозяин – я. Откройте ворота! – крикнул Гай.

То, что оказалось не под силу всем ночным мародерам, совершили два его слова. Тяжелые ворота открылись перед солдатами.

– Вам тут, похоже, досталось, – заметил Тит уже совсем другим тоном. – Можно было догадаться по той куче тел, но... Большие потери?

– Есть немного. Но мы удержали стены. Что в городе? – Гай не знал, о чем говорить.

Тит спешился и передал поводья одному из своих людей.

– Рим стоит, хотя сотни деревянных домов сгорели и на улицах тысячи убитых. Пока порядок восстановлен, но гулять по городу с наступлением сумерек небезопасно. Сейчас мы ловим всех рабов, каких находим под Римом, и распинаем каждого десятого в назидание остальным – по приказу Суллы.

– Из тех, кого поймали на моей земле, казните каждого третьего. Я возмещу потери, когда все успокоится. Не хочу, чтобы хоть кто-то из тех, кто пошел на меня прошлой ночью, избежал наказания.

Центурион секунду неуверенно смотрел на него.

– Прошу прощения, господин, но имеешь ли ты право давать такой приказ? Прости мою настойчивость, однако при подобных обстоятельствах... Может ли кто-то подтвердить твои слова?

Гнев всколыхнулся, но Гай сдержал себя, представив, как, должно быть, выглядит со стороны. Он еще не успел умыться и переодеться после того, как Луций и Кабера заново зашили и перевязали рану. Он стоял перед центурионом весь в грязи и крови, неестественно бледный, даже не зная, что глаза покраснели от маслянистого дыма и слез, и только что-то в манере держаться не давало такому закаленному солдату, как Тит, надрать уши наглomu мальчишке. Что именно, Тит определить не мог, но чувствовал – этого парня лучше не злить.

– Сейчас позову управляющего, если лекарь с ним закончил.

Не сказав больше ни слова, Гай отвернулся и ушел.

Вежливый хозяин предложил бы солдатам освежиться, но Гая раздражало, что ему приходится звать Тубрука для подтверждения своих полномочий. Так что солдаты остались за воротами.

Тубрук успел вымыться и надеть чистую темную одежду. Перевязанные раны скрывала шерстяная туника. Увидев легионеров, он улыбнулся: мир возвращался к порядку.

– Вы здесь одни? – спросил он без вступлений и объяснений.

– Э, нет, но... – начал Тит.

– Хорошо. Сообщи товарищам, что вам придется задержаться. Нам нужна помощь, чтобы привести поместье в порядок.

Не обращая внимания на молчаливые протесты Тита, Гай с невозмутимым видом поддерживал управляющего.

– Ты прав, Тубрук. Собственно, Сулла и послал их с таким поручением. А работы у нас хватает.

Тит предпринял вторую попытку.

– Послушайте, мы...

Тубрук наконец услышал его.

– Почему бы тебе самому не отправиться с сообщением? Остальные – парни крепкие, и поработать пару часов им будет в удовольствие. Думаю, Сулла не хотел бы, чтобы вы оставили нас в таком бедственном положении.

Мужчины посмотрели друг на друга. Тит вздохнул и поднял руку, чтобы снять шлем.

– Я от работы не отлыниваю, – проворчал он и, выбрав одного из легионеров, кивком указал на дорогу. – Возвращайся к нашим, присоединись к кому-нибудь. Передай, что я задержусь здесь на несколько часов. Если поймают беглых рабов, скажи, каждого третьего, понял?

Солдат с готовностью кивнул и отправился исполнять поручение.

Тит начал отстегивать нагрудник.

– Так откуда нам начинать?

– Займись ими, Тубрук. Я проверю, как остальные.

Уходя, Гай благодарно тронул Тубрука за плечо. Сейчас ему хотелось прогуляться по лесу или посидеть в одиночестве у реки, разобраться в своих мыслях. Но все это потом, а сначала нужно поговорить со всеми, кто прошлой ночью защищал его семью. Так поступил бы отец.

Гай проходил мимо конюшни, когда услышал в темноте чей-то приглушенный плач. Он замедлил шаг, не зная, стоит ли нарушать чье-то уединение. Горе коснулось не его одного. У погибших остались друзья и родные, которые не ждали, что встретят утро без них. Гай постоял еще немного, чувствуя маслянистую вонь от сожженных трупов, и шагнул в прохладную тень между стойлами. Кто бы это ни был, теперь ответственность за его горе лежала на нем, и его долг заключался в том, чтобы облегчить чужое бремя. Отец понимал это, и именно потому поместье процветало так долго.

Глаза не сразу привыкли к полутьме после яркого утреннего солнца. Ему пришлось заглянуть в каждое стойло, чтобы определить, откуда доносятся звуки. В конюшне было всего две лошади, и когда он погладил их по мягким мордам, животные отозвались тихим ржанием. Под ногой хрустнул камешек, и плач мгновенно прекратился, словно кто-то задержал дыхание. Гай замер на месте, как учил Рений, и наконец услышал тихий выдох.

На грязной соломе, подтянув к подбородку колени и прислонившись спиной к каменной стене, сидела Александрия. Услышав его, она подняла глаза, и Гай, подойдя ближе, заметил дорожки от слез на грязном лице. Он подумал, что она почти его сверстница, может на год старше. Вспомнив, как ее отхлестал плетью Рений, Гай ощутил укол вины.

Он вздохнул, не зная, что сказать. Потом подошел и сел рядом, но не слишком близко, и тоже прислонился спиной к стене, чтобы девушка поняла – бояться нечего. Тишина успокаивала, и в самой конюшне, с ее запахами, ему всегда было уютно. В детстве он убегал сюда, прячась от неприятностей или наказаний. Гай погрузился в воспоминания, и молчание вовсе не казалось неловким. Тишину прерывали только лошадиный храп и редкие всхлипы, сдержанные, которые Александрии удавалось не всегда.

– Твой отец был хорошим человеком, – наконец прошептала она.

Сколько еще раз он услышит эту фразу до конца дня? Как это выдержать?

Гай кивнул.

– Мне так жаль. – Он скорее почувствовал, чем увидел, как она подняла голову и посмотрела на него.

Гай знал, что Александрия тоже убивала, видел ее в крови во дворе, когда выходил прошлой ночью, и думал, что понимает, почему она плачет. Он хотел утешить ее, но три произнесенных слова прорвали плотину, и хлынувший поток горя заполнил глаза слезами. Лицо его исказилось от боли, и голова упала на грудь.

Александрия изумленно посмотрела на него, а потом, не задумываясь и неожиданно для себя, потянулась к нему. Обнявшись и уединившись в темном мирке своего горя, они нашли друг в друге поддержку, тогда как снаружи, в солнечном мире, жизнь шла своим чередом. Александрия гладила его по волосам и шептала слова утешения, а Гай снова и снова просил прощения у нее, у своего отца, у мертвых, у тех, кого он сжег.

Когда слезы иссякли, девушка разжала объятия, но в последний момент, пока он еще был рядом, легко коснулась губами его губ и почувствовала, как он вздрогнул. Александрия тут же отстранилась, снова обхватила колени, и лицо ее вспыхнуло, хотя в темноте этого не было видно. Чувствуя его взгляд, она не могла заставить себя поднять глаза.

– Зачем ты?.. – пробормотал он сиплым от слез голосом.

– Не знаю. Просто стало интересно, как это будет.

– И как это было? – уже окрепшим голосом спросил Гай.

– Ужасно. Кто-то должен научить тебя целоваться.

Гай ошеломленно уставился на нее. Только что он захлебывался от горя, а теперь разглядывал под коркой грязи и запекшейся крови – и за ее собственной печалью – удивительную девушку.

– Я готов учиться до самого вечера, – сказал он тихо, с трудом проталкивая слова по сжавшемуся от волнения горлу.

Она покачала головой:

– Меня ждет работа. Мне нужно быть на кухне.

Одним плавным движением Александрия поднялась и шагнула из стойла, словно собиралась уйти, не сказав больше ни слова. Но потом задержалась и, обернувшись, посмотрела на него.

– Спасибо, что нашел меня, – сказала она и вышла из полумрака на солнечный свет.

Гай проводил ее взглядом. Догадалась ли она, что он еще никогда не целовался? Его губы еще помнили прикосновение ее губ, словно оставленную на них печать. Нет, не может быть, чтобы это было ужасно. В ее осанке и походке, когда она выходила из конюшни, была какая-то скованность. Александрия напомнила ему птицу со сломанным крылом. Но крыло со временем заживет – нужны только время, покой и друзья. Гай вдруг понял, что заживут и его раны.

Марк и Тубрук смеялись над какой-то шуткой Каберы, но замолчали, когда Гай вошел в комнату.

– Я хочу... поблагодарить тебя. За все, что ты сделал, – начал Гай.

Марк прервал его, схватив за руку:

– Не благодари меня! Я в неоплатном долгу перед твоим отцом. Мне очень жаль, что он погиб.

– Мы выстояли. Моя мать жива, я тоже. Случись такое снова, он поступил бы так же. Тебя ранили?

– Да, ближе к концу. Но ничего серьезного. Я был словно заговоренный! Кабера сказал, что я буду великим воином.

Марк ухмыльнулся.

– Если, конечно, сам не будешь искать смерти, – пробормотал Кабера, натирая воском лук.

– Как Рений? – спросил Гай.

Ответ последовал не сразу. Оба замаялись, особенно Марк, что показалось Гаю странным.

– Будет жить, но на поправку пойдет еще не скоро, – сказал наконец Марк. – В его возрасте заражение смертельно опасно. Хотя Кабера говорит, что он выкарабкается.

– Выкарабкается, – подтвердил Кабера.

Гай вздохнул и сел.

– И что теперь? Я слишком молод, чтобы занять место отца в Риме. По правде говоря, я бы не хотел заниматься только поместьем, но в остальные его дела я так толком и не вник. Я не знаю, кто распоряжался его деньгами и где лежат бумаги на землю. – Он повернулся к Тубруку. – Ты в курсе всех дел, и я надеюсь, ты и дальше будешь управлять поместьем, пока я не повзрослею, но что мне делать сейчас? Нанять новых учителей для себя и Марка? Все в тумане, все неясно, и я не знаю, куда идти.

– Рано или поздно такое бывает с каждым, – заговорил, откладывая лук, Кабера. – Думаешь, я мальчишкой рассчитывал оказаться здесь? В жизни случаются самые крутые, самые неожиданные повороты. И пусть это не всегда приятно, а иногда и больно, другого я бы никому не пожелал. Будущее и так во многом предопределено. И хорошо, что мы не знаем всех подробностей, иначе жизнь стала бы серой, скучной, вроде смерти.

– Тебе просто нужно поскорее всему научиться, – живо подхватил Марк.

– Когда в Риме такое творится? Кто будет меня учить? Возможно, во времена обильные и спокойные на мою неопытность еще закрыли бы глаза, но сейчас дело совсем другое. Отец всегда говорил об этом прямо. По его словам, Рим полон волков.

Тубрук мрачно кивнул:

– Я сделаю что смогу, но наверняка найдутся такие, кто будет искать разоренные поместья и пытаться купить их за бесценок. Сейчас нельзя оставаться без защиты.

– Но я не могу нас защитить! – продолжал Гай. – Например, у нас могут отнять все, чем мы владеем, если не заплатить налоги, но как их платить? Где деньги, где их взять и сколько полагается заплатить? Мне неизвестны имена отцовских клиентов. Понимаете?

– Успокойся. – Кабера снова принялся полировать лук. – Лучше подумай. Давай начнем с того, что у тебя есть, а не с того, чего ты не знаешь.

Гай сделал глубокий вдох и снова пожалел, что рядом нет отца, который был таким надежным оплотом.

– У меня есть ты, Тубрук. Ты знаешь поместье, но больше ничего. Мы все ничего не знаем о политике, о том, как обстоят дела в сенате.

Он снова посмотрел на Каберу и Марка.

– У меня есть вы двое, у меня на руках Рений, но никто из нас не бывал на заседаниях сената, а сторонники моего отца – чужие для меня люди.

– Сосредоточься на том, что у нас есть, а иначе впадешь в отчаяние. Ты уже назвал несколько человек, которые могут быть полезны. Даже некоторые армии начинались с меньшего. Кто еще?

– Моя мать и ее брат Марий, хотя отец всегда говорил, что из всех волков он самый опасный.

– Как раз такой, самый опасный, нам сейчас и нужен. Тот, кто разбирается в политике. Вы с ним кровные родственники, и тебе нужно пойти к нему, – негромко сказал Марк.

– Не знаю, можно ли ему доверять, – с унылым видом ответил Гай.

– Твою мать он в беде не оставит и тебе должен помочь. Он ведь и сам заинтересован в сохранении поместья, – сказал Тубрук.

Гай задумчиво кивнул:

– И то верно. У него дом в Риме, и я могу поехать к нему. Больше помощи ждать неоткуда, так что без Мария ничего не получится. Вот только мне он все равно что чужой. С тех пор как заболела мать, он редко сюда приезжал.

– Это не важно, он тебя не прогонит, – заметил Кабера, придиричиво оглядывая отполированный лук.

Марк внимательно посмотрел на старика:

– Больно уж ты уверен.

Кабера пожал плечами:

– В этом мире уверенным быть нельзя ни в чем.

– Тогда решено. Пошлю вперед гонца и навещу дядю, – заметно повеселев, сказал Гай.

– Я с тобой, – быстро добавил Марк. – Ты еще не вполне окреп, а Рим сейчас, знаешь ли, не самое безопасное место.

Впервые за весь день Гай улыбнулся по-настоящему.

– А я же и пришел-то в эту страну Рим посмотреть, – пробурчал Кабера, словно бы ни к кому не обращаясь. – Жил когда-то в горах, видел в своих странствиях племена, которые еще в древности считались исчезнувшими. Думал, что повидал все, но, где бы ни оказался, люди всегда говорили, что до смерти надо побывать в Риме. Бывало, хвалю какое-нибудь озеро – мол, какое красивое, – а они в ответ: «Видел бы ты Рим!» Удивительное место, середина мира, а моя нога так и не ступила ни разу за его стены.

Друзья улыбнулись, разгадав уловку старика.

– Конечно, ты пойдешь с нами. Ты – друг дома. Клянусь честью, где бы я ни был, тебе везде будет оказано уважение, – ответил Гай тоном человека, дающего клятву.

Кабера отложил лук, поднялся и протянул руку. Гай крепко ее пожал.

– И тебя с почетом примут у меня на родине, – сказал старик. – Мне по вкусу здешний климат и здешние люди. Думаю, странствия немного подождут.

Гай отпустил его руку и задумчиво кивнул:

– Если я хочу сделать карьеру, то в первый год мне понадобятся все верные друзья. Как говорил мой отец, заниматься политикой – то же самое, что ступить босой ногой в гадючье гнездо.

– Похоже, он умел образно выражаться и мнения о своих товарищах был не слишком высокого, – сухо усмехнулся Кабера. – Что ж, будем ступать осторожно и, когда надо, бить по головам.

Все четверо улыбнулись, ощутив силу дружбы, которая не зависит ни от возраста, ни от положения в обществе.

– Хочу взять еще Александрию, – неожиданно добавил Гай.

– Вот как? Это ты милашечку? – уточнил, обрадовавшись, Марк.

Гай почувствовал, как потеплели щеки. Но может быть, остальные ничего не заметили? Впрочем, судя по их физиономиям, надеялся он зря.

– Тебе надо познакомить меня с ней, – сказал Кабера.

– Знаешь, Рений отстегал ее плеткой за то, что отвлекала нас от занятий, – продолжал Марк.

Кабера щелкнул языком:

– Умеет он подать себя в не самом лучшем свете. Красивые женщины – радость жизни...

– Послушай, я... – начал Гай.

– Да, конечно, тебе она нужна, чтобы держать лошадь, пока ты занимаешься делами и все такое. Вы, римляне, так обращаетесь с женщинами, что я удивляюсь, как ваш народ еще не вымер.

Гай скоро ушел, оставив друзей в веселом настроении.

Гай постучал в дверь комнаты, куда положили Рения. Старик был один, хотя Луций только что заходил проверить раны и швы. В полутьме Гай подумал, что он спит, и повернулся, чтобы уйти и дать раненому отдохнуть, но тот остановил его.

– Гай? Так и подумал, что это ты.

– Рений. Я хотел поблагодарить тебя. – Гай подошел к кровати, пододвинул стул и всмотрелся в лицо старого гладиатора. Удивительно, но глаза у Рения были ясные, и, более того, возможно из-за слабого освещения, он казался как будто помолодевшим. Быть такого, конечно, не могло, но глубоких, похожих на шрамы, морщин и впрямь стало меньше, а на висках, в серой щетине, появились черные волосы.

– Ты... хорошо выглядишь, – только и смог сказать Гай.

Рений коротко кашлянул:

– Кабера вылечил... Чудеса, да и только. Он и сам удивился больше других. Сказал, что это, мол, судьба, раз у него так получилось. По правде говоря, я и сам силу чувствую, хотя левая рука лежит как плоть. Луций хотел ее отрезать, чтоб не болталась. Может, и соглашусь, когда раны затянутся.

Гай слушал его молча, отгоняя болезненные воспоминания.

– За какие-то несколько дней столько всего произошло! – сказал он. – Я рад, что ты с нами.

– Я не смог спасти твоего отца. Слишком далеко был и сам едва держался. Кабера сказал, что он умер мгновенно – меч в сердце. Наверное, и не понял, что случилось.

– Знаю, можешь не объяснять. Он выполнял свой долг. Я бы тоже хотел, но меня оставили в комнате и...

– Но ты все равно выбрался, да? Я рад, что так получилось. Тубрук говорит, ты спас его в самом конце. Подоспел... как запасной отряд.

Старик улыбнулся и закашлялся. Гай терпеливо ждал, пока приступ пройдет.

– Это я приказал не пускать тебя. Ты был слишком слаб для долгой схватки, и твой отец согласился. Хотел тебя защитить. И все-таки я рад, что ты к нам присоединился.

– Я тоже рад. Я дрался с Рением! – сказал Гай с улыбкой, хотя к глазам подступили слезы.

– Я всегда дерусь с Рением, – пробормотал старик. – Так что хвастать тут нечем.

Глава 11

Рассвет выдался холодный и серый, но небо над поместьем прояснилось. Низкий и скорбный звук рогов заглушал радостный птичий перепев, казавшийся неуместным в этот скорбный день. В доме убрали все украшения, и ветка кипариса над главными воротами предупреждала жрецов Юпитера: не входить, в доме покойник.

Трижды протрубили рога, и лишь затем их сменили человеческие голоса, запевшие «Conclamatum est»². Двор у ворот заполнили мужчины в грубых шерстяных тогах, не умывавшиеся и не брившиеся в знак скорби по усопшему.

Гай стоял у ворот вместе с Тубруком и Марком. Тело его отца вынесли ногами вперед и бережно уложили на открытую повозку, чтобы отвезти к погребальному костру. Собравшиеся опустили головы – кто-то молился, кто-то предавался своим мыслям, – и Гай подошел к умершему.

Он посмотрел на лицо, которое знал и любил всю жизнь, и попытался вспомнить его таким, каким оно было, когда эти глаза открывались, а крепкая рука сжимала ему плечо или ерошила волосы. Теперь руки лежали неподвижно, вытянутые вдоль тела, и чистая кожа блестела от втертого масла. Раны прикрыли складками тоги, но тело все равно осталось мертвым. Жизнь ушла из него. Не поднималась и не опускалась грудь; кожа выглядела неестественно бледной. Гай знал, что она холодная, но протянуть руку и дотронуться до нее не смог.

– Прощай, отец, – прошептал он, едва не запнувшись от захлестнувшего его горя.

Люди смотрели на него, и Гай взял себя в руки. Нельзя опозорить себя перед телом отца. Среди пришедших были друзья, которых он пока не знал, но были и падальщики, явившиеся, чтобы удостовериться в его слабости. Игла гнева помогла справиться со скорбью. Гай склонил голову и взял отцовскую руку. Ощущение было такое, будто он прикоснулся к полотну, грубому и холодному.

– Conclamatum est, – произнес он громко, и собравшиеся повторили за ним эти два слова.

Гай отступил в сторону и только молча смотрел, как его мать идет к телу мужа. Он видел, как она дрожит под грязной шерстяной одеждой. Волосы, оставшиеся в это утро нерасчесанными, торчали во все стороны в жутком беспорядке, глаза налились кровью. Протянув трясущую руку, она в последний раз дотронулась до супруга. Гай напрягся – только бы мать завершила ритуал достойно и не опозорилась. Находясь ближе всех, он единственный расслышал слова, которые она произнесла, склонившись над лицом покойника.

– Зачем ты оставил меня, любовь моя? Кто теперь развеселит меня в печали, кто обнимет в темноте? О, не об этом мы мечтали. Ты обещал всегда быть рядом, если я устану и рассержусь на весь мир...

² Все кончено (лат.).

Она зарыдала, и Тубрук подал знак специально нанятой женщине. Как и лекари, эта знахарка не могла исцелить несчастную, но ее присутствие действовало на больную успокаивающе. Тубрук кивнул, и женщина мягко взяла Аврелию за руку и увела в полумрак дома.

Гай медленно выдохнул. Он и не заметил, как слезы подступили к глазам и повисли на ресницах.

– С ней все будет хорошо, – негромко сказал Тубрук, хотя оба знали, что это не так.

Один за другим собравшиеся подходили отдать последнюю дань уважения. Некоторые обращались затем к Гаю, превозносили отца и настойчиво предлагали связаться с ними в городе.

– Он всегда был со мной честен, даже в ущерб собственной выгоде, – сказал седой мужчина в тоге из грубой ткани. – Он владел пятой частью моих лавок в городе и одолжил денег, чтобы их выкупить. Ему можно было довериться во всем, что бывает редко. И он всегда был справедлив.

Гай крепко пожал ему руку:

– Спасибо! Тубрук сообщит, когда мы сможем встретиться и обсудить дела.

Мужчина кивнул:

– Если он смотрит на меня сейчас, то пусть увидит, что я честен с его сыном. Это самое малое, чем я могу ему отплатить.

За ним последовали другие. Слушая их, Гай проникался гордостью за отца, смерть которого опечалила столько людей. Рим был другим миром, которого сын не знал, но отец вел себя достойно, и для Гаю было важно и это, и то, что город немного обеднеет оттого, что Юлий не будет ходить по его улицам.

В толпе скорбящих выделялся мужчина, одетый в чистую тогу из хорошей белой шерсти. Он не остановился у повозки, а сразу подошел к Гаю.

– Меня прислал Марий, консул. Его сейчас нет в городе, но он послал меня сказать, что не забудет твоего отца.

Гай вежливо поблагодарил посланца.

– Передай консулу Марию... – Он лихорадочно соображал, что ответить. – Передай, что я навещу его, когда он в следующий раз будет в городе.

Посланец кивнул:

– Уверен, у дяди тебя ждет теплый прием. Он будет в своем городском доме ровно через три недели, считая от сегодняшнего дня. Я ему сообщу.

Человек Мария пробрался сквозь толпу и вышел за ворота. Гай проводил его взглядом.

Марк придвинулся к нему и тихо сказал:

– Ты уже не так одинок, как был только что.

Гаю вспомнились слова матери.

– Да. Отец показал пример, как нужно жить. Я буду равняться на него, чтобы стать таким же примером для моего сына, когда сам лягу здесь, и он будет приветствовать тех, кто знал меня. Клянусь.

В рассветной тишине зазвучали низкие голоса плакальщиц, негромко повторяющих одни и те же скорбные фразы. Казалось, печалью полнится весь мир. Повозка медленно выкатилась за ворота, и люди, склонив головы, потянулись следом.

Через несколько минут двор снова опустел. Гай задержался, ожидая Тубрука, который зашел в дом проверить, как чувствует себя Аврелия.

– Ты идешь? – спросил Гай, когда управляющий вернулся.

Тубрук покачал головой:

– Останусь с твоей матерью. Не хочу, чтобы она была одна в такое время.

Слезы снова навернулись на глаза. Гай пожал руку старому гладиатору:

– Закрой за мной ворота. Я сам, наверное, не смогу.

– Ты должен это сделать. Твой отец направляется к месту своего упокоения, и ты должен проводить его, но сперва новому хозяину полагается закрыть ворота поместья. Я не могу занимать твое место. Закрой поместье для траура и зажги погребальный костер. После этого я смогу назвать тебя хозяином. А теперь ступай.

Слова застряли в горле. Гай отвернулся и закрыл за собой тяжелые ворота. Двигавшаяся размеренным шагом похоронная процессия ушла недалеко, и он пошел за ней, расправив плечи и с болью в сердце.

Погребальный костер был сложен за городской стеной, неподалеку от фамильной усыпальницы. Хоронить людей в пределах Рима запретили уже давно, десятки лет назад, поскольку земля требовалась для строительства. Гай молча наблюдал за тем, как тело его отца положили на пирамиду, сложенную из пропитанных ароматическими маслами поленьев, хвороста и соломы. В воздухе повис тяжелый цветочный запах, и плакальщицы сменили скорбные причитания на песнь надежды и возрождения. Служитель, готовивший тело Юлия к кремации, вручил Гаю зажженный факел. Темные глаза и спокойное лицо выдавали в нем человека, привыкшего к смерти и горю. Гай поблагодарил его вежливо и бесстрастно.

Понимая, что все смотрят на него, он подошел к костру, полный решимости не выказать слабости на глазах у публики. Рим и отец наблюдают за ним – не споткнется ли, не дрогнет ли. Этому не бывать.

От тяжелых запахов пошла кругом голова. Гай протянул руку с серебряной монетой, открыл безвольный, уступчивый рот и положил монету на сухой, холодный язык. То была плата перевозчику Харону, переправлявшему души умерших в мир мертвых. Осторожно закрыв покойнику рот, Гай сделал шаг назад и поднес дымящийся факел к облитой маслом соломе, засунутой между ветками у основания костра. Ему вдруг вспомнилась почему-то вонь от горящих птичьих перьев, но осмыслить это воспоминание он не успел.

Пламя схватилось быстро, побежало с треском по сухому хворосту, заглушая голоса плакальщиц. Гай отступил еще дальше. Лицо покраснелось от жара, держать факел становилось все труднее. Он был еще ребенком, но детство вдруг закончилось. Город звал его, а он еще не был готов. Но Гай будет верен памяти об отце и примет все вызовы, один за другим. Через три недели он покинет поместье и войдет в Рим.

И все же в конце он заплакал.

Глава 12

– Рим, самый большой город на свете. – Марк в изумлении покачал головой, когда они вышли на огромный, вымощенный камнем Форум.

– Только вблизи понимаешь, какое все гигантское, – заметил Кабера, чья обычная уверенность сильно пошатнулась. Пирамиды в Египте, насколько он помнил, были выше, но тамошний народ смотрел в прошлое, а эти громадные строения предназначались для живых людей, и он ощущал заключенный в них оптимизм.

На Александрию увиденное тоже произвело сильное впечатление, хотя она больше удивлялась тому, сколь многое изменилось здесь за пять лет, с тех пор как отец Гая купил ее для работы на кухне. Интересно, жив ли еще бывший хозяин ее матери? Его лицо всплыло перед глазами, и девушка содрогнулась, вспомнив, как жестоко он обходился с ними. Ее мать так и не получила свободу и умерла рабыней от лихорадки, поразившей обитателей сырого подвала дома, где содержались выставлявшиеся на продажу рабы. Такие случаи были нередки, и организаторы торгов обычно избавлялись от нескольких трупов в месяц, получая по паре монет за каждый от дельцов, зарабатывающих на продаже золы. Времени прошло немало, но девушка до сих пор помнила восковую неподвижность застывшего тела матери. Она снова поежилась и тряхнула головой, отгоняя тягостные воспоминания.

«Я не умру рабыней», – подумала она. И Кабера повернулся, будто услышал ее мысли, кивнул и подмигнул. Александрия улыбнулась ему в ответ. Кабера понравился ей с самого начала. Он тоже был другой и нигде не чувствовал себя своим.

«Я научусь делать какие-нибудь полезные вещи, буду их продавать и куплю свободу», – решила Александрия, понимая, что так действует на нее Форум. Ну и пусть – что здесь такого? Почему бы и не помечтать в городе, казавшемся делом рук богов? Вот обычный дом, сразу понятно, как его строить, но кто придумал, как возвести эти колонны? Все было такое яркое, такое чистое, совсем не то что на узких, грязных улочках, где отвратительные мужчины покупали ее мать на час, отдавая деньги хозяину.

На Форуме не было ни проституток, ни нищих, только хорошо одетые мужчины и женщины, которые покупали, продавали, ели, пили, спорили о политике и деньгах. Вокруг площади высились грандиозные храмы из дорогого камня; величественные колонны, вызолоченные сверху и снизу; торжественные арки, воздвигнутые в честь военных триумфов. Поистине в Риме билось сердце империи, и это чувствовали все. Здесь веяло уверенностью и высокомерием. Пока едва ли не весь остальной мир копался в грязи, этот народ приобрел могущество и накопил невероятное богатство.

О недавних беспорядках напоминали только угрюмые легионеры, стоящие на каждом углу и наблюдающие за толпой холодными глазами.

– Здесь все сделано так, чтобы человек чувствовал свою незначительность, – пробурчал Рений.

– Вовсе нет! – не согласился Кабера, с изумлением глядя вокруг. – Я, например, горжусь тем, что люди умеют строить такое. Удивительные мы создания!

Александрия молча кивнула. Видя все это, хотелось верить – ничего невозможного нет. Человек способен достичь всего... даже свободы.

Мальчишки-зазывалы приглашали горожан в сотни крохотных лавок и мастерских, разместившихся по периметру площади. Брадобреи, плотники, мясники, каменщики, золотых и серебряных дел мастера, горшечники, ткачи – перечислить всех мастеров было невозможно, а шум и краски сливались воедино.

– Вон там храм Юпитера на Капитолийском холме. После встречи с твоим дядей Марием мы вернемся сюда и принесем жертву.

Под лучами утреннего солнца Тубрук расслабился и даже улыбался. Вдруг он поднял руку.

– Мы едва не преградили путь вон тому человеку. Это старший магистрат, ему мешать нельзя.

Остальные подошли к нему и остановились.

– Откуда ты знаешь, кто он? – спросил Марк.

– Видите, кто с ним рядом? Ликторы со связками прутьев, или фасциями, и топориком на плече. Если бы магистрата толкнула наша лошадь, нам бы не поздоровилось. Ему и свидетелей искать не нужно. Такого лучше по возможности обходить стороной.

Они молча проводили взглядами магистрата и сопровождающих, которые пересекли площадь, словно и не замечая, какое привлекают к себе внимание.

– Опасное место для невежи, – прошептал Кабера.

– Насколько мне известно, опасно везде, – пробурчал Рений.

За Форумом начались другие улицы, не такие широкие и прямые. На перекрестках реже встречались таблички с названиями. Дома здесь поднимались на четыре или даже пять этажей, и Кабера разинул рот.

– Какой из них, должно быть, вид! Они очень дорогие, эти высокие дома?

– Это инсулы, и они самые дешевые. На такую высоту не подают воду, в них очень велика опасность пожаров. Если загорается нижний этаж, тем, кто наверху, выбраться удастся редко. Видишь, какие маленькие окна? Это от солнца и дождя, но из них невозможно выпрыгнуть.

Дальше шли по камням, поднимавшимся над уличной грязью. Не будь этих камней, привередливым пешеходам пришлось бы месить ногами скользкий лошадиный и ослиный навоз. Колеса на повозках устанавливались с учетом расстояния между камнями. Обратив внимание на эту деталь, Кабера одобрительно кивнул.

– Как все продумано. Ничего подобного не видел.

Тубрук рассмеялся:

– Ничего подобного нигде и нет. Говорят, Карфаген соперничал с Римом по красоте, но мы разрушили его больше полусотни лет назад, сожгли и засыпали землю солью, чтобы на ней никогда и ничего больше не выросло.

– Ты говоришь так, словно город – живое существо, – заметил Кабера.

– Так оно и есть. Здесь пульсирует жизнь. Город принял меня, когда я прошел через его ворота. Это мой дом, каким не может быть ни одно жилище.

Гай тоже ощущал вокруг себя жизнь. Хотя он никогда не жил в стенах этого города, Рим был для него домом, как и для Тубрука, и даже больше, ведь он был знатным, свободнорожденным сыном величайшего в мире народа. «Это построил мой народ, – подумал Гай. – Мои предки касались этих камней и ходили по этим улицам. Мой отец мог когда-то стоять на этом углу, а мать, возможно, выросла в одном из садов, которые видны с главной улицы».

Словно почувствовав перемену в его настроении, Кабера с улыбкой посмотрел на юношу.

– Мы почти пришли, – сказал Тубрук. – По крайней мере, дом Мария далеко от уличной навозной вони. Вот уж без чего я прекрасно обойдусь.

Они свернули с оживленной дороги и повели лошадей по тихой и чистой улице, уходящей вверх по крутому склону холма.

– Здесь дома богачей. У них есть поместья за городом, но особняки, где они развлекаются и плетут заговоры, находятся тут, – продолжал Тубрук таким бесстрастным тоном, что Гай удивленно посмотрел на него.

От посторонних взглядов обитателей этих домов защищали железные ворота выше роста человека. На каждом стоял номер, а для пешеходов имелаась небольшая дверца. Тубрук объяснил, что с улицы видна лишь малая часть дома, а все остальное, от бань и конюшен и до огромных внутренних дворов, скрыто от глаз.

– В Риме ценится уединенность, – продолжал Тубрук. – Видимо, потому, что в городе ее трудно обеспечить. Конечно, если посторонний войдет на территорию загородного поместья, это вряд ли будет считаться преступлением. А здесь нужно договариваться о встрече заранее, уведомлять о себе и ждать, ждать и ждать, пока тебя не будут готовы принять. Вот этот дом. Скажу привратнику, что мы прибыли.

– Оставляю вас здесь, – сказал Рений. – Мне нужно сходить к себе и проверить, не пострадал ли мой дом во время бунта.

– Не забывай про запретный час. Не выходи из дома после заката, друг мой. Здесь все еще убивают тех, кто осмеливается выйти на улицу после наступления темноты.

Рений кивнул:

– Буду осторожен.

Он развернул своего мерина, и Гай тронул Рения за здоровую руку.

– Ты же не уходишь? Я думал...

– Я должен убедиться, что мой дом уцелел. И немного побыть одному, подумать о том о сем. Теперь я, пожалуй, не готов провести остаток жизни с другими стариками. Вернусь завтра на рассвете, тогда и... В общем, до завтра.

Он улыбнулся и развернул коня.

Пока Рений спускался по улице, Гай, глядя ему вслед, снова обратил внимание на его отросшие темные волосы и крепкое тело. Он повернулся и посмотрел на Каберу, который только пожал плечами.

– Привратник! – крикнул Тубрук. – Мы здесь.

После жары римских улиц прохлада каменных коридоров принесла им приятное облегчение. Лошадей и мешки у пятерых гостей забрали, а пожилой раб отвел их в первое строение.

Они остановились у двери из позолоченного дерева, и раб, открыв ее, жестом предложил им войти.

– Ты найдешь здесь все необходимое, господин. Консул Марий предлагает тебе освежиться и переодеться. Он примет тебя после захода солнца, через три часа за ужином. Проводить твоих спутников в помещение для слуг?

– Нет. Они остаются со мной.

– Как пожелаешь, господин. Девушку отвести в комнаты для рабов?

Гай медленно кивнул:

– Позаботьтесь о ней. Она друг моего дома.

– Конечно, господин, – ответил раб, поманив за собой Александрию.

Девушка взглянула на Гая, но выражение в ее темных глазах осталось для него тайной.

Не сказав больше ни слова, тихий человечек ушел, бесшумно ступая сандалиями по каменному полу. Гости переглянулись, словно ища поддержки друг у друга.

– По-моему, я ей нравлюсь, – задумчиво сказал Марк и, поймав удивленный взгляд Гая, пожал плечами. – А ноги у нее красивые. – С этими словами он, посмеиваясь, вошел в комнату, оставив друга в полном недоумении.

Кабера, войдя за ним следом, негромко присвистнул. Высота потолка составляла не менее сорока футов. Стены были выкрашены в темно-красный и оранжевый цвета, уже несколько раз попадавшие им на глаза с тех пор, как они вошли в город. Их внимание привлек пол, на котором мозаикой были выложены концентрические круги, сходящиеся к мраморному фонтану в центре. Каждый круг содержал изображения следующих друг за другом фигур. Во внешних кругах были изображены люди, идущие с покупками с рынка, на других, внутренних, можно было увидеть рабов и магистратов, сенаторов, врачей и легионеров. Один круг отводился царям, изображенным обнаженными, если не считать корон. В центральном круге, опоясывающем фонтан, помещались картины с застывшими в торжественных позах богами. Они равнодушно взирали на людей, которые пребывали в вечной суетливой круговерти, но не могли перескочить в другой круг.

Гай прошел через круги к фонтану и, наполнив стоящую на мраморном краю чашу, сделал несколько глотков. По правде говоря, он очень устал, и, хотя красота комнаты произвела на него сильное впечатление, более важной деталью всего этого великолепия стало для него отсутствие еды и лож. Следуя за ним, и остальные прошли под аркой в соседнюю комнату.

– А вот это мне нравится больше, – приободрился Марк.

Перед ними стоял уставленный яствами полированный стол: мясо, хлеб, яйца, овощи, рыба. В золотых чашах высились горы фруктов. Мягкие ложа располагали к отдыху, но внимание Гая привлекла еще одна дверь.

Открыв ее, он оказался в третьей комнате, в центре которой находился глубокий бассейн. Над водой поднимался пар, на расставленных вдоль стен деревянных скамьях лежали стопки белых одежд. Возле низеньких столиков стояли четыре раба, готовые сделать гостям массаж.

– Замечательно, – обрадовался Тубрук. – Гай, твой дядя – гостеприимный хозяин. Что касается меня, то я сначала искупаюсь, а потом подкреплюсь.

Он уже на ходу начал раздеваться, когда к нему подошел один из рабов. Тубрук отдал ему одежду, и раб унес ее из комнаты. Через несколько секунд его место у стола занял другой раб.

Набрав в легкие воздуха, Тубрук опустил под воду, задержал дыхание и расслабился. Когда он вынырнул, Гай и Марк уже разделись, отдали одежду другому рабу и, весело смеясь, прыгнули в бассейн с другой стороны.

Раб протянул руку за туникой Каберы. Старик нахмурился, потом вздохнул и принялся стаскивать тунику со своего тощего тела.

– Всегда что-то новое, – проворчал он и, опустившись в воду, моргнул.

– Плечи, парень, – крикнул Тубрук одному из рабов.

Раб кивнул, опустил на колени у края бассейна и, положив руки на плечи бывшего гладиатора, принялся разминать мышцы, высвобождая напряжение, скопившееся там со времени битвы на стенах поместья.

– Хорошо, – пробормотал Тубрук и, убаюканный теплом, закрыл глаза и задремал.

Первым на массажный стол лег Марк. Разомлевший, он вытянулся на мягкой подстилке.

Он лежал на гладкой материи, и в прохладном воздухе от него шел пар. Ближайший раб снял с пояса какие-то шутовщины, похожие на связку длинных латунных ключей, обильно полил Марка теплым оливковым маслом и принялся скрести кожу, словно чистил рыбу. Обрабатывая спину, он вытер ее белым полотенцем, которое на удивление быстро почернело. Раб снова полил маслом уже сухую кожу и приступил к массажу.

Марк довольно замычал.

– А знаешь, думаю, мне здесь понравится, – пробормотал он, едва шевеля губами.

Гай лениво покачивался на воде, и мысли его текли так же лениво. Может быть, Марий не захочет терпеть присутствие в своем доме двух мальчишек. Своих детей у него нет, а республика – боги тому свидетели – переживает сложные времена. Свободы, которые так высоко ценил его отец, оказались под угрозой, как только на каждом углу появились солдаты. Будучи консулом, Марий оставался одним из двоих самых могущественных людей города, но, пока город контролировал легион Суллы, его реальное влияние было ничтожным, и даже его жизнь зависела от прихоти соперника. Но может ли Гай продолжить дело отца, не опираясь на поддержку дяди? Кто-то должен представить его влиятельным людям, стать его поручителем. Нельзя просто прийти и занять место, которое занимал отец, – его вышвырнут, и на этом все закончится. Да, кровное родство через мать позволяло рассчитывать на какую-то помощь, но уверенности в том, что он ее получит, у Гая не было.

Марий изредка навещал сестру, когда Гай был совсем маленьким. Потом ее состояние ухудшилось, и визиты почти прекратились. С последнего прошло уже несколько лет.

– Гай? – В его мысли вторгся голос Марка. – Давай иди сюда. Не забивай голову пустыми размышлениями.

Гай ухмыльнулся и вышел из воды, ничуть, как и все остальные, не стесняясь своей наготы.

– Кабера! Тебе когда-нибудь делали массаж? – спросил он, проходя мимо старика.

– Нет, но я стараюсь пробовать все на свете, – ответил Кабера и побрел к ступеням.

– Тогда ты попал в нужное место, – усмехнулся, не открывая глаз, Тубрук.

Чистые, посвежевшие, в новой одежде и даже успевшие слегка перекусить, все четверо проследовали за рабом к Марию. Александрии с ними не было, и Гай испытал некоторое разочарование. В ее присутствии он терялся и не знал, что сказать, но без нее в голове у него рождались остроумные фразы и глубокомысленные замечания, которые потом почему-то забывались. О поцелуе в конюшне Гай не заговаривал и не знал, вспоминает ли она о нем так же часто, как он. В конце концов он запретил себе думать об Александрии и постарался сосредоточиться на предстоящей встрече.

Перед дверью их остановил осанистый раб, причесавший непослушные кудри Марка резным гребнем из слоновой кости и расправивший складки на одежде Тубрука. Он уже потянулся мясистыми пальцами к Кабере, но старик шлепнул его по рукам и коротко бросил:

– Не тронь!

На лице раба не отразилось никаких чувств, и, лишь приведя в должный вид остальных, он позволил себе слегка нахмуриться, поглядывая на Каберу.

– Господин и госпожа сегодня дома. Сначала поклонитесь господину, а кланяясь, не отрывайте глаз от пола. Потом поклонитесь госпоже Метелле, но не так глубоко. Ваш слуга-варвар, если это необходимо, может также постучать головой об пол.

Кабера открыл рот, чтобы возразить, но раб отвернулся и отворил двери.

Гай вошел первым и оказался в чудесном внутреннем дворе с садом посередине. Крышу галереи поддерживали колонны из белого камня, стены украшали сюжеты из римской истории: победы Сципиона, завоевание Греции. Марий и его жена, Метелла, встали навстречу гостям, и Гай вымученно улыбнулся, внезапно ощутив себя юным и неуклюжим.

Подойдя ближе, он встретил оценивающий взгляд консула. Какое же впечатление он произвел на родственника? Сам он видел перед собой мужчину весьма внушительной наружности. Полководец, участник многих военных кампаний был в свободной тоге, открывавшей правую руку и плечо и обнажавшей внушительные мышцы и темные курчавые волосы на груди и предплечьях. Никаких драгоценностей и украшений он не носил, полагая, очевидно, что человек его положения ни в чем подобном не нуждается. От всей его фигуры веяло силой. Из-под тяжелых бровей на суровом лице смотрели темно-карие глаза. Держа за спиной сцепленные руки, Марий молча разглядывал идущего к нему Гая.

Когда-то Метелла слыла красавицей, но время и заботы оставили след на ее лице, и морщины безымянного горя словно когтями прочертили кожу. Внутреннее напряжение выдавали проступившие на шее сухожилия и едва заметно дрожащие руки. Простой наряд из красного полотна дополняли золотые серьги и браслеты.

– В этом доме сыну моей сестры всегда рады. – Зычный голос Мария разнесся по всему двору.

У Гая гора свалилась с плеч, но расслабиться он себе не позволил.

Марк, подойдя к другу, встал рядом с ним и учтиво поклонился. Метелла посмотрела на него, и дрожь в ее руках усилилась. Гай заметил, что, когда она вышла вперед, Марий бросил на нее обеспокоенный взгляд.

– Какие красивые мальчики. – Метелла протянула им руки, правую – одному, левую – другому. – Представляю, каково вам пришлось во время бунта. – Она коснулась ладонью щеки Марка. – Здесь вы будете в безопасности. Наш дом – ваш дом. Оставайтесь здесь столько, сколько пожелаете.

Марк накрыл ее руку своей и прошептал:

– Спасибо.

Похоже, ее поведение не казалось ему таким странным, каким казалось Гаю, которому ее беспокойство и импульсивность напомнили мать.

– Дорогая, ты не проверишь, как идет подготовка к ужину? – раздался бодрый голос Мария. – А я пока обсужу с мальчиками дела.

Метелла кивнула и, еще раз взглянув на Марка, вышла из зала.

Марий откашлялся:

– Похоже, моей жене вы понравились. Боги не благословили нас детьми, и я думаю, вы станете ей утешением.

Он окинул взглядом всю компанию.

– Тубрук... верный слуга. Слышал, ты отлично сражался, защищая дом моей сестры.

– Я исполнял свой долг. Жаль, этого оказалось недостаточно.

– Сын жив, мать тоже. Юлий сказал бы, что этого достаточно. – Марий снова посмотрел на Гая. – Я вижу в твоём лице отцовские черты. Жаль, что он ушел от нас. Не могу сказать, что мы были друзьями, но друг друга уважали, что честнее мнимой дружбы. Я не мог присутствовать на его похоронах, но думал о нем и молился.

Гай почувствовал, что этот человек начинает ему нравиться. Возможно, такой у него талант, предостерег внутренний голос. Возможно, именно поэтому его столько раз выбирали консулом. За таким готовы пойти многие.

– Спасибо. Отец всегда хорошо отзывался о тебе, – поблагодарил он.

Марий коротко рассмеялся:

– Сомневаюсь! Как твоя мать? По-прежнему?

– Да. Лекари опустили руки.

Марий кивнул, сохранив непроницаемое лицо.

– Отныне называй меня дядей. Да. Меня это вполне устроит. А это... Ты кто?

Он посмотрел на Каберу, который ответил ему бесстрастным взглядом.

– Жрец и целитель, мой помощник. Его зовут Кабера, – ответил Гай.

– Откуда ты, Кабера? Лицо у тебя не римское.

– С далекого востока, господин. О моей родине в Риме не знают.

– Ты все же скажи. Я со своим легионом побывал и в далеких краях.

Марий смотрел на старика в упор, но Каберу его пытливый взгляд, похоже, ничуть не беспокоил.

– Моя родина – маленькое горное село в тысяче миль к востоку от Египта. Я оставил его мальчишкой и названия уже не помню. С тех пор и странствую.

Марий потерял к нему интерес, и огонек в его глазах погас. Он снова посмотрел на мальчиков.

– Теперь мой дом – ваш дом. Полагаю, Тубрук скоро вернется в поместье?

Гай кивнул.

– Хорошо. Я представлю тебя влиятельным людям, как только разберусь с кое-какими делами. Знаешь, кто такой Сулла?

Гай понял, что его снова проверяют.

– Сейчас он хозяин Рима. – Марий нахмурился, однако Гай продолжал: – Его легион держит улицы, что дает ему большое влияние.

– Ты прав. Вижу, деревенская жизнь не помешала тебе разобраться в городских делах. Иди сюда, садись. Ты пьешь вино? Нет? Что ж, можно начать прямо сейчас.

Они расположились вокруг заставленного угощениями стола. Марий склонил голову и произнес короткую молитву:

– Великий Марс, помоги мне принять верные решения в грядущие трудные дни.

Он выпрямился, улыбнулся гостям и жестом приказал рабу разлить вино.

– Твой отец мог бы стать при желании великим полководцем, – заговорил Марий. – Я не встречал ума острее. Однако он довольствовался малым и не понимал сути власти – сильный человек может встать выше правил и законов, придуманных соотечественниками.

– Он придавал большое значение законам Рима, – ответил Гай, подумав.

– Да. В этом была его единственная слабость. Знаешь, сколько раз меня избирали консулом?

– Три, – вставил Марк.

– А по закону положен только один срок. И меня будут переизбирать снова и снова, пока я не устану от этой игры. Видишь ли, мне опасно отказывать. Все сводится к этому, что бы ни гласили законы и постановления, которыми так дорожат старики в сенате. Мои солдаты верны мне, и только мне. Я открыл путь в армию неимущим, так что многие легионеры обязаны мне всем, что у них есть. Да, некоторые из них – подонки, вылезшие из римских канав, но,

несмотря на происхождение, они верные и сильные солдаты. Если меня убьют, пять тысяч человек разнесут этот город на части, поэтому я хожу по улицам без опаски. Они знают, что будет, если я умру, понимаешь?

А раз меня нельзя убить, им приходится ко мне приспосабливаться. Вот только теперь Сулла ввел в игру собственный легион, который верен ему одному. Я не могу убить его, он не может убить меня, вот мы и рычим друг на друга из разных концов сената и выжидаем момента, когда противник ослабнет. Сейчас преимущество у него. Его люди, как ты сказал, держат улицы, тогда как мои стоят за городскими стенами. Тупик. Ты играешь в латрункули? У меня есть доска.

Вопрос был адресован Гаю – он моргнул и покачал головой.

– Научу. Сулла играет мастерски, я тоже. Подходящая игра для полководцев. Смысл в том, чтобы убить вождя противника или ослабить его и заставить сдаться.

В зал вошел солдат в доспехах и отдал салют правой рукой.

– Консул, люди по твоему требованию прибыли. Они вошли в город с разных сторон и собрались здесь.

– Отлично! Видишь, Гай, сейчас мы сделаем следующий ход. Со мной в доме пятьдесят человек. Если Сулла не расставил своих соглядатаев у всех ворот, он не узнает, что они вошли в город. Если же он догадается о моих намерениях, снаружи на рассвете меня будет ждать целая центурия из его легиона. Но ведь жизнь – игра? – Он повернулся к легионеру. – Выступим на рассвете. Проследи, чтобы мои рабы позаботились о людях. Я скоро буду.

Солдат снова отдал салют и вышел.

– Что ты собираешься делать? – спросил ничего не понявший Марк.

Марий поднялся и расправил плечи. Потом подозвал раба и приказал приготовить к рассвету доспехи.

– Видели когда-нибудь триумф?

– Нет. По-моему, их и не было в последние годы, – ответил Гай.

– Каждый полководец, завоевавший новые земли, имеет право провести свой легион по улицам нашей дорогой столицы и принять любовь народа и благодарность сената. Я, как когда-то Сципион, захватил обширные и плодородные земли в Северной Африке. Однако Сулла, который сейчас держит сенат в кулаке, отказывает мне в триумфе, ссылаясь на то, что в городе и без того неспокойно. Но какова действительная причина?

– Он не хочет, чтобы твои люди вошли в город, – быстро ответил Гай. – И ищет любой предлог.

– Хорошо, и что же делать мне?

– Все равно их привести? – рискнул предположить Гай.

Марий замер.

– Нет. Рим – мой любимый город. Я не собираюсь захватывать его силой. Результат таких действий непредсказуем. Нет, я обращусь с просьбой! Рассвет через шесть часов. Предлагаю всем немного поспать. Спросите любого раба, когда захотите отправиться в свои комнаты. Доброй ночи.

Он вышел, усмехаясь, предоставив гостей самим себе.

– Он... – начал Кабера, но Тубрук предостерегающе поднял палец и взглядом указал на рабов, которые ничем не напоминали о себе. – Скучать, видно, не придется.

Марк и Гай кивнули и с улыбкой переглянулись.

– Хотел бы я посмотреть, как он будет «просить», – сказал Марк.

Тубрук покачал головой:

– Слишком опасно. Наверняка прольется кровь, а я не для того привел вас в Рим, чтобы увидеть, как вас убьют в первый же день. Знал бы, что Марий затевает что-то такое, не спешил бы в город.

Гай положил руку ему на плечо:

– Ты хороший защитник, Тубрук, но я тоже хочу посмотреть. Ты нам не запретишь.

Он сказал это тихо, но Тубрук уставился на него так, словно Гай кричал.

– Твой отец никогда не был таким упрямым, – сказал бывший гладиатор, качая головой. –

Но если ты твердо решил и Марк с тобой согласен, я пойду вместе с вами, чтобы, как обычно, прикрывать вам спину. А ты, Кабера?

– Куда ж я денусь? Путь у нас пока один.

Тубрук кивнул:

– Что ж, тогда до рассвета. Советую встать по крайней мере на час-другой раньше – размяться и перекусить. – Он поднялся и поклонился Гаю. – Господин?

– Можешь идти, – бесстрастно произнес Гай.

Тубрук ушел, и Марк вопросительно поднял брови, однако Гай не ответил. Они были не одни и не могли вести себя так же свободно, как в поместье. Пусть Марий и родственник, расслабляться в его доме не стоило. Тубрук ясно дал это понять.

Марк и Кабера вскоре тоже ушли, и Гай остался наедине со своими мыслями. Вытянувшись на ложе, он увидел над собой звездное небо. Глаза наполнились слезами. Отца не стало, и теперь ему предстояло иметь дело с чужими людьми. Все такое новое, незнакомое, гнетущее. Каждое слово надлежало обдумать, прежде чем произнести. Каждое решение – взвесить. Это требовало времени и сил, и Гай не в первый уже раз пожалел, что больше не ребенок, не знающий забот. Раньше он всегда мог пойти к кому-то, когда делал ошибки, но к кому обратиться теперь? Случалось ли его отцу или Тубруку оказываться в таком же положении? Неужели их снедали те же тревоги? Это казалось невероятным. Наверное, так бывает с каждым, но все скрывают свое смятение от других.

Немного успокоившись, Гай встал и осторожно вышел из темного зала, сам еще не сознавая, что уже выбрал направление и цель. Тихие коридоры казались пустыми, но едва он сделал несколько шагов, как к нему подошел стражник.

– Чем могу помочь, господин?

Гай вздрогнул. Конечно, дом Мария охраняется и внутри, и снаружи.

– Сегодня я привел с собой рабыню. Хочу провести ее перед сном, посмотреть, как она устроилась.

– Понимаю, господин. – Стражник едва заметно улыбнулся. – Я покажу тебе, как пройти в комнаты рабов.

Гай стиснул зубы, прочитав его мысли, но объяснения только усилили бы неловкость. Он молча последовал за провожатым до тяжелой двери в конце коридора. Стражник тихонько постучал. Через несколько секунд дверь открылась, и перед ними возникла пожилая служанка с седеющими волосами. На лице ее тут же проступило недовольное и, очевидно, свойственное ей выражение.

– Чего тебе, Фома? Луция спит, я уже говорила...

– Здесь племянник Мария. Он привел с собой девушку.

Гай молча кивнул. Неужели об этом должны узнать все? Заметив его, рабыня тут же сменила тон.

– Александрия, да? Красивая девушка. Меня зовут Карла. Я проведу тебя в ее комнату. Почти все уже спят, так что не шуми.

Она поманила Гаю за собой, и он послушно последовал за ней. От смущения у него свело шею и спину. Пока дверь за ним не закрылась, Гай чувствовал на себе взгляд Фомы.

Здесь все было просто, непритязательно, но чисто. Вдоль длинного коридора тянулись закрытые двери; к стенам через равные промежутки крепились небольшие свечи. Свечи горели не все, но света было достаточно, чтобы Гай видел, куда они идут.

– Большинство рабов спят в общих спальнях, – шепотом сообщила Карла и повернулась к нему. – Но твою девушку поместили в отдельную комнату, у нас такие для особых случаев. Ты ведь велел о ней позаботиться.

Гай покраснел. Он и не подумал, что рабы Мария отнесутся к нему и Александрии с таким интересом. К утру весь дом будет знать, что он приходил к ней ночью.

Они вновь повернули, и Гай удивленно застыл. Последняя дверь была открыта, Александрия сидела освещенная тусклым колеблющимся светом. Едва Гай увидел ее, как у него перехватило дыхание, но рядом с ней в тени стоял, прислонившись к стене, кто-то еще.

Карла метнулась вперед, но Гай уже узнал Марка. Марк тоже узнал его и, похоже, удивился не меньше.

– Как ты сюда попал? – спросила Карла.

Марк пожал плечами:

– Просто... пробрался. Не хотел никого будить.

Гай посмотрел на Александрию, и грудь стиснула ревность. Выглядела она недовольной, глаза блестели, волосы были распущены.

– Как вы оба видите, я хорошо устроилась. Рабы встают до рассвета, так что я хотела бы лечь спать, если вы, конечно, не намерены привести еще и Каберу с Тубруком.

Марк и Гай удивленно смотрели на нее. Девушка, похоже, и впрямь разозлилась.

– Нет? Тогда спокойной ночи.

Она кивнула им, поджав губы, и тихо закрыла дверь.

Карла осталась стоять, разинув от изумления рот и не зная, как извиниться.

– Что ты тут делаешь, Марк? – сердитым шепотом спросил Гай.

– То же, что и ты. Подумал, что ей может быть одиноко. Откуда я знал, что у тебя на уме?

Одна за другой стали открываться двери, и женский голос тихо спросил:

– Все в порядке, Карла?

– Да, дорогая. Спасибо, – прошептала в ответ служанка. – Послушайте, она легла спать. Предлагаю вам обоим последовать ее примеру, пока весь дом не собрался посмотреть, что тут происходит.

Друзья хмуро кивнули и вместе пошли по коридору. За спиной у них Карла накрыла ладонью рот, чтобы не рассмеяться, пока они не исчезнут из вида. Это ей почти удалось.

Как и сказала Александрия, за два часа до рассвета дом Мария внезапно ожил. Рабы растапливали кухонные печи, открывали окна, вешали на стены факелы и погружались в обычную суету, разнося солдатам подносы с едой и полотенца. Тишину предрассветных сумерек нарушили крики и грубый мужской смех. Гай и Марк проснулись с первыми звуками, Тубрук сразу после них, а вот Кабера вставать отказался.

– Зачем так рано? Всего-то дел – тунику надеть и до ворот дойти. До рассвета еще добрых два часа.

– Ты можешь умыться и позавтракать, – сказал Марк. Сна в его глазах не осталось ни капли.

– Я мылся вчера, а ем до полудня мало. Оставьте меня в покое. Убирайтесь.

Марк так и сделал, присоединившись к остальным. Они поели хлеба с медом, запив его горячим пряным вином.

О событиях прошлой ночи ни один, ни другой не обмолвились ни словом, и оба чувствовали возникшее между ними напряжение. За столом то и дело возникали неловкие паузы, заполнявшиеся прежде веселой болтовней.

Первым не выдержал Гай.

– Если ты ей нравишься, я мешать не стану, – заявил он громко и четко.

– Очень благородно с твоей стороны, – с улыбкой ответил Марк и, допив вино, пригладил ладонью волосы рукой и вышел из комнаты.

Тубрук взглянул на Гая и, увидев выражение его лица, коротко хохотнул и вышел следом.

Свежий и отдохнувший, Марий вышел в зал, громыхая подкованными железом сандалиями. В доспехах он выглядел еще внушительнее. Марк поймал себя на том, что присматривается к его походке, выискивая слабости, как перед поединком. Может, опускает раненое когда-то плечо или бережет слабое колено? Ничего такого. Пожалуй, единственная его слабость – отсутствие детей. Интересно, кто из них бесплоден – Марий или Метелла? Боги капризны, и все же эта шутка слишком жестока: щедро одарив мужчину, лишить его возможности передать все это потомкам.

На Марии был бронзовый нагрудник и длинный красный плащ, на поясе висел простой легионерский – правда, с серебряной рукоятью – гладий, а загорелые ноги частично закрывала кожаная латная юбка. Двигался Марий на удивление легко для своего возраста, и глаза его блестели от волнения или возбуждения.

– Вижу, вы уже встали. Пойдете с моими людьми?

Глубокий, ровный голос не выдавал волнения.

Гай улыбнулся, радуясь, что не пришлось спрашивать самому.

– Мы все пойдем, с твоего разрешения... дядя.

Марий кивнул – такое обращение пришлось ему по душе.

– Конечно. Только держитесь сзади. Развлечение это опасное, как бы все ни обернулось. И еще одно: города вы не знаете, и, если придется разделиться, возвращаться в этот дом может быть опасно. Найдете в общественных банях Вальцина. Бани до полудня закрыты, но вас он впустит, если назовете мое имя. Понятно?

Марк, Гай и Тубрук переглянулись, ошеломленные тем, с какой скоростью развиваются события. При этом по крайней мере двое из них испытывали приятное волнение. Вслед за Марием они вышли во двор, где полководца терпеливо ждали его люди.

Кабера присоединился к ним в последнюю минуту. Глаза его были ясны, взгляд цепок, как всегда, но на щеках и подбородке пробилась седая щетина. Марк ухмыльнулся – Кабера в ответ нахмурился. Гай присмотрелся к стоящим впереди легионерам. Все загорелые и темноволосые, они держали в левой руке прямоугольные щиты, каждый из которых был украшен сделанной из латуни эмблемой Мария – тремя пересекающимися стрелами. В этот миг Гай понял, о чем говорил Марий. Это – солдаты Рима, готовые защищать город, но верные знаку на своем щите.

Все стояли молча и ждали, когда откроются большие ворота. Из тени вышла Метелла и поцеловала Мария. Он ответил горячим поцелуем. Солдаты смотрели на это бесстрастно, не разделяя бодрого настроения командира. Потом Метелла повернулась и поцеловала Гая и Марка. К своему удивлению, они заметили, что в глазах у нее блестят слезы.

– Возвращайтесь целыми и невредимыми. Я буду всех вас ждать!

Гай поискал глазами Александрию. Он смутно надеялся, что еще успеет рассказать ей о своем решении уступить дорогу Марку. Может быть, тронутая его благородством, она отвергнет притязания Марка? Увы, девушки нигде не было видно, а потом ворота открылись, и времени уже не осталось.

Вслед за солдатами Мария Гай, Марк, Тубрук и Кабера вышли на улицы Рима.

Глава 13

В Риме рассвет приходил обычно на пустынные улицы. Горожане в большинстве своем просыпались поздно, но уж потом трудились до полуночи. С введением запретного часа при-

вычный порядок изменился, и когда Марий вышел со своими людьми за ворота, лавки уже открывались.

Полководец шагал во главе отряда легко и уверенно. Завидев солдат, прохожие предупреждали соседей криками, и Гай видел, как люди пригибаются и отступают в дверные проемы. После недавних беспорядков мало кто отваживался открыто глазеть на вооруженную процессию, спускающуюся с холма в направлении городского Форума, где и находились здания сената.

Поначалу их шествию никто не мешал, и вставшие пораньше горожане расступались, освобождая дорогу. Гай замечал недовольные взгляды и хмурые лица, слышал сердитое бормотанье. Чаше других звучало одно слово: «Scelus!»³

Рассвет выдался сырой и холодный, и Гая пробирала легкая дрожь. В сером утреннем свете даже Марк выглядел насупленным и мрачным и, поймав взгляд друга, только молча кивнул и крепче сжал рукоять гладия. Напряжения и тревоги добавлял катящийся по улице шум. Гай и подумать не мог, что полсотни солдат могут произвести такой грохот, но стук подкованных железом сандалий, подхваченный эхом, наполнял узкие улочки. Из открывавшихся вверху окон доносились проклятия и оскорбления, но отряд шел дальше.

– Сулла вырежет вам глаза! – проорал какой-то мужчина и поспешно захлопнул за собой дверь.

Люди Мария не обращали внимания ни на насмешки, ни на разрастающуюся позади них толпу любопытных.

Впереди отряда на улице появился легионер со знаком Суллы на щите. Шум за спиной заставил его обернуться, и он замер, обнаружив солдат Мария. Взгляды всех устремились на него, и Гай сам ощутил внезапное волнение. Легионер Суллы, однако, предпочел осмотрительность доблести и, пустившись наутек, исчез за ближайшим углом. Один из солдат, шедших впереди с Марием, побежал было за ним, но консул его удержал.

– Пусть бежит. Предупредит, что я иду.

Гая поразило его спокойствие. Больше никто ничего не сказал, и отряд продолжал движение – грозно, в ногу.

В какой-то момент Кабера оглянулся и побледнел – улицу за ними заполнила шумная толпа. Пути назад теперь не было – любопытствующие шли следом с горящими от возбуждения глазами, крича и переговариваясь. Кабера достал из-за пазухи синий камешек на кожаном шнурке, поднес его к губам и пробормотал краткую молитву. Тубрук посмотрел на старика, положил руку ему на плечо и коротко пожал.

К тому времени, когда они приблизились к Форуму, толпа заполнила прилегающие к площади улицы. Гай уже чувствовал волнение идущих впереди, видел, как напрягаются их спины и плечи и руки ложатся на рукояти мечей. Он с натугой сглотнул – в горле пересохло. Сердце заколотилось, закружилась голова.

Словно смеясь над их тревогами, именно в тот миг, когда они достигли площади, солнце вынырнуло из утреннего тумана, позолотив статуи и храмы. Гай увидел впереди ступени сената и облизал внезапно пересохшие губы, когда из темноты им навстречу выступили и замерли в ожидании одетые в белое фигуры. Всего на ступенях стояли, взявшись за оружие, четыре легионера Суллы. Другие наверняка спешили им на подмогу.

Между тем со всех сторон на Форум стремились сотни людей. Отовсюду доносились насмешки и крики. Взгляды всех были обращены на Мария и его воинов, перед которыми оставался свободным прямой проход к сенату. Каким-то особым чутьем толпа определила цель их движения. Гай стиснул зубы. Сколько же их тут. Горожане не выказывали ни страха, ни уважения – они жестикулировали, орали, толкали и отпихивали друг друга, чтобы пробиться

³ Преступление (лат.).

вперед, занять более удобную для наблюдения позицию. Гай уже жалел, что вызвался сопровождать дядю.

Подойдя к ступеням, Марий остановил отряд и шагнул вперед. Толпа напирала со всех сторон, заполняя все свободное пространство. Пахло потом, съестным и пряностями. К дверям сената вело тридцать широких ступеней, и теперь на них стояли девять сенаторов.

На самой верхней, сцепив руки за спиной и будто собираясь читать лекцию, возвышался Сулла. Взгляд его был прикован к Марию, неподвижное, как маска, лицо ничего не выражало. В отличие от него, четыре легионера на нижней ступени заметно волновались.

Мало-помалу, словно уловив неслышную команду, толпа умолкла, и лишь кое-где повисшую тишину нарушали препирательства и проклятия тех, кто пытался пробиться ближе.

– Вы все меня знаете! – крикнул во весь голос Марий. – Я Марий, военачальник, консул, гражданин. Здесь, перед сенатом, я заявляю о своем праве на триумф в знак признания моих военных успехов в Африке.

Толпа подступила ближе, где-то дошло до кулаков, и пронзительные крики прорвали напряженную тишину. Теперь напирала уже на солдат, и двоим из них пришлось обнажить оружие и отогнать зевак на место, что вызвало злобные крики.

Гай чувствовал пугающее настроение толпы. Все эти люди собрались сюда точно так же, как на гладиаторские бои, – развлечься, глядя на кровавое зрелище.

Гай заметил, что остальные сенаторы смотрят на Суллу и ждут ответа от него. Исполняя обязанности второго консула, он выражал мнение городской власти.

Сулла спустился на две ступени, ближе к солдатам. Его лицо вспыхнуло от гнева, но голос звучал спокойно.

– Это противозаконно. Отпусти своих людей. Мы обсудим твой вопрос в сенате, когда все сенаторы будут в сборе. Ты знаешь закон, Марий.

Те в толпе, кто слышал Суллу, торжествующе заулюлюкали, другие, полагая, что находятся в безопасности в плотной массе народа, разразились оскорблениями.

– Да, я знаю закон! И знаю, что полководец имеет право на триумф. Я выдвигаю это требование. Ты мне отказываешь?

Марий тоже шагнул вперед; толпа бурливо колыхнулась вместе с ним, выплеснувшись на ступени сената между двумя соперниками.

– *Vappa!*⁴ *Cunpus!*⁵ – Грубые оскорбления сыпались на солдат, пытавшихся сдержать натиск.

Марий повернулся к своей полусотне. Темные глаза грозно блеснули.

– *Довольно!* Освободите дорогу своему командиру, – сурово произнес он.

Легионеры выхватили мечи и рубанули по стоявшим ближе и попавшим под руку. На мраморные ступени брызнула кровь, но солдаты не остановились и продолжали с холодной невозмутимостью рубить налево и направо, без разбора, мужчин и женщин. Толпа зашумела, завопила и попятилась, но те, что стояли сзади, не видя ничего, давили и давили. Теперь оружие достала уже вся полусотня, и рубка продолжилась при полном равнодушии участвующих в ней легионеров.

Все это длилось, должно быть, не больше нескольких минут, но Гаю и Марку они показались часами. С ужасом, в оцепенении, друзья смотрели, как люди падают под ударами мечей, валятся, словно колосья пшеницы под серпом. Тела павших уже устилали площадь, когда люди рванулись наконец назад. Все вдруг поняли, что происходит. Вскоре вокруг Мария и его людей образовалось пустое пространство, быстро расширявшееся по мере того, как свободные римляне и рабы разбежались кто куда, спасаясь от смертоносных мечей.

⁴ Негодный человек (лат.).

⁵ Женский половой орган (лат.).

Легионеры молча вытерли клинки о мертвых и снова вложили в ножны. Стоящие на ступенях сенаторы побледнели и невольно отступили подальше от сцены жестокого побоища. Только Сулла остался на месте, скривив губы в горькой усмешке, когда его коснулась волна запаха свежей крови и рассеченных внутренностей.

Какое-то время противники смотрели друг на друга, словно никого больше, кроме них, на площади не было. Пауза затянулась. Марий поднял руку, будто собирался дать своим людям новый приказ.

– Через месяц, считая от этого дня, – резко произнес Сулла. – Проводи свой триумф, но знай – ты только что обрел врага. Наслаждайся теми мгновениями радости, которая по праву твоя.

Марий склонил голову:

– Благодарю тебя, Сулла, за мудрое решение.

Он повернулся спиной к сенаторам, скомандовал «кругом» и, пройдя сквозь строй, занял место впереди. Толпа держалась на безопасном расстоянии, но на всех лицах читались ненависть и злоба.

– Вперед! – гаркнул Марий, и железо снова ударило по камню – полуцентурия двинулась с площади следом за своим командиром.

Гай взглянул на Тубрука и Марка и покачал головой, но промолчал. Краем глаза он увидел спешащую к площади центурию Суллы. Легионеры бежали по боковой улочке, уже держа наготове мечи. Гай даже открыл рот, чтобы предупредить остальных о новой угрозе, но заметил, что Тубрук качает головой.

Сулла остановил своих солдат одним движением руки, и они застыли на месте, провожая отряд Мария злыми глазами. Уже выходя с площади, Гай оглянулся и увидел, что Сулла описывает в воздухе круг правой рукой.

– Едва разминувшись, – прошептал Тубрук. – Мне такое не больно по вкусу.

Услышав старого гладиатора, Марий фыркнул и крикнул:

– На улицах строй держать теснее! Это еще не все! – Марий оглянулся через плечо. – Внимание к переулкам. Сулла просто так уйти нам не даст. Головы не терять! Мечи наготове!

События, втянутым в которые он оказался поневоле, увлекали Гая за собой, и от всего происходящего у него шла кругом голова. А кто-то еще говорил о безопасности в дядиной тени.

Резкий вскрик за спиной заставил обернуться, и идущий следом легионер едва не сбил его с ног. Один из солдат Мария упал в грязь на мостовую, и под ним растекалась лужа крови. Мельком Гай успел заметить трех мужчин, с остервенением коловших солдата ножами.

– Не смотри! – Тубрук взял его за плечо и развернул вперед.

– Но тот парень? Почему нельзя остановиться? – спросил Гай.

– Если остановимся, погибнем все. Сулла спустил с цепи своих псов.

Гай бросил взгляд в следующий переулок и увидел бегущих наперерез людей с кинжалами. Выправкой и манерой держаться они походили на легионеров, но одеты были в простые туники. Гай, как и почти все остальные, вытащил меч. Сердце снова заколотилось, на лбу выступил пот.

– Держать строй! Не паниковать! Не останавливаться! – прокричал Марий. Мышцы на спине и плечах вздулись от напряжения.

Люди Суллы с кинжалами бросились на заднюю шеренгу, и один из них упал, получив гладием между ребер. Остальные все же вырвали из строя легионера и повалили на землю. Несчастный вскрикнул от страха, когда у него вырвали меч, но крик внезапно и резко оборвался.

Полуцентурия продолжала свой марш, а ей вслед неслись торжествующие вопли. Гай обернулся на ходу и тут же пожалел об этом: нападавшие по-волчьи завывали, размахивая

окровавленной головой. Легионеры сыпали проклятиями, а один даже остановился и поднял меч.

– Вег, мы уже почти на месте, – уговаривал другой, но Вег сбросил с плеча руку товарища и плюнул на землю.

– Он был моим другом! – пробормотал он и кинулся назад, к торжествующим врагам.

Гай попытался посмотреть, что будет дальше. Увидев легионера, те закричали, и тут же из переулков высыпали еще люди, и солдата просто разорвали на части.

– Держаться! – снова прокричал Марий, и Гай впервые услышал в его голосе гнев. – Держаться! – повторил он.

Марк взял кинжал у легионера справа и пробрался в задний ряд. Он шел в последней тройке, когда из темного переулка выскочили, размахивая ножами, четверо. Марк сцепился с одним из напавших и, улучив момент, чиркнул лезвием по горлу и невольно моргнул, когда кровь ударила ему в лицо. Защитившись убитым от другого выпада, он швырнул его во врагов. Труп еще не коснулся земли, а трое легионеров молча расправились с остальными короткими, быстрыми ударами и, не говоря ни слова, вернулись в строй. Один из них хлопнул Марка по плечу, и Марк ухмыльнулся в ответ. Потом он так же незаметно пробрался вперед и, немного запыхавшись, встал рядом с Гаем. Гай схватил его за шею.

Наконец перед ними открылись ворота, и отряд промаршировал внутрь, держа строй до тех пор, пока во двор не вошел последний.

Когда ворота закрылись, Гай вернулся к ним и посмотрел на улицу, по которой они только что поднялись на холм. Он не увидел никого. Улица выглядела пустынной – ни души. Рим казался таким же тихим и спокойным, как обычно.

Глава 14

Марий излучал радость и энергию и, обходя своих людей, похлопывал их по плечам и смеялся. Те в ответ криво ухмылялись, как ученики, удостоившиеся учительской похвалы.

– Победа за нами, парни! – объявил Марий. – Ровно через месяц мы устроим этому городу такой день, что запомнится надолго.

Ответом были крики одобрения, и Марий, созвав всех рабов, распорядился принести вина и закусок и угостить его людей по-царски.

– Все, чего пожелают! – проревел он.

В загрубелые руки вернувшихся солдат, в том числе Гая и Марка, совали золотые и серебряные винные кубки. Из глиняных кувшинов в кубки полилось, журча, гранатового цвета вино. Пришла с другими рабами и Александрия. Увидев Гая и Марка, девушка улыбнулась им. Гай в ответ кивнул, а Марк – подмигнул.

Тубрук понюхал вино и усмехнулся:

– Самое лучшее!

Марий поднял кубок, и лицо его вдруг сделалось серьезным. Ждать тишины ему пришлось лишь несколько секунд.

– За тех, кто не дошел сюда, кто погиб сегодня за нас. Тагон, Лука и Вег. Славные парни!

– Славные парни! – повторил хор хриплых мужских голосов. Легионеры осушили кубки и тут же снова подставили их под рубиновую струю.

– Он знает их по именам! – прошептал Гай Тубруку.

Старый гладиатор наклонился к нему:

– Он всех знает по именам! Вот почему он хороший полководец. Вот за что его любят. Он может рассказать о каждом из тех, кто находится здесь, и о многих из тех, кто остался за стенами Рима. Конечно, кто-то назовет это дешевой уловкой, рассчитанной лишь на то, чтобы произвести впечатление на подчиненных. Спроси – уверен, он так тебе и скажет...

Тубрук не договорил и, повернувшись, посмотрел на Мария.

Тот как раз взял в замок шею здоровяка-легионера и потащил его через толпу. Здоровяк ревел, но не сопротивлялся, а покорно, как полагается, терпел.

– Думаю, они ему как дети. Он их любит – это ж видно. Этот верзила при желании оторвал бы Марию руки! Или на виду у всех зарезал бы любого за один хмурый взгляд. Между тем Марий таскает его за голову, а он только хохочет. Научиться такому нельзя, с этим надо родиться. А вот быть хорошим полководцем можно и без этого.

Попади эти люди в легион Суллы, они точно так же пошли бы за ним. Дрались бы за него, держали строй и отдавали жизни. Но они под командой Мария и любят его. Их нельзя подкупить, на них можно положиться, они будут драться до конца, и никто из них не побежит. Во всяком случае, на глазах у Мария. Раньше, для того чтобы вступить в легион, нужно было иметь землю, но Марий отменил это. Теперь любой может пробиться в люди, сражаясь за Рим. Или, если хочешь, за Мария. Половина его солдат не попала бы в армию, не заставь Марий сенаторов принять этот закон. Они многим ему обязаны.

Самые красивые рабыни дома уводили солдат, чтобы искупать их и сделать массаж. Некоторые красавицы уже держали избранников за руку и ахали, слушая их бахвальства. Отпустив здоровяка-легионера, Марий тут же подозвал к нему девушку, стройную брюнетку с черными как уголь глазами. Едва взглянув на нее, верзила хищно ухмыльнулся, подхватил девушку на руки и бросился в дом. Ее смех эхом отдавался от кирпичных стен.

Какой-то молодой солдат опустил руку на плечо Александрии и что-то ей сказал. Марк тут же подошел к ним.

– Возьми другую, приятель. Она не из этого дома.

Солдат посмотрел на него, заметил, как уверенно держится парень и какое у него решительное лицо, и, пожав плечами, подозвал другую, проходившую мимо, рабыню. Гай наблюдал за всем этим со стороны. Александрия, встретившись с ним взглядом, вспыхнула от гнева, повернулась к Марку спиной и ушла в сад.

Марк задумчиво посмотрел на друга.

– С чего это она так разозлилась? – огорченно спросил Гай. – Вряд ли она хотела пойти с этим быком. Ты ее спас.

Марк кивнул:

– Вот потому, наверное, и разозлилась. Может, она не хотела, чтобы ее спасал я. Может, она хотела, чтобы это сделал ты.

– О... – Гай расплылся в улыбке. – Ты в самом деле так думаешь?

К друзьям, слегка покачиваясь, подошел Марий. На голову ему вылили вина, волосы прилипли ко лбу, но он все равно смеялся, а глаза сияли от удовольствия.

– Ну что, парень? – Он взял Гая за плечи. – Попробовал Рим на вкус? И как?

Гай невольно ухмыльнулся в ответ – веселость этого человека была заразительна, как и другие эмоции. Стоило ему нахмуриться, как над ним самим и над всеми вокруг нависали темные тучи страха и гнева. Когда же он улыбался, улыбаться хотелось всем. Хотелось быть рядом с ним, под его крылом.

Гай уже ощутил силу обаяния этого человека и впервые задумался над тем, сможет ли сам когда-нибудь требовать от людей такой же преданности.

– Было страшно... и уж точно не скучно, – ответил он.

– Хорошо! Знаешь, не всем это дано. Некоторые умеют просчитывать – сколько чего требуется, чтобы удержать какой-нибудь овраг, – а вот этого просто не чувствуют.

Он посмотрел на Марка, Тубрука и Каберу:

– Напейтесь, если хотите, найдите женщину, если успеете. Сегодня никаких дел, и выходить до темноты нельзя. Завтра начнем думать, как привести сюда пять тысяч человек, кото-

рые находятся за пятьдесят миль, а потом организовать шествие через весь город. Понимаешь что-нибудь в снабжении?

Гай покачал головой.

– Научись. Самая лучшая армия в мире ничто без пищи и воды. Важно помнить это. Остальное само приложится. Мой дом – твой дом, не забывай. А я пойду, посижу в фонтане и выпью.

Он забрал у рабов три запечатанных кувшина с вином и ушел со двора, как человек, точно знающий, что ему нужно.

Тубрук проводил его кривой ухмылкой:

– Рассказывают, что однажды в Северной Африке, накануне битвы с одним из варварских племен, Марий в одиночку пришел во вражеский лагерь с двумя кувшинами вина. Кстати говоря, в лагере было семь тысяч едва ли не самых свирепых воинов, с какими только приходилось драться нашим легионерам. Всю ночь Марий пил с вождем племени, хотя ни тот ни другой не понимали ни слова из чужого языка. Просто пили за жизнь, за будущее, за храбрость. На следующее утро Марий кое-как добрал до своих.

– И что потом? – спросил Марк.

– Римляне вырезали все племя, до последнего человека. А ты что думал? – рассмеялся Тубрук.

– А почему вождь его не убил? – недоумевал Марк.

– Наверное, он понравился вождю. Он многим нравится.

Во двор вышла Метелла.

– Я рада, что вы не пострадали. – Она с улыбкой протянула руки Гаю и Марку. – Знайте, что в этом доме вы всегда найдете приют.

Она внимательно посмотрела Марку в глаза, и он спокойно встретил ее взгляд.

– Это правда, что ты вырос без матери?

Он слегка покраснел, не зная, что рассказал ей Марий, и кивнул.

Метелла вздохнула:

– Бедный мальчик! Я бы взяла тебя к себе раньше, если бы знала!

Знает ли она, чем легионеры занимаются сейчас с ее рабынями, спросил себя Марк. Метеллу трудно было представить в грубом и жестоком мире Мария и его легиона. Интересно, как выглядит его родная мать? Ему впервые захотелось найти ее. Марий, наверное, знал, как это сделать, но спрашивать у него Марк не собирался. Может быть, перед возвращением в поместье что-то расскажет Тубрук.

Метелла отпустила его руку и погладила по щеке:

– Тебе пришлось нелегко, но отныне все будет по-другому.

Теперь уже он медленно коснулся ее руки, и что-то произошло между ними, как будто они пришли к какому-то взаимопониманию. В глазах Метеллы вдруг блеснули слезы. Она отвернулась и ушла по крытой галерее.

Марк посмотрел на Гая и пожал плечами.

– У тебя появился друг, – сказал Тубрук, глядя женщине вслед. – Ты ей понравился.

– Я не в том возрасте, чтобы мне требовалась мать, – смущенно пробормотал Марк.

– Может, и так, но она не настолько стара, чтобы ей не нужен был сын.

В полдень у ворот раздался какой-то странный шум. Несколько легионеров бросились к месту происшествия с мечами наготове на случай, если противник решил нанести ответный удар. Гай и Марк поспешили во двор с остальными и остановились в полнейшем изумлении.

У ворот, держась за металлическую поперечину, стоял Рений. И не просто стоял, а еще и горланил песню. На его тунике виднелись пятна от вина и следы рвоты. Стражник заговорил с ним в тот самый момент, когда к ним подошли Гай и Марк. За ними подтянулся Тубрук.

Внезапно, когда никто этого не ожидал, старик схватил стражника за волосы и рванул на себя с такой силой, что тот ударился головой о железную решетку и, потеряв сознание, свалился на землю. Legionеры сердито зашумели.

– Впустите его и убейте! – крикнул один.

Другой возразил, указав, что это может быть уловкой Суллы, рассчитанной именно на то, чтобы они открыли ворота. Пока все пребывали в сомнениях, к воротам подошли Гай с Марком.

– Мы можем тебе помочь? – вежливо осведомился Марк.

– На меч насажу, сучье семя! – злобно прошипел Рений.

Марк рассмеялся.

– Откройте ворота! – крикнул Гай второму стражнику. – Это Рений, он со мной!

Стражник пропустил его слова мимо ушей, словно Гай и не сказал ничего. Всем своим видом он показывал, что мальчишка отдавать приказы в этом доме не может. Гай шагнул к воротам, но другой легионер преградил ему дорогу и медленно покачал головой.

Продвинувшись боком к воротам, Марк негромко сказал что-то стражнику. Тот начал отвечать, и тут Марк с силой боднул его головой и сбил с ног. Потом, не обращая внимания на пытавшегося подняться легионера, подбежал к воротам и отодвинул запиравшие их засовы.

Потеряв опору, Рений упал плашмя во двор и остался лежать. Его здоровая рука едва заметно подрагивала. Марк усмехнулся и уже начал закрывать ворота, когда вдруг услышал металлический звук, с которым достают из ножен кинжал. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заблокировать предплечьем выпад рассерженного стражника и ударом левой снова сбить с ног.

Марк успел закрыть ворота, прежде чем на него бросились еще двое.

– Стоять!

Все замерли, повернувшись на голос. Во двор вышел Марий. Глядя на него, никто бы и не сказал, что он добрых два часа пил вино.

Пока Марий шел к воротам, двое легионеров не сводили глаз с Марка, который спокойно смотрел на них.

– Боги! Что происходит в моем доме? – Подойдя, Марий положил тяжелую руку на плечо одному из стоявших перед Марком мужчин.

– Это Рений, – объяснил Гай. – Он приехал вместе с нами из поместья.

Марий посмотрел на распростершегося на земле и мирно похрапывающего старика.

– Он никогда не пил, пока был гладиатором. Теперь понятно почему, если вино так на него действует. Что с тобой?

Последний вопрос относился к стражнику, который успел вернуться на пост. Лицо его было в крови, глаза негодуя горели, однако он счел за лучшее не жаловаться Марию.

– Ударился о ворота, когда открывал, – медленно ответил он.

– Досадная небрежность с твоей стороны, Фульвион. Попросил бы моего племянника, он бы помог.

Смысл ответа был ясен. Стражник кивнул и вытер нос и губы.

– Рад, что мы со всем разобрались. А теперь ты и ты, – он ткнул пальцем в Гая и Марка, – пойдете со мной. Надо кое-что обсудить.

Он пропустил Гая и Марка вперед и пошел следом, бросив через плечо:

– Отведите старика куда-нибудь проспаться и не открывайте больше ворота, черт возьми!

Марк бросил взгляд на стоявших вокруг легионеров – они ухмылялись. Правда, было не совсем ясно, злобные это ухмылки или насмешливые.

Они вошли в комнату, стены которой были увешаны картами Африки, Империи и самого Рима. Бесшумно закрыв дверь, Марий повернулся к двум юнцам. Глаза его были холодны, и Гай ощутил мимолетный укол страха, когда полководец устремил на него мрачный взгляд.

– И что же это ты себе вообразил? – процедил Марий сквозь стиснутые зубы.

Гай открыл рот, чтобы объяснить, что хотел впустить Рения, но передумал.

– Прости. Мне следовало подождать тебя.

Марий грохнул тяжелым кулаком по столу:

– Надеюсь, ты понимаешь, что, если бы двадцать головорезов Суллы снаружи ждали как раз такой возможности, мы все сейчас уже были бы мертвы?

Гай покраснел и опустил глаза.

Марий развернулся к Марку:

– А ты! Зачем ты напал на Фульвиона?

– Гай велел открыть ворота. Стражник его распоряжение не выполнил. Я заставил его подчиниться, – твердо ответил Марк и, не дрогнув, встретил взгляд консула.

– И ты ожидал, что он, ветеран тридцати сражений, подчинится требованию юнца, который и бороду еще не бреет? – Марий недоуменно вскинул бровь.

– Я... об этом не подумал.

Впервые за все время Марк немного растерялся, и Марий снова повернулся к Гаю.

– Если я поддержу вас, то в какой-то мере потеряю уважение своих людей. Они все понимают, что ты поступил опрометчиво, и ждут моего решения.

У Гаю сжалось сердце.

– Из положения есть выход, но вам обоим придется за него заплатить. Фульвион – лучший кулачный боец центурии. Сегодня ты, Марк, поставил его в неловкое положение, унизил. Думаю, он согласится провести товарищеский поединок – просто чтобы очистить воздух. В противном случае парень вполне может ткнуть тебя ножом, когда меня не будет рядом.

– Он меня убьет, – тихо сказал Марк.

– В товарищеском поединке – нет. Приняв во внимание твои годы, вам дадут не латные перчатки, а простые, из козьей шкуры, для защиты рук. Вы учились кулачному бою?

Друзья подумали о Рении и согласно кивнули.

Марий снова повернулся к Гаю:

– Конечно, если твой приятель докажет свою смелость, люди проникнутся к нему симпатией, и не важно, победит он или проиграет. А я не могу допустить, чтобы мой племянник оставался в тени товарища, понятно?

Гай кивнул, уже догадываясь, что будет дальше.

– Я поставлю тебя против другого легионера. У каждого свои сильные стороны, потому я и выбрал их для сегодняшнего дела. Вы проиграете, но, если хорошо себя покажете, плохое забудется и вы даже заслужите уважение. Почти все они – городские отбросы, подонки. Они ничего не боятся и уважают только силу. Другой выход: я прикажу им вернуться к своим обязанностям и не стану ничего предпринимать, а вы укроетесь в моей тени. Все так, но не так, ясно?

Марий посмотрел на их мрачные лица и неожиданно фыркнул:

– Улыбнитесь, парни! Что еще остается? Другого выхода нет, так почему бы не плюнуть в глаз старику Юпитеру, раз уж на то пошло?

Они переглянулись и усмехнулись.

Марий одобрительно кивнул:

– Вот и хорошо. Через два часа. Я сам назову бойцов. Да и Рений успеет немного пройтись. Думаю, ему захочется посмотреть. Клянусь богами, мне тоже! Всё, свободны.

Гай и Марк медленно направились к себе. Беззаботное настроение быстро рассеялось, и животы уже крутило от волнения.

– Эй! Ты только представь, я уложил на лопатки лучшего кулачного бойца центурии. Так почему бы не сделать это еще раз и не победить! Если удастся влить как надо, я снова его свалю. Все, что нужно, – это один хороший удар.

– Но теперь-то он будет осторожнее, – хмуро осадил друга Гай. – Ну а мне, наверное, достанется тот бык, которому Марий недавно ломал шею. Такие забавы в его вкусе.

– Такие увальни обычно медлительны. У тебя хороший перекрестный удар, но ты должен держаться на расстоянии, не сближаться. Легионеры – парни тяжелые, значит и удар у них сильнее нашего. Мой совет – больше двигайся, заставляй ворочаться, чтобы быстрее устал.

– Нас убьют, – вздохнул Гай.

– Да, такое тоже может случиться.

Как ни странно, Тубрук принял новость спокойно.

– Я ожидал чего-то подобного. Марий обожает всякого рода состязания и часто устраивает их между своими и чужими легионами. Такой у него вкус – немного покричали, пустили друг другу побольше крови, и все забыто и прощено. Вам повезло, вы всего-то по паре кубков выпили. Идите да займитесь делом. Два часа – это не так уж много. Разомнитесь, подготовьтесь. Поколотите малость друг друга. Пусть какой-нибудь раб найдет вам подходящее место. А я пока поищу обмотки. Главное, не подведите Мария. Тебя, Гай, это в первую очередь касается. Ты его родственник и должен устроить хорошее представление, показать себя с лучшей стороны.

– Понимаю, – угрюмо кивнул Гай.

– Тогда вперед. Я скажу рабам, чтобы полили Рения ледяной водой – только осторожно, не приближаясь, чтобы не взбесился.

– Что с ним случилось такое? С чего бы ему с утра напиваться? – поинтересовался Гай.

– Даже не представляю. Ладно, не отвлекайся. Поговоришь с ним вечером. Да идите же!

Жарким днем, пока весь Рим отдыхал, солдаты Первородного легиона собрались в самом большом помещении, где расположились вдоль стен, смеясь, переговариваясь и попивая холодное пиво или фруктовые соки. После поединка Марий обещал угощение из десяти изысканных блюд с вином, так что все были расслаблены и благодушны. Тубрук стоял за спиной у Гая и Марка, массируя плечи то одному, то другому. Кабера с непроницаемым лицом сидел на табурете.

– Оба правши, – тихо говорил Тубрук. – Фульвиона вы уже видели. Второй, Децид, – дальше всех в легионе бросает копье. У него сильные плечи, но быстротой он вроде бы не отличается. Держитесь от них на расстоянии, вынуждайте их самих искать сближения.

Марк и Гай кивнули. У обоих под загорелой кожей проступала бледность.

– Помните, главное – как можно дольше оставаться на ногах, держаться, чтобы доказать свое мужество. Кто упадет рано – вставай. Я остановлю бой, если ваша жизнь будет в опасности, но Марию это не понравится, так что спешить не буду. – Он положил руки им на плечи. – Драться вы умеете, вы смелы и выносливы. Рений смотрит на вас. Не подведите.

Они посмотрели туда, где сидел Рений. Бездействующая рука была привязана к поясу. Волосы у него еще не высохли, каждая черточка лица выражала убийственную свирепость.

В зал вошел Марий, которого встретили приветственными криками. Он поднял руки, и рты закрылись почти мгновенно.

– Надеюсь, все участники покажут лучшее, на что способны. Но знайте: я ставлю на своего племянника и его друга. Две ставки, на каждого по двадцать пять ауреов. Кто ответит?

Пауза затянулась. Пятьдесят золотых – огромная ставка для простого поединка, но кто мог устоять? Собравшиеся полезли в мешочки, некоторые отправились за деньгами в свои комнаты. Через какое-то время требуемую сумму собрали, и вместе с его собственными на

руках у Мария оказалось сто золотых – достаточно, чтобы купить небольшой земельный участок или боевого коня.

– Рений, примешь на хранение? – спросил Марий.

– Да, приму, – серьезным, почти официальным тоном ответил старый гладиатор.

Рений протрезвел, но Гай заметил, что он даже не пытается встать, а ждет, пока ему принесут мешочек с золотыми монетами.

В зал вошли Фульвион и Децид. Их встретили еще более громкие овации. На чьей стороне симпатии легионеров было ясно без слов.

На обоих были только плотно облегающие повязки, обернутые вокруг паха и бедер и перехваченные широким поясом. Децид, с его мощными плечами, напоминал выставленные на Форуме статуи. Внимательно присмотревшись к сопернику, Гай так и не обнаружил явных слабостей. Фульвион отвечать на приветствия собравшихся не стал. Его нос защищала повязка из охватывающей голову полоски ткани, разбитые губы распухли и придавали ему сердитое выражение.

Гай толкнул Марка локтем:

– По-моему, ты сломал ему нос. Он наверняка опасается, что ты снова будешь бить туда.

Подлови его на этом.

Марк кивнул, внимательно, как и Гай, изучая противника и его манеру держаться.

Марий снова поднял руки, призывая оживившихся зрителей к тишине.

– Марк и Фульвион бьются первыми. Ограничений по времени нет, но круг кончается, если кто-то коснется пола хотя бы коленом. Поединок завершается, когда один из противников не сможет подняться. На позиции!

Фульвион и Марк вышли и встали справа и слева от консула.

– Начало боя по сигналу рога. Удачи!

Марий чинно прошел к краю площадки, присоединился к зрителям и подал знак протрубить в рог, который обычно используют в сражениях. Все умолкло, и рог выдал чистую ноту.

Марк расслабил плечи, покрутил головой из стороны в сторону и шагнул вперед. Руки он держал высоко, как учил Рений, Фульвион же лишь слегка согнул свои в локтях, а кулаки сжимать не стал. Он легко, качнувшись в сторону, ушел от выпада левой Марка и тут же провел удар в грудь, прямо над сердцем. Марк охнул от боли и отшатнулся, но стиснул зубы и опять пошел вперед. Еще выпад, удар правой – легионер уклонился, сделав всего лишь шаг в сторону, а потом снова ударил в то же место. Воздух вырвался из легких, дышать стало больно.

Легионеры шумно поддержали своего, и только Гай, Тубрук и Кабера переживали за Марка. Фульвион уже улыбался, Марк же пытался сообразить, что предпринять. Противник быстр и легко уходит от ударов. Пока что Марк только растрачивал впустую силы. Взревев от злости, он бросился вперед. Фульвион приготовился встретить, но Марк вдруг остановился, и кулак, который должен был отправить его на деревянный пол, пролетел мимо. Марк тут же врезал противнику в нос и порадовался, услышав хруст костей. В то же мгновение перекрестный удар пришелся ему в голову и свалил с ног.

Оглушенный Марк, задышавшись, поднялся на одно колено и посмотрел на Фульвиона, стоящего в нескольких шагах от него. Из носа легионера снова текла кровь, и выражение лица не предвещало ничего хорошего. Марк попытался отступить, уклоняться или заблокировать самые опасные удары, но Фульвион атаковал безжалостно, непрерывно и молотил кулаками по почкам и животу. Удары сыпались со всех сторон, а когда Марк согнулся от боли, кулак смял его подбородок. Он снова грохнулся на пол и остался лежать. Каждый вдох и выдох отдавался болью. Во рту появился вкус крови, левый глаз начал заплывать.

Немного придя в себя, Марк поднялся и торопливо отступил на три шага назад, чтобы выиграть время и собраться с силами. Фульвион, однако, такой возможности ему не дал и тут же пошел в атаку. Раскачиваясь из стороны в сторону, словно атакующая змея, выбирая, куда

ударить, легионер неумолимо приближался. Марк понимал, что в следующий раз подняться уже не получится. Разозлившись, он уклонился от первого удара, блокировал второй, схватил противника за запястье и, не теряя времени, вложил всю силу в правый кулак, ударив Фульвиона в живот, за что был вознагражден сдавленным стоном.

Не отпуская руку Фульвиона, Марк попробовал повторить, но получил левой в челюсть. Все вокруг почернело, и он упал, едва почувствовав под собой твердые доски. Ноги ослабли, и сил хватило только на то, чтобы подняться на четвереньки, тяжело дыша, как загнанный зверь.

Фульвион жестом предложил противнику встать – ему было мало. Марк смотрел в пол и пытался сообразить, стоит вставать или нет. Кровь просачивалась между губами и капала на пол, собираясь в маленькую лужицу.

Да ладно, подумал он. Последняя попытка.

Теперь Фульвион никуда не торопился. Ухмыляясь, он манил мальчишку к себе. Марк сжал зубы. Нет, он уложит легионера еще раз, даже если это будет стоить ему жизни. Он представил, что в каждом кулаке Фульвион держит кинжал и любой пропущенный удар означает смерть. Это заставило собраться. Как сражаться против того, кто вооружен мечом или кинжалом, он знал, а раз так, то какая разница? Он покачнулся, как бы предлагая Фульвиону приблизиться. На занятиях основной упор делался на контратаку, и ему было нужно заставить легионера нанести удар. Терпения Фульвиону надолго не хватило, и он быстро пошел на сближение, тряся кулаками.

На них Марк и сосредоточил внимание, и, как только правый метнулся в его сторону, он блокировал выпад предплечьем и нанес ответный удар в низ живота. Фульвион охнул и привычно махнул левой. В этот раз Марк наклонил голову и избежал контакта. На долю секунды Фульвион раскрылся, и Марк вложил все силы в мощнейший прямой удар левой, жалея только, что не получилось правой. Голова Фульвиона откинулась назад, и тут же правый кулак Марка смял уже сломанный нос. Фульвион хлопнулся задом на пол, обливаясь кровью.

Впрочем, порадоваться своему достижению Марк не успел – противник вскочил и выдал ему порцию ударов, нанося их вдвое быстрее, чем раньше. После первых же трех Марк упал и на лету получил еще два. На этот раз он не поднялся и даже не услышал ни возгласов зрителей, ни сигнала рога, поданного по кивку Марии.

Фульвион вскинул руки, а Марий с грустью приказал раздать людям половину из сотни золотых. Солдаты собрались в кучку, пошептались, а потом один из них снова предложил мешочек Марии.

– Если ты не против, господин, мы поставим выигрыш на следующий поединок.

Марий изобразил гримасу ужаса, однако кивнул и сказал, что принимает предложение. Легионеры приветствовали такое решение.

Между тем Марк очнулся после того, как Тубрук выплеснул ему в лицо чашу вина.

– Я победил? – пробормотал он, едва шевеля разбитыми губами.

Тубрук фыркнул и вытер с его лица вино вместе с кровью.

– Куда там! Но удивить сумел. Думали, ты до него и не дотянешься.

– Дотянулся, и даже неплохо. – Он улыбнулся и тут же поморщился от боли. – Уронил на задницу.

Марк огляделся, куда бы сплюнуть, и, не увидев ничего подходящего, проглотил скопившуюся во рту слюну и кровь.

Тело болело даже сильнее, чем много лет назад, когда его отмутил Светоний. Что, если он уже не будет прежним красавчиком, когда все заживет? Тревожные раздумья прервал Фульвион, который подошел к нему, на ходу снимая обмотки.

– Знатная драчка! Я сам на себя три золотых ставил. А ты шустрый. Через пару лет будешь опасен по-настоящему.

Марк кивнул и протянул ему руку. Фульвион посмотрел на нее, коротко пожал и вернулся к друзьям, встретившим его новыми приветствиями.

– Возьми тряпку и промокай кровь, – бодрым тоном продолжал Тубрук. – Бровь придется зашивать.

– Не сейчас. Сначала посмотрю на Гая.

– Конечно!

Тубрук отошел, посмеиваясь. Марк, шурясь, покосился на него целым глазом.

Гай, сжав кулаки, дожидался Тубрука. Его противник уже вышел на середину площадки и разминал мускулистые руки и ноги.

– Здоровый боров, – пробормотал он, когда Тубрук стал рядом.

– Да, но не кулачный боец. Ты можешь его одолеть, если не дашь ему тебя ударить. Попадешь под его кулак – задует, как свечку. Не допускай сближения и побольше двигайся – пусть ворочается.

Гай вопросительно посмотрел на него:

– Что-нибудь еще?

– Если удастся, бей по яйцам. Он, конечно, постарается не дать тебе такой возможности, но, строго говоря, это не против правил.

– Тубрук, у тебя неблагородное сердце.

– У меня сердце раба и гладиатора. Я поставил на тебя два золотых и хочу выиграть.

– А на Марка ты ставил?

– Конечно нет. В отличие от Мария, я не имею привычки сорить деньгами.

Марий вышел на середину и снова призвал к тишине.

– После моего печального проигрыша ставки переходят на следующий поединок. Децид и Гай, займите свои места. Правила те же. Начинайте по сигналу рога.

Он подождал, пока бойцы станут лицом друг к другу, и, отойдя к стене, скрестил на груди могучие руки.

Едва прозвучал рог, Гай шагнул вперед и с ходу ударил Децида кулаком в горло. От мучительной боли легионер сдавленно застонал и схватился за шею. Не тратя времени даром, Гай врезал противнику снизу в подбородок. Децид упал на колени, а потом завалился вперед. Глаза его закатились. Гай медленно отошел к своему табурету, сел и молча улыбнулся. Наблюдавший за ним Рений вспомнил, что видел такую же улыбку на лице мальчика, которого вытащил из ледяной воды. Старик одобрительно кивнул, но Гай этого не заметил.

На какое-то время в зале повисла оглушительная тишина, а потом все выдохнули и разом заговорили. Правда, разговоры в основном сводились к удивленным вопросам и отборным ругательствам, посыпавшимся сразу после того, как легионеры поняли, что проиграли.

Марий подошел к распростертой фигуре, наклонился и потрогал шею. Все затихли. После короткой паузы он кивнул:

– Сердце бьется. Жить будет! Не надо было задирать подбородок.

Легионеры поприветствовали победителя, хотя и без особого энтузиазма.

Марий довольно усмехался:

– Если не потеряли аппетит, в обеденном зале вас ждет угощение. Веселью – ночь, а завтра нас ждут новые дела.

Децида привели в чувство и потащили прочь. Он мотал головой, как пьяный. Остальные потянулись следом, и Марк с Гаем остались с Марием. Рений не сдвинулся с места, как и Кабера, с любопытством наблюдавший за всем происходящим.

– Что ж, ребята, вы заработали мне кучу денег! – Марий расхохотался так, что даже затрясся от смеха, и ему пришлось опереться о стену. – Нет, ну и рожи у них были! Два безбородых юнца, и один сажает на задницу Фульвиона... – Он не договорил и снова зашелся смехом, а немного успокоившись, вытер слезы с раскрасневшегося лица.

Рений встал, все еще пошатываясь, подошел к ученикам и похлопал каждого по плечу.
– Вы начали делать себе имя, – негромко сказал он.

Глава 15

Ночь накануне триумфа выдалась далеко не спокойной: семь тысяч солдат и обозников, сопровождавших легион, как будто и не собирались спать. Гай сидел у лагерного костра и точил кинжал, оставшийся ему от отца. Лагерь располагался на равнине, примерно в пяти милях от городских ворот. Всю последнюю неделю люди полировали оружие, натирали воском кожаные доспехи, чинили одежду и чистили лошадей, бока которых в результате блестели, словно каштаны. Много и усердно занимались строевой подготовкой – ошибки не допускались, и никто не хотел остаться в лагере, когда остальные пойдут в Рим.

Солдаты гордились Марием и собой. Они нисколько не сомневались, что заслуживают триумфа.

Из темноты в круг света вышел и опустился на скамью Марк. Гай не улыбнулся другу и даже не взглянул на него, но точить кинжал перестал.

– Что слышно? – сердито спросил он, не поворачивая головы.

– Уезжаю завтра на рассвете. – Марк тоже смотрел в сторону. – Так оно и к лучшему, ты же понимаешь. Марий дал мне сопроводительное письмо в новую центурию. Хочешь посмотреть?

Гай кивнул, и Марк протянул свиток.

Карак, я рекомендую тебе этого молодого человека. Через несколько лет из него выйдет первоклассный солдат. Он быстр, у него хорошая голова. Парень обучался у Рения, который проводит его до твоего лагеря. Дай ему какое-нибудь назначение, как только он докажет, что справится. Он друг моего дома.

Марий. Первородный легион

– Хорошие слова. Что ж, удачи, – с горечью произнес Гай, возвращая письмо.

Марк фыркнул:

– Это не просто слова! Ты даже не представляешь, как для меня это важно. Разумеется, я хотел бы остаться с тобой, но ты будешь готовиться к политической карьере, займешь высокий пост в армии или какую-нибудь жреческую должность. У меня же нет ничего, кроме того, что я умею, да еще ума и снаряжения, подаренного Марием. Без его покровительства я мог бы рассчитывать разве что на место в храмовой страже. Теперь многое зависит от меня самого. Ты же не ставишь мне это в укор?

Гай повернулся к нему, и Марк удивился выражению злости на его лице.

– Да, я все понимаю! Просто не думал, что придется начинать жизнь в Риме в одиночку! Я думал, ты будешь рядом. Это и есть дружба.

Марк сильно сжал его руку:

– Ты – мой самый лучший друг навсегда. Если когда-нибудь буду нужен, только позови – я примчусь. Помнишь, о чем мы договорились, когда собирались в город? Что будем поддерживать друг друга и во всем друг другу доверять. Я дал эту клятву и ни разу ее не нарушил.

Гай по-прежнему смотрел только на огонь, и Марк убрал руку.

– Теперь Александрия твоя. – Он хотел, чтобы его слова прозвучали великодушно.

Гай даже засопел от негодования:

– Прощальный дар? Очень благородно. Ты слишком уродлив для нее, она сама мне вчера сказала. А терпит тебя только потому, что выглядит еще красивее рядом с твоей обезьяньей рожей.

Марк беззаботно кивнул:

– Ты прав, я нужен ей только для плотских утех. Можешь читать ей стихи, пока я поймею ее во всех положениях.

Гай негодуя хмыкнул, но потом медленно улыбнулся другу.

– Когда ты уедешь, позиции ей буду предлагать я. – Он ухмыльнулся, успев только подумать: какие позиции? Я знаю-то всего две. Впрочем, свое невежество Гай тщательно скрывал.

– После меня ты покажешься ей неуклюжим как вол. Опыта я тут набрался! Марий – человек щедрый.

Гай посмотрел на друга – интересно, сколько правды в его похвальбе? У девушек-рабынь дома Марк был любимчиком, и заставить его на месте после заката удавалось нечасто.

Что касается самого Гая, то он просто не понимал, что на самом деле чувствует. Иногда он отчаянно желал Александрию, а иногда ему хотелось гоняться за девушками по коридорам, как это делал Марк. Гай знал, что если когда-нибудь попытается взять ее силой, как рабыню, то утратит уважение к себе. Такого рода развлечения нетрудно купить за серебряную монету. При одной лишь мысли о том, что Марк, возможно, уже получил то, о чем он только мечтал, его кровь закипала от ревности.

Его размышления прервал негромкий голос Марка.

– Когда станешь старше, тебе понадобятся друзья, люди, которым можно доверять. Мы оба видели, какую власть заимел твой дядя. Думаю, мы оба были бы не против попробовать ее на вкус.

Гай кивнул.

– И какая тогда будет тебе польза от нищего отпрыска городской шлюхи? В новом же легионе я сделаю себе имя, наживу состояние. Вот тогда-то мы и сможем строить настоящие планы на будущее.

– Понимаю. Я не забыл нашу клятву и сдержу ее. – Гай помолчал немного и тряхнул головой, отгоняя мысли об Александрии. – Где будешь служить?

– В Четвертом Македонском. Так что мы с Рением отправляемся в Грецию – на родину цивилизации, как о ней говорят. Так хочется побывать в чужих землях. Рассказывают, женщины там состязаются в беге голыми. Как представишь, голова пухнет. И не только голова...

Он рассмеялся, а Гай кисло улыбнулся, все еще думая об Александрии. Могла ли она отдаться ему?

– Я рад, что Рений поедет с тобой. Ему это на пользу – пусть хотя бы ненадолго отвлечется от своих неприятностей.

Марк соорудил недовольную гримасу.

– Так-то оно так, но я бы предпочел более жизнерадостного спутника. С того дня как старик заявился пьяным к твоему дяде, он постоянно не в духе. Впрочем, его можно понять.

– Вот сожгли бы рабы мой дом, я бы тоже был не в духе. Знаешь, они ведь все его сбережения унесли. Он держал их под полом, но грабители нашли. Не самая славная глава в нашей истории – рабы обворовывают старика. Хотя его теперь и стариком-то не назовешь, согласен?

Марк взглянул на него искоса. Они никогда это не обсуждали, но Гай все понял.

– Кабера? – спросил он.

Марк кивнул.

– Так и думал. Он и меня после ранения на ноги поставил. Такого человека полезно держать рядом.

– Я рад, что Кабера остается с тобой. Он верит, что тебя ждет большое будущее, и, надеюсь, присмотрит за тобой до моего возвращения – в блеске славы, увешанного лавровыми венками и окруженного красавицами, исключительно бегуньями-победительницами.

– Может случиться, что за всей этой славой и женщинами я тебя и не узнаю.

– Я останусь собой. Жаль только, что не увижу завтрашнего триумфа. Это, наверное, будет что-то особенное. Ты знаешь, что он велел отчеканить серебряные монеты со своим изображением? Будет бросать в толпу на улицах.

Гай рассмеялся:

– Это в его духе! Дяде нравится, когда его узнают. По-моему, слава ему дороже военных побед. Он уже платит людям этими монетами, чтобы деньги быстрее разошлись по Риму. Сулле это придется не по вкусу, а Марию только того и надо.

Появившиеся из темноты Кабера и Рений уселись на скамье рядом с Марком.

– Вот ты где! – сказал Рений. – Думал, уже не увижу тебя и не успею попрощаться.

Гай не в первый раз отметил, как изменился старик. Теперь он выглядел на сорок, самое большее на сорок пять. И рука Гая, когда он обменялся с Рением рукопожатием, словно попала в западню.

– Мы еще встретимся, – сказал Кабера. – Мы, все.

Остальные посмотрели на него.

Он поднял руки ладонями вверх и улыбнулся:

– Это не пророчество – я так чувствую. Никто из нас не прошел свой путь до конца.

– Я рад, что хотя бы ты остаешься. Когда Тубрук вернется в поместье, а эти двое уедут в Грецию, я буду совсем один, – сказал Гай, смущенно улыбаясь.

– Присмотри за ним, старый мошенник, – вставил Рений. – Не для того я столько сил на него потратил, чтобы узнать, что его пришиб копытом конь. Не подпускай к нему беспутных женщин и не позволяй чересчур напиваться. – Он повернулся к Гаю и поднял палец. – Работай каждый день! Твой отец не давал себе поблажки, и ты не должен, если хочешь принести хоть какую-то пользу Риму.

– Обещаю. А что станешь делать ты, когда доставишь Марка?

По лицу Рения пробежала тень.

– Не знаю. Уйти на покой я не могу – у меня теперь нет на это денег, так что буду смотреть... Как обычно, все в руках богов.

На какое-то время все немного погрузнели: ничто не остается неизменным...

– Ну ладно, – грубовато сказал Рений. – Пора спать. До рассвета пара часов, и всех нас ждет долгий день.

Они в последний раз пожали друг другу руки и молча разошлись по палаткам.

Когда Гай проснулся на следующее утро, Марк и Рений уже уехали.

Рядом с ним лежала аккуратно сложенная тога вирилис, одежда взрослого мужчины. Он долго смотрел на нее, стараясь вспомнить наставления Тубрука насчет того, как правильно ее носить. С мальчишеской туникой было проще, а вот подол длинной тоги испачкается в момент. Смысл был ясен: взрослый мужчина не забирается на деревья и не лазит по илистым заводям. Детские развлечения остались в прошлом.

Лагерь представлял собой длинные, ровные ряды уходящих вдаль палаток, каждая из которых вмещала десять человек. Строгий порядок свидетельствовал о дисциплине в легионе, которую соблюдали все, от легата до простого легионера.

Едва ли не месяц Марий занимался планированием шестимильного маршрута, проходящего по улицам столицы и заканчивающегося у ступеней сената.

Улицы вымели, но они так и остались узкими и петляющими. Ширина их позволяла поставить в шеренгу шестерых пехотинцев или трех всадников. Всего получалось двенадцать сотен шеренг. В результате долгих споров Марий согласился оставить осадные орудия в лагере, поскольку провезти их по тесным улицам не представлялось возможным. Предполагалось, что триумфальное шествие займет около трех часов при условии, что все пройдет без задержек и сбоев.

За то время, пока Гай умывался, одевался и завтракал, солнце успело подняться над горизонтом, и огромный, сияющий доспехами строй уже приготовился к выступлению. Гаю было велено облачиться в тогу, надеть сандалии и оставить в лагере оружие. За прошедшее время он так привык к доспехам, что без них чувствовал себя незащищенным, однако же подчинился.

Сам Марий должен был ехать на троне, установленном на открытой повозке, запряженной шестеркой лошадей. Триумфатору, возглавляющему шествие полководцу, полагалось быть в пурпурной тоге. Краситель, добывавшийся из редких моллюсков, стоил очень дорого, и тогу, того же цвета, что носили древние цари Рима, надевали только один раз.

Когда триумфатор въезжал в городские ворота, раб поднимал над его головой позолоченный лавровый венок и держал до конца шествия, нашептывая виновнику торжества четыре слова: «Помни, ты лишь смертный». Впрочем, этим напоминанием Марий с удовольствием бы пренебрег.

Повозку соорудили таким образом, чтобы проезжать между пешеходными камнями. Тяжелые деревянные колеса были обиты железным ободом, оси заново смазали, а саму повозку покрыли позолотой, так что она сверкала в лучах утреннего солнца.

Гай подошел к строю, когда Марий проверял войско. Настроен триумфатор был серьезно, и когда обращался к тому или другому легионеру, тот отвечал коротко и четко, вытянувшись и глядя строго перед собой.

Закончив инспекцию и оставшись, по-видимому, довольным, Марий поднялся на повозку.

– Жители нашего города никогда не забудут этот день. Дети, увидев нас, загорятся желанием вступить в легионы. Чужеземные послы, узнав нашу силу, будут уважать Рим. Торговцы, наблюдая за нами, осознают, что миром правят не только деньги. Женщины, поглядев на нас, будут смотреть на своих мужей-недотеп и сравнивать с лучшими в Риме мужчинами! Проходя по городу, вы увидите ваше отражение в их глазах. Сегодня вы дадите людям нечто большее, чем хлеб и деньги, – вы дадите им славу.

Солдаты ответили радостными криками, и Гай поймал себя на том, что кричит вместе с ними. Он подошел к триумфальной повозке, где его и заметил Марий.

– Где мне встать, дядя? – спросил Гай.

– Давай сюда, парень. Встань у моего правого плеча, пусть все видят, что тебя любят в моем доме.

Гай довольно усмехнулся и забрался на повозку. Оттуда, с высоты, ему открылся новый вид, и в какой-то момент он даже задрожал от волнения.

Марий махнул рукой, протрубили рога, и их звук подхватило эхо. Легионеры сделали первый шаг.

По обе стороны от повозки Гай видел знакомые лица тех, кто участвовал в первом кровавом походе к сенату.

Даже в столь торжественный день Марий лично отобрал людей, которые шли теперь рядом с ним. Конечно, только сумасшедшему могла прийти в голову мысль бросить в триумфатора нож – разъяренный легион просто вырезал бы весь город, – но тем не менее Марий предупредил, что сумасшедшие находятся всегда и везде, и потому лица его телохранителей были серьезны и не улыбки.

– Такой день – это драгоценный дар богов, – громко произнес он. Гай кивнул и оперся рукой о трон. – В городе шестьсот тысяч человек, и сегодня никто не станет утруждать себя работой. Они уже собираются на улицах и платят за места у окон, чтобы приветствовать нас. Дороги выстланы свежим камышом, и мы пройдем по этому ковру шесть миль. Для нас освободят всю площадь, чтобы все пять тысяч легионеров встали строем. Я принесу жертву: быка – Юпитеру и кабана – Минерве. А потом мы отправимся в сенат.

– Что будет обсуждаться? – поинтересовался Гай.

Марий рассмеялся:

– Сегодня, в день твоего совершеннолетия, я прежде всего хочу представить тебя сенаторам как нобилия и наследника твоего отца. Помни, этот город стоял и сейчас стоит на талантах. Есть древние патрицианские фамилии, к одной из них принадлежит Сулла. Но есть и другие, те, кто поднялся к власти сам, как, например, я. Мы уважаем силу и дорожим тем, что полезно для Рима, независимо от происхождения человека.

– Твои сторонники – это новые люди? – спросил Гай.

Марий покачал головой:

– Как ни странно, далеко не все. Многие держатся осторожно, не хотят становиться на чью-либо сторону. Многие из новых поддерживают Суллу. Среди тех, кто идет за мной, немало как людей знатных, так и голодных волков в стае. Есть еще народные трибуны, которые заявляют во всеуслышание, что не примыкают ни к каким партиям, а голосуют по собственному убеждению, но с ними-то все понятно: эти всегда проголосуют за дешевое зерно и поблажки для народа. Сбрасывать их со счетов нельзя – у них есть право вето.

– Значит, они могут ставить тебе палки в колеса?

Марий поднес ко рту чашу с вином:

– Трибуны не станут вмешиваться в наши с Суллой дела. Их сфера – городская жизнь. И даже если было бы иначе, вряд ли кому-то достало бы смелости пойти наперекор мне, когда мой легион стоит на Форуме. Мы – консулы, Сулла и я, и мы распоряжаемся всей военной силой Рима. Мы руководим сенатом, а не он нами. – Он снисходительно улыбнулся и сделал знак налить вина. Ему подали полную чашу.

– Что будет, если у тебя возникнут разногласия с сенатом или с Суллой? – спросил Гай.

Марий фыркнул:

– Обычное дело. Сенаторы должны принимать законы, добиваться их исполнения и строить империю. Существуют разные важные выборные должности – эдилы, преторы, консулы. Нас с Суллой избрал народ, и сенат этого не забывает. Консул, если того пожелает, может наложить вето на принятие любого закона, тогда все обсуждения прекращаются, а дело откладывают до конца года. Точно так же мы можем мешать и друг другу, хотя это случается нечасто.

– Но какое влияние имеет сенат на консулов? – не унимался Гай. – Может ли он ограничивать их власть?

Марий приложился к чаше и с усмешкой похлопал себя по животу.

– Сенаторы могут проголосовать против меня и даже лишить меня должности. Однако на деле мои сторонники и клиенты просто не допустят такого голосования, так что на протяжении года консул практически неприкосновенен.

– Ты говорил, что консула выбирают только на год, а потом он уходит с этого поста, – сказал Гай.

– Для сильных людей закон – штука гибкая. Наступает новый год, сенат требует сделать исключение, и меня переизбирают заново. Видишь ли, я нужен Риму, и все об этом знают.

Гай был рад, что Марий говорит с ним вполне доверительно. Теперь он лучше понимал, почему отец относился к этому человеку настороженно. Марий был непредсказуем, как молния в летнюю грозу, – никто не мог предвидеть, куда он нанесет очередной удар. Но сейчас дядя держал на ладони весь Рим, а Гай уже понял, что и сам хочет быть в центре событий.

Рев толпы они услышали задолго до того, как приблизились к городским воротам. Словно сокрушительная бесформенная волна он обрушился на них у границы Рима. Городская стража приблизилась к золоченой повозке, и Марий поднялся навстречу. В начищенных до блеска доспехах, они держались с подобающим случаю сдержанным достоинством.

– Назови себя, – потребовал один из них, – и скажи, какое у тебя дело.

– Марий, командир Первородного легиона. Я здесь, чтобы пройти триумфальным шествием по улицам Рима.

Стражник едва заметно покраснел, и Марий ухмыльнулся.

– Можешь войти в город, – сказал стражник, отступая в сторону и жестом приказывая открыть ворота.

Марий наклонился к Гаю:

– Согласно обычаю, я должен был испросить разрешения, но сегодня не тот день, чтобы кланяться городским стражникам, не сумевшим пробиться в легионы...

Он снова сделал знак, и над всем строем разнеслось пение рогов. Ворота открылись, и собравшаяся за ними толпа завопила от восторга. Волна шума ударила в легион, и вознице Мария пришлось крепко дернуть за поводья, чтобы кони двинулись дальше.

Первородный вступил в Рим.

– Выбирайся наконец из постели, если хочешь увидеть триумф! Все говорят, зрелище будет великолепное. Твой отец и мать уже оделись, сопровождающие собрались, а ты все лежишься!

Корнелия открыла глаза и потянулась, не замечая, что соскользнувшее покрывало обнажило золотистое тело. Ее служанка, Клодия, раздвинула оконные занавеси, впуская в комнату свежий воздух и солнечный свет.

– Смотри, солнце уже высоко, а ты даже не оделась. Как не стыдно спать голой. А если бы я была мужчиной или вошел твой отец?

– Отец бы не вошел. Он знает, что, когда жарко, я сплю голая.

Все еще зевая, обнаженная Корнелия поднялась с постели и потянулась, как кошка, выгибая спину и хватая в кулачки воздух. Клодия подошла к двери спальни и опустила засов на случай, если кому-то вздумается заглянуть в комнату.

– Думаю, ты сначала окунешься, – сказала Клодия, – а уже потом оденешься.

В ее голосе слышалась любовь, которую не могла скрыть никакая притворная строгость.

Корнелия кивнула и босиком прошлепала в купальню. Идущий от воды пар напомнил ей, что все в доме трудятся с самого рассвета. Корнелия даже испытала легкий укол вины, однако это чувство рассеялось, когда она перекинула ногу через край и со вздохом опустилась в воду. Ей нравилась эта утренняя роскошь, которой она предавалась, не дожидаясь предусмотренного домашним распорядком дневного купания.

Клодия последовала за ней с охапкой полотенец. Заряженная невероятной энергией, она, казалось, никогда не останавливалась. Посторонний и не принял бы ее за рабыню – ни одежда, ни манеры не выдавали ее положения. Драгоценности у нее были настоящие, а выбор одежды – богатый.

– Быстро! Вытирайся вот этим и надевай мамилларе.

Корнелия застонала:

– Эта повязка слишком тесна для такой жары!

– Зато через несколько лет твои груди не будут висеть, как пустые мешочки! – фыркнула Клодия. – Вот тогда и скажешь спасибо, что носила ее в свое время. Вставай! Вылезай из воды, ленивица! И не забудь прополоскать рот.

Пока Корнелия вытиралась, Клодия разложила ее одежду и открыла серебряные коробики с краской и маслами.

– Надень вот это.

Корнелия подняла руки, и служанка опустила на нее длинную белую тунику.

Девушка пожала плечами, чтобы туника скользнула вниз, и села за стол, поставив перед собой овальное бронзовое зеркало.

– Вот бы завить волосы, – грустно вздохнула она, пропуская между пальцами густую, цвета темного золота, но – увы – прямую прядь.

– Тебе не пойдет, Лия. Да и некогда сегодня! Твоя мать и ее орнатрикс⁶ уже наверняка закончили. Мать будет тебя ждать. Так что сегодня не до ухищрений.

– Тогда нанеси немного охры на губы и щеки. Ты же не станешь мазать меня этими отвратительными свинцовыми белилами.

Клодия раздраженно фыркнула:

– Скрывать цвет лица тебе придется не раньше чем через несколько лет. Сколько тебе уже, семнадцать?

– Ты сама знаешь. Помнишь, как ты напилась на празднике? – улыбнулась Корнелия, стараясь не двигаться, пока служанка накладывала краску.

– Я веселилась, как все остальные. Выпить в меру – в этом нет ничего плохого, я всегда так говорила. – Клодия кивнула сама себе, растирая краски. – Теперь немного сурьмы вокруг глаз – пусть мужчины думают, что они темные и загадочные, – и займемся прической. Не трогай! Держи руки при себе, тогда и не размажешь.

Быстро и умело Клодия разделила темно-золотые пряди и собрала их сзади, открыв высокую, стройную шею Корнелии. Потом посмотрела на воспитанницу в зеркале и улыбнулась.

– Не пойму, почему твой отец до сих пор не нашел тебе мужа! Девушка ты красивая.

– Он сказал, что предоставляет мне выбрать самой, а мне никто пока не понравился, – ответила Корнелия, трогая заколки в волосах.

Клодия недовольно поцокала языком:

– Твой отец – хороший человек, но важно жить, как заведено. Давно бы нашел тебе молодого человека с хорошими видами на будущее. И был бы у тебя свой дом, и ты бы им управляла. Думаю, тебе бы понравилось.

– Когда это случится, я возьму тебя с собой. Иначе мне будет тебя не хватать, как... как наряда, который немного изнашивался и вышел из моды, но все равно удобный, понимаешь?

– Как чудесно, дорогуша, ты выражаешь мне свое расположение. – Клодия легонько шлепнула Корнелию по затылку и повернулась, чтобы взять плащ.

Плащ представлял собой квадратный, доходивший до колен отрез золотистой ткани. Чтобы он выглядел эффектно, его нужно было правильно задрапировать. К счастью, Клодия занималась этим уже много лет и вдобавок ко всему прекрасно знала предпочтения Корнелии.

– Он красивый, но тяжелый, – пробормотала девушка.

– Как и мужчины, дорогуша, в чем ты скоро сама убедишься, – с хитрой усмешкой ответила Клодия. – А теперь беги к родителям! Надо выйти пораньше, чтобы занять хорошее место. Мы пойдем в дом одного из друзей твоего отца.

– Отец, тебе бы стоило это увидеть! – прошептал Гай.

Они шли по улицам, выставленным темно-зеленым камышом. Надевшие самые лучшие, самые яркие одежды, горожане сбились в шумную, волнуемую толпу. И эта толпа взидала на них горящими, полными зависти глазами и тянула к ним руки. Все лавки, как и предсказывал Марий, были закрыты, и казалось, целый город устроил праздник, чтобы поглазеть на великого полководца. Гай был поражен как количеством зрителей, так и их энтузиазмом. Неужели люди позабыли, что всего лишь месяц назад эти же самые солдаты оружием прокладывали себе путь по этим же улицам? Марий говорил, что они уважают и признают только силу, и доказательством его правоты служили восторженные крики, эхом разлетавшиеся по узким улочкам.

Посмотрев вправо, Гай увидел в окне красивую женщину, бросившую ему цветы. Он поймал цветок, и толпа разразилась одобрительными воплями.

⁶ Орнатрикс – рабыня, занимавшаяся туалетом своей госпожи.

Никто не встал на пути триумфаторов, никто не преградил им дорогу. Урок месячной давности определенно пошел впрок, и между зеваками и солдатами как будто стоял невидимый барьер. Мало-помалу даже на лицах самых суровых легионеров проступили улыбки.

Марий восседал как бог и, положив крепкие руки на подлокотники золотого трона, улыбался толпе. Раб у него за спиной поднял венок из позолоченного лавра над его головой, и тень упала на лицо триумфатора. Все смотрели только на него. Привыкшие к шуму битвы лошади не обращали внимания на крики и даже на цветочные венки, которые вешали им на шеи некоторые отчаянные смельчаки.

Гай стоял рядом с великим человеком, и его переполняла гордость. Оценил бы это его отец? Скорее всего, нет, подумал Гай, и в его душе всколыхнулась печаль. Марий прав: прожить такой день – все равно что прикоснуться к богам. Он знал, что будет помнить это событие до конца жизни, и видел то же в глазах окружающих. Воспоминание об этом празднике наверняка будет еще долго согревать их души в самые темные зимы грядущих лет.

Примерно на середине маршрута Гай увидел стоящего на углу Тубрука. Взгляды их встретились, и Гай ощутил соединявшие их невидимые узы. Тубрук поднял приветственно руку, и Гай ответил тем же. Этот обмен жестами сразу же привлек внимание к Тубруку – люди глазели на него и спрашивали себя и друг друга, какое отношение он имеет к триумфаторам. Тубрук кивнул, и Гай ответил, проглотив подступивший к горлу комок. От избытка чувств закружилась голова, и он ухватился за спинку трона.

В какой-то момент Марий подал знак, и на повозку поднялись двое мужчин с мешочками из мягкой кожи. Их руки нырнули в мешочки и вынырнули с пригоршнями серебряных монет. Металлические кружочки с профилем консула полетели в толпу, которая бросилась собирать их, выкрикивая имя благодетеля. Марий тоже опустил руку в мешочек и вынул пригоршню серебра. Монеты полетели по высокой дуге, и люди кланялись, подбирая дары. Марий довольно улыбался, а они благословляли его.

Из низкого окна Корнелия видела бурлящую массу людей, радуясь, что они не там, не в толпе. Ее сердце дрогнуло, когда Марий подъехал ближе, и она закричала вместе со всеми. Марий был красив, а город любил героев.

Рядом с полководцем стоял юноша, слишком молодой, чтобы быть легионером. Корнелия даже подалась вперед, чтобы рассмотреть его получше. Он улыбался, и его голубые глаза сверкнули в ответ на что-то, сказанное Марием.

Повозка катилась мимо. Корнелия увидела, как полетели монеты и как люди бросились их подбирать. Ее отец, Цинна, фыркнул и язвительно заметил:

– Пустая трата денег. Рим любит бережливых полководцев.

Корнелия не ответила – она не сводила глаз со спутника Мария. Красивый парень, но было в его манере держаться что-то особенное, неуловимое... Пожалуй, внутренняя уверенность. Как говорила частенько Клодия, нет в мире ничего привлекательнее уверенности.

– Теперь все матери в Риме будут гоняться за этим юным петушком для своих дочерей, – прошептала стоящая рядом Клодия.

Корнелия покраснела, а служанка вскинула брови и улыбнулась.

Шествие длилось еще два часа, но Корнелия уже потеряла к нему интерес.

К тому времени, когда они достигли Форума, краски и лица смешались в одно пестрое пятно, легионеры были усыпаны цветами, а солнце поднялось к зениту. Марий приказал вознице остановиться у ступеней сената. Цокот копыт по каменным плитам отразился гулким эхом, шум улиц постепенно откатился назад. Оглядевшись, Гай увидел солдат Суллы, охраняющих входы на площадь, и толпы горожан вдалеке за ними.

После буйства красочных толп на ведущих к центру улицах вид площади показался Гаю вполне будничным.

– Останови здесь, – сказал Марий и встал с трона, чтобы посмотреть, как выходят на Форум его люди.

Шеренга за шеренгой легионеры заполнили всю площадь – от ее дальнего края до ступеней сената. Человеческий голос не мог дать команду, которую слышали бы все, и потому протрубил рог. Подошвы сандалий ударили о камень, и все замерли, как один человек. Марий горделиво улыбнулся и стиснул плечо стоящего рядом племянника.

– Запомни, ради этого мы сражаемся за тысячи миль от дома.

– Сегодняшний день я не забуду никогда, – ответил Гай.

Сойдя с повозки, Марий подошел к белому быку, которого удерживали четверо солдат. Рядом сопел и рвался из пут здоровенный кабан с черной щетиной.

Марий принял тонкую свечу и зажег благовоние в золотой чаше. Легионеры склонили головы; консул вышел вперед с кинжалом в руке и, негромко приговаривая, перерезал горло обоим животным.

– Через войну и мор проведите нас всех в наш дом, в наш город, – произнес Марий и вытер клинок о шкуру быка, который упал на колени, взревев от боли и страха.

Вернув кинжал в ножны, консул обнял племянника за плечи, и они вместе поднялись по широким белым ступеням. Здесь сосредоточилось все могущество мира. Покатая крыша покоилась на колоннах, каждую из которых не обхватили бы и трое мужчин. Саму же крышу украшали статуи.

Лестница вела к громадным бронзовым дверям, рядом с которыми даже Марий выглядел карликом. Казалось, они предназначались для защиты от вражеских армий. Однако, когда Марий и Гай достигли верхней ступени, двери бесшумно открылись изнутри. Марий кивнул, а Гай едва сдержал благоговейный вздох.

– Идем, парень, к нашим правителям. Не подобает заставлять сенаторов ждать.

Глава 16

Они выехали на рассвете, и по дороге к морю Марк несколько раз с удивлением замечал, что старый гладиатор необычно напряжен. За все время пути ни тот ни другой не произнесли ни слова. Марк проголодался и умирал от жажды, но признаваться в этом не хотел. Про себя он решил, что если Рений не собирается останавливаться до самого порта, то и он первым ни за что не сдастся.

Наконец, когда в свежем деревенском воздухе потянуло запахом дохлой рыбы и водорослей, Рений остановил коня, и Марк увидел, что его спутник заметно побледнел.

– Я задержусь, навещу одного приятеля. А ты поезжай дальше, в порт, найди комнату. Там постоялый двор...

– Я с тобой, – объявил Марк.

Рений поиграл желваками и, пробормотав «как пожелаешь», свернул с мощеной дороги на проселочную.

Несколько миль дорога вилась через лес. Заинтригованный, Марк не отставал от старика, но и не спрашивал, куда они направляются, и только держал меч наготове на случай появления лесных разбойников. Впрочем, меч против лука, как он сам понимал, – оружие не самое лучшее.

Солнце, появлявшееся порой в просветах между зелеными кронами, уже клонилось к горизонту, когда путники въехали в небольшую деревушку. Домов в ней было не больше двух десятков, но все выглядели добротными и ухоженными. В загонах расхаживали куры, на лужках паслись козы на привязи. Эта мирная картина убедила Марка, что опасаться здесь нечего.

Рений спешился.

– Войдешь? – спросил он, подходя к двери.

Марк кивнул и взялся привязывать лошадей к столбу. Когда он закончил, Рений уже вошел. Марк нахмурился и, держа руку на рукояти кинжала, последовал за ним. Внутри было довольно темно, но при тусклом свете свечи и едва теплящегося очага он увидел, как Рений обнимает здоровой рукой какого-то старика.

– Это мой брат Прим. Прим, это тот мальчишка, о котором я упоминал. Едет со мной в Грецию.

Хотя старику было, наверное, не меньше восьмидесяти, рукопожатие у него оказалось крепкое.

– Брат писал мне о ваших успехах – твоих и того, второго парня, Гая. Вообще-то, ему никто не нравится, но вы двое – еще меньше остальных.

Марк хмыкнул.

– Садись, парень. У нас впереди долгая ночь. – Хозяин подошел к очагу и положил на раскаленные угли длинную железную кочергу.

– Что происходит? – спросил Марк.

Рений вздохнул:

– Мой брат – бывший лекарь. Он отнимет мне руку.

Когда Марк понял, что произойдет сейчас у него на глазах, ему сделалось дурно. Кровь бросилась в лицо. Оставалось только надеяться, что Рений не расскажет брату, при каких обстоятельствах был ранен. Маскируя смущение, он быстро заговорил:

– Уверен, это могли сделать и Луций, и Кабера.

Рений жестом остановил его.

– Могли многие, но Прим – лучший.

Прим по-стариковски ххекнул, явив скудный набор зубов.

– Меньшой рубил людей на кусочки, а старшой сшивал заново! – бодро сказал он. – Давай добавим света.

Он взял масляную лампу, зажег ее от свечи, а потом повернулся и, прищурившись, посмотрел на Рения.

– Глаза у меня уже не те, но не покрасил ли ты волосы?

Рений вспыхнул.

– Не надо мне рассказывать, какие у тебя слабые глаза, – вспылил Рений. – Ты еще и не начал резать. Я просто хорошо несу свои годы.

– На удивление хорошо, – согласился Прим.

Из кожаной сумки он высыпал на стол инструменты и жестом предложил брату сесть. Глядя на пилы и иглы, Марк пожалел, что не послушался Рения и остался с ним, но теперь было слишком поздно. Рений сел, роняя со лба пот. Прим дал ему бутыл с какой-то бурой жидкостью, и старый гладиатор сделал несколько больших глотков.

– Возьми, парень, вон ту веревку и привяжи его к стулу. Мне не надо, чтобы он тут бушевал и ломал мебель.

Едва справляясь с тошнотой, Марк взял веревку и, к своему ужасу, обнаружил на ней следы давно засохшей крови. Стараясь ни о чем не думать, он занялся делом.

Через несколько минут Рений был обездвижен, и Прим влил ему в горло остатки неведомого пойла.

– Боюсь, больше у меня нет. Боль притупит, но не сильно.

– Да начинай уже! – рыкнул Рений сквозь стиснутые зубы.

Прим сунул ему в рот толстый кусок кожи и приказал закусить.

– По крайней мере, зубы сбережешь.

Он повернулся к Марку:

– Бери руку и держи покрепче, чтоб я быстрее отпилил.

Он проверил прочность веревок на запястье и локте. Потом вытащил из сумки зловещего вида нож, поднес его к свету и, прищурившись, осмотрел лезвие.

– Я сделаю надрез вокруг кости, потом еще один, пониже. Мы уберем мясо, потом перепилим кость и прижжем сосуды. Все надо сделать быстро, иначе он истечет кровью и умрет. Я оставлю лоскут кожи, чтобы завернуть культю. Первую неделю он не должен ее трогать, а потом каждое утро и каждый вечер нужно втирать мазь, которую я тебе дам. У меня нет кожаной чашечки для культи – вам придется сшить такую самим или купить.

Марк нервно сглотнул.

Некоторое время Прим ощупывал руку, потом поцокал языком и грустно покачал головой.

– Так и есть. Он ничего не чувствует. Мышцы перерезаны и начинают отмирать. Боевое ранение?

Марк невольно покосился на Рения. Глаза над оскаленными зубами горели как у безумца, и он отвернулся.

– Случай на занятии, – прохрипел Рений через кожаный кляп.

Прим кивнул и прижал нож к коже. Рений напрягся, Марк крепче стиснул его руку.

Точными, уверенными движениями Прим сделал глубокий надрез, остановившись только раз, чтобы промокнуть рану куском ткани и убрать сгустки крови. Марк боялся, что его вот-вот вырвет, но брат Рения держался совершенно спокойно и даже мычал что-то похожее на мелодию. Когда появилась белая кость в розовой оболочке, Прим довольно хмыкнул. Обнажив кость полностью, он приступил ко второму надрезу.

В какой-то момент Рений посмотрел на запачканные кровью руки брата и скривился в горькой гримасе. Потом стиснул зубы и уставился в стену, так что страх выдавала только легкая дрожь.

Кровь стекала на руки Марку, на стул, на пол. Из Рения вытекла уже целая поблескивающая в свете лампы лужа. Срезая и соскабливая ошметки мяса, Прим небрежно ронял их на пол.

– Об этом не беспокойся. У меня две собаки, которые очень обрадуются, когда я их впущу.

Марк отвернулся, и его наконец вырвало. Прим опять поцокал языком и сдвинул его руки. На ладонь выше локтя белела кость.

Рений шумно задышал через нос, и Прим прижал палец к шее брата, проверяя пульс.

– Я быстренько, – пробормотал он.

Рений кивнул, не отрывая взгляд от стены.

Прим встал, вытер руки о тряпицу, посмотрел брату в глаза и поморщился, обнаружив что-то, что ему не понравилось.

– Сейчас самое трудное. Когда я стану пилить кость, будет больно. И само ощущение не из приятных. Я постараюсь побыстрее. Парень, держи его крепко. Две минуты будь тверд как скала. И держи все свое при себе, понятно?

Бедняга Марк сделал глубокий вдох. Прим достал пилу с тонким лезвием и деревянной рукоятью, немного напоминавшую кухонный нож.

– Готовы?

Оба согласно промычали, и Прим начал пилить, так быстро работая локтем, что движения почти сливались.

Рений замер, напрягшись всем телом и вырываясь из пут. Марк держал гладиатора так, словно от этого зависела его жизнь, и моргал всякий раз, когда окровавленные пальцы соскальзывали с руки и пила застревала.

Внезапно рука отделилась. Рений взглянул на нее и сердито рыкнул. Прим вытер пальцы и прижал к ране тряпицу. Потом жестом приказал Марку подержать тряпку, а сам принес

железную кочергу, которая все это время лежала на углях. Конец ее раскалился докрасна, и Марк заранее сморщился.

Убрав тряпицу, Прим принялся быстро тыкать раскаленным железом в те места, откуда текла кровь. Мясо шипело, воняло ужасно. Марка снова стошнило на пол, но на этот раз вырвало одной желчью.

– Положи кочергу на угли, быстро. Я подержу тряпку, пока нагреется.

Марк, пошатываясь, встал, взял кочергу и сунул в очаг. Рений уронил голову на грудь, кожаный кляп выпал из безвольного рта.

Прим отнял тряпку от раны, и кровотечение открылось снова. Он с чувством выругался.

– Пропустил половину сосудов! Раньше мог прижечь все с первого раза, но уже несколько лет этим не занимался и потерял навык. Все нужно сделать как следует, иначе рана сама себя отравит. Готово?

Марк достал кочергу – кончик был еще черный.

– Нет. С ним все будет в порядке?

– Нет, если я не закрою рану должным образом. Сходи, принеси дров.

Марк с радостью воспользовался предложением и, поспешно выйдя, постарался отдышаться. Уже почти стемнело – боги, сколько же времени прошло? У стены за углом спали на привязи два больших пса. Он поежился и взял несколько поленьев из кучи возле них. Собаки проснулись и негромко зарычали, но не встали. Не глядя на них, Марк вернулся в дом и бросил в очаг два полена.

– Принеси кочергу, как только конец покраснеет, – пробормотал Прим, прижимая тряпку к кровоточащему обрубку.

Марк старался не смотреть на отпиленную руку. Отдельно от тела она производила жуткое впечатление, тошнота снова подкатилась к горлу. Он поспешно отвернулся к очагу.

Кочергу пришлось нагревать еще раз, пока Прим не удовлетворился результатом. Марк знал, что это шипение останется с ним навсегда. Справившись с дрожью, он помог забинтовать обрубок чистыми холщовыми полосками. Вместе они подняли Рения и положили на соломенный тюфяк в другой комнате. Марк присел на краешек, вытер пот с глаз и с облегчением выдохнул – все кончилось.

– Что будет с... этим?

Он жестом указал на все еще привязанную к стулу руку.

Прим пожал плечами:

– Отдавать ее собакам как-то нехорошо. Наверное, закопаю где-нибудь в лесу. Иначе сгниет и будет вонять. Правда, есть такие, кто забирает свое. Рука хранит так много воспоминаний. Пальцы помнят, как обнимали женщин и трепали по голове детей. Что и говорить, потеря большая, но мой брат – сильный человек. Надеюсь, переживет.

– Наш корабль уходит через четыре дня, с приливом, – сказал Марк.

Прим потер подбородок:

– Сидеть на лошади он сможет. Слабость пройдет через несколько дней, но вообще он крепок как бык. Вот держать равновесие будет труднее. Придется многое начинать заново. Вам долго плыть?

– Месяц при попутном ветре.

– Используйте это время. Занимайся с ним каждый день. Быть беспомощным не нравится никому, а уж моему брату и подавно.

Глава 17

Марий остановился у внутренних дверей сената.

– Тебе входить нельзя до тех пор, пока ты не будешь признан римским гражданином, и даже тогда сможешь войти только как мой гость. Я назову твое имя и коротко тебя представлю. Это обычная условность, не более того. Жди. Я вернусь и покажу, где можно сесть.

Гай спокойно кивнул и отступил в сторону. Марий постучал и, когда двери открылись, вошел. Гай остался один и, не зная, чем занять себя, прошелся взад-вперед.

Минуло минут двадцать, и он забеспокоился – из-за чего задержка? Внешние двери остались открытыми, и Гай, подойдя к ним, увидел стоящих на площади солдат. Выглядели они внушительно и, несмотря на полуденную жару, стояли, вытянувшись по струнке. Отсюда, с высоты, Гай видел не только весь Форум, но и улицы за ним с их обычной, повседневной суетой. От наблюдений его отвлек скрип дверей.

– Добро пожаловать, Гай. – Марий подошел к племяннику. – Теперь ты римский гражданин. Отец гордился бы тобой. Идем, сядешь рядом со мной и послушаешь, какие дела сегодня обсуждают. Полагаю, тебе будет интересно.

Гай вошел в зал вслед за Марием и сразу привлек к себе взгляды сенаторов. Двое или трое кивнули – возможно, они хорошо знали его отца, – и Гай решил запомнить их лица на случай, если потом доведется с ними говорить. Он огляделся, стараясь не выдать любопытства. Подумать только, к голосу этой горстки людей прислушивается весь мир.

Внутреннее устройство зала напоминало цирк в миниатюре, подумал он, сядя на указанное Марием место. Пять ступенчатых ярусов опоясывали центральный круг, откуда ораторы – по одному – могли обращаться к присутствующим.

Сиденья были снабжены черными деревянными подлокотниками. Все сенаторы носили белые тоги, и, может быть, поэтому создалось впечатление, что зал – это огромный рабочий кабинет, место, до предела заряженное энергией. Большинство мужчин были седоволосы, но встречались и молодые лица. Несколько человек стояли, и Гай предположил, что они ждут своей очереди, чтобы поднять какой-то вопрос или высказать свое мнение.

Стоявший в центре зала Сулла говорил о налогах и пшенице. Заметив, что Гай смотрит на него, он улыбнулся, и юноша ощутил силу в самом этом взгляде. Мгновения хватило, чтобы понять – этот человек равен Марию. Вот только найдется ли в Риме место для двоих таких? Гай видел его на играх, и теперь Сулла выглядел так же – белая тога с пурпурной каймой, смазанные маслом и поблескивающие волосы цвета темного золота. Здоровье и жизненная сила били в нем ключом, и в то же время он был спокоен и расслаблен.

Гай сел рядом с Марием.

Сулла сдержанно откашлялся в кулак.

– Принимая во внимание, что сегодня на повестке дня более серьезные вопросы, предлагаю отложить обсуждение налогов на следующую неделю. Никто не возражает? – Стоявшие с невозмутимым видом вернулись на свои места, и Сулла снова улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. – Я приветствую нового гражданина и от имени сената выражаю надежду, что он будет служить городу так же хорошо, как его отец. – По залу прокатился одобрительный ропот, и Гай слегка наклонил голову в знак признательности. – Однако с формальностями придется повременить. Сегодня утром я получил известие о грозящей Риму опасности. – Он помолчал, терпеливо ожидая тишины. – Понтийский царь Митридат напал на наши посты в Малой Азии. В его распоряжении, вероятно, не менее восьми тысяч человек. Очевидно, он посчитал, что наши силы растянуты, и сделал ставку на нашу слабость и неспособность вернуть завоеванную территорию. Если не принять мер для отражения нападения, есть риск, что армия Митридата укрепитесь, численно вырастет и начнет угрожать безопасности наших греческих владений.

Несколько сенаторов встали, зазвучали громкие голоса, разгорелись споры. Сулла поднял руки, призывая к тишине.

– Нам нужно принять решение! Те легионы, что уже находятся в Греции, заняты на неспокойных границах. Справиться с новой угрозой им не по силам ввиду нехватки людей. Мы не

можем оставить город без защиты, тем более после недавних волнений, но не менее важно отправить войско, чтобы дать отпор Митридату. Греция ждет нашего ответа – и этот ответ должен быть быстрым и решительным.

Сенаторы согласно закивали. Римское государство строилось не на осторожности и компромиссах. Гай вдруг повернулся и посмотрел на Мария. Консул сидел, сжав кулаки, с напряженным, хмурым лицом.

– У нас здесь две армии, под моим командованием и под командованием Мария, – продолжал Сулла. – Мы на несколько месяцев пути ближе к месту, чем все находящиеся на севере легионы. Я выношу на голосование вопрос, кто из нас отправится навстречу врагу.

Он бросил быстрый взгляд на Мария, и Гай впервые увидел мелькнувшую в его глазах злобу. Марий поднялся, и все умолкли. Те, что успели встать, сели, уступая право говорить другому консулу. Марий заложил руки за спину, и Гай увидел, как побелели костяшки его пальцев.

– Я не вижу изъянов в предлагаемом Суллой плане действий. Положение ясно: нам нужно разделить силы для защиты Рима и чужестранных владений. Я хочу спросить Суллу, вызовется ли он отправиться за море и изгнать неприятеля.

Взгляды всех устремились на Суллу.

– В этом вопросе я полагаюсь на суждение сената. Я – слуга Рима. Мои личные предпочтения значения не имеют.

Марий принужденно улыбнулся, и напряжение между консулами заметно возросло.

– Согласен, – громко и отчетливо произнес он и сел.

Сулла с явным облегчением обвел взглядом сводчатый зал.

– Тогда выбор прост. Я назову сначала один легион, потом другой. Голосующие «за» встанут и будут сосчитаны. В вопросах, касающихся безопасности Рима, воздержавшихся быть не должно. Все согласны?

Три сотни сенаторов сдержанно выразили свое почтительное согласие, и Сулла улыбнулся. Гай ощутил холодок страха. Сулла выдержал долгую паузу, словно получал удовольствие от нарастающего напряжения. Наконец в тишине прозвучало одно-единственное слово:

– Первородный.

Марий положил руку на плечо Гаю:

– Сегодня, парень, ты не голосуешь.

Оставшись на месте, Гай посмотрел по сторонам: сколько же человек встанет? Марий спокойно смотрел на Суллу, словно голосование не имело для него никакого значения. Люди вставали и вставали, и Гай решил, что дядя проиграл. Наконец шум прекратился. Все, кто хотел, уже поднялись. Гай посмотрел на человека, стоящего в середине зала, и увидел, как спокойная уверенность на красивом лице Суллы сменяется сомнением и, наконец, яростью. Консул посчитал голосующих и попросил двух человек провести пересчет. Расхождений не обнаружилось.

– Сто двадцать один человек высказался за то, чтобы против неприятеля выступил Первородный легион.

Сулла закусил губу и впился ненавидящим взглядом в Мария. Тот пожал плечами и отвернулся. Проголосовавшие сели.

– Второй Жаворонков, – произнес негромко Сулла, но в зале, построенном мастерами своего дела, его голос был слышен всем.

Сенаторы снова встали, и Гай увидел, что их большинство. Каков бы ни был план Суллы, он провалился. Нетерпеливым взмахом руки консул усадил сенаторов, не потрудившись даже посчитать голосующих и сделать соответствующую запись. Какое-то время ему понадобилось, чтобы взять себя в руки, однако, заговорив, он снова был спокоен и излучал обаяние.

– Сенат принял решение. Я – слуга сената, – сухим, бесстрастным голосом сказал Сулла. – Полагаю, в мое отсутствие городскими казармами воспользуются солдаты Мария?

– Да, – коротко, без всякого выражения подтвердил Марий.

– Поскольку поддержку нам окажут войска в Малой Азии, не думаю, что кампания затянется надолго. Я вернусь в Рим, как только раздавлю Митридата. Вот тогда мы и решим будущее этого города. – Последнюю фразу он произнес, глядя в упор на Мария, так что сомневаться в смысле высказанного предостережения не приходилось. – Мои люди освободят казармы к сегодняшнему вечеру. У нас есть еще дела? Тогда доброго всем дня.

Сулла вышел из зала в сопровождении группы сторонников. И сразу же напряжение спало, и все оживились: кто-то усмехался, кто-то задумчиво переглядывался.

Марий поднялся со своего места, и все мгновенно затихли.

– Спасибо за доверие. Я буду защищать этот город от всех, кто попытается в него войти.

Обещание было сформулировано таким образом – и Гай сразу отметил это про себя, – что в число тех, от кого Марий намеревался защищать город, вполне мог попасть по возвращении из похода и сам Сулла.

Сенаторы столпились вокруг его дяди, некоторые пожимали ему руку, открыто поздравляя с победой. Одной рукой Марий притянул Гая к себе, другой взял за плечо худощавого мужчину, который улыбнулся им обоим.

– Красс, это мой племянник Гай. Глядя на него, не скажешь, но этот человек – один из самых богатых людей Рима.

У Красса была длинная и тонкая шея, на которой рискованно покачивалась голова с теплыми карими глазами, поблескивавшими в густой паутине тонких морщинок.

– Я и вправду благословен богами. А еще у меня две красивые дочери.

– Одна и впрямь хорошенькая, – усмехнулся Марий, – но вторая пошла в отца!

Гай внутренне содрогнулся, но Красса эти слова будто и не задели вовсе.

– К сожалению, она и в самом деле немного костлява. – Он печально улыбнулся. – Придется дать за ней хорошее приданое, чтобы соблазнить римскую молодежь. – Он повернулся к Гаю и протянул руку. – Рад познакомиться, юноша. Станешь полководцем, как твой дядя?

– Да, – серьезно ответил Гай.

Красс улыбнулся:

– Тогда тебе понадобятся деньги. Придешь ко мне, когда потребуется денежная поддержка?

Гай коротко пожал протянутую руку, и Красс исчез в толпе.

Марий наклонился и прошептал Гаю на ухо:

– Молодец. Он всегда был мне верным другом, и он невероятно богат. Договорюсь, чтобы принял тебя в своем поместье – оно поражает роскошью. А теперь я хочу познакомить тебя еще с одним человеком. Пойдем со мной.

Гай пошел за ним, пробираясь через тесные группки сенаторов, которые обсуждали события дня и унижение Суллы. Марий жал руку каждому, кто попадался на глаза, спрашивал о семье и отсутствующих друзьях. За собой консул оставлял череду улыбающихся лиц.

На другой стороне зала негромко беседовали о чем-то трое мужчин. Увидев подошедших Мария и Гая, они замолчали.

– Вот тот, о ком я говорил, – весело сказал Марий. – Гней Помпей, человек, которого его сторонники называют лучшим римским полководцем нашего времени, – разумеется, когда я болен или меня нет в городе.

Приветливо улыбаясь, Помпей поздоровался с обоими. В отличие от тощего Красса, он был немного полноват, но при высоком росте полнота не портила, а придавала солидности и

значительности. Гай предположил, что ему не больше тридцати, отчего его заслуги выглядели еще более впечатляющими.

– Вне всяких сомнений! – ответил Помпей. – Воистину я творю чудеса на поле битвы. Наблюдая за моими маневрами, даже самые суровые мужчины роняют слезу.

Марий рассмеялся и хлопнул его по плечу.

Помпей смерил Гаю оценивающим взглядом.

– Твой юный двойник, а, старый лис? – обратился он к Марию.

– Иначе и быть не может с моей-то кровью в жилах?

Помпей сцепил руки за спиной.

– Твой дядя сегодня страшно рисковал, решив вытеснить Суллу из Рима. Что ты об этом думаешь?

Марий начал было отвечать, но Помпей поднял руку.

– Пусть скажет он, старый лис. А я посмотрю, что он из себя представляет.

Гай ответил без колебаний и даже сам удивился тому, как легко нашлись нужные слова.

– Пойти против Суллы – опасный ход, но мой дядя любит азартные игры. Сулла служит Риму и драться с чужестранным царем будет хорошо. А когда вернется, им с дядей придется договариваться. Возможно, нам удастся расширить казармы, чтобы они вместили оба легиона.

Помпей моргнул и повернулся к Марию:

– Он что, глупец?

Марий усмехнулся:

– Ничуть. Просто не знает, доверяю я тебе или нет. Подозреваю, парень уже догадался о моих планах.

– Так что сделает твой дядя, когда Сулла вернется? – прошептал Помпей Гаю на ухо.

Гай огляделся и не увидел никого, кто мог бы подслушать, за исключением этих троих, которым Марий определенно доверял.

– Он закроет ворота. Если Сулла попытается войти силой, сенат объявит его врагом Рима. Ему придется либо начать осаду, либо отступить. Думаю, он подчинится Марию, как и подобает полководцу.

Помпей согласно кивнул:

– Опасный путь, Марий, как я и сказал. Открыто я поддерживать тебя не могу, но негласно сделаю все, что потребуется. Мои поздравления с прекрасным триумфом. Ты выглядел великолепно.

Он подал знак своим приятелям, и они отошли.

Гай хотел сказать что-то, но Марий покачал головой.

– Давай-ка выйдем, здесь все пропахло кознями и происками. – Они направились к дверям, а когда вышли, Марий приложил палец к губам, предупреждая возможные вопросы племянника. – Не здесь. Слишком много ушей.

Гай оглянулся и заметил поблизости нескольких сенаторов, сторонников Суллы, которые посматривали в их сторону с откровенной враждебностью. Вслед за Марием он спустился на площадь, и они сели на каменные ступени в сторонке, чтобы их не услышали. Неподалеку все еще стояли навытяжку легионеры Первородного, казавшиеся неуязвимыми в своих сияющих доспехах. Сидеть спокойно и даже несколько расслабленно в присутствии тысяч вооруженных людей – в этом было что-то странное.

Гай не мог больше сдерживаться, его распирало от любопытства.

– Как тебе удалось добиться перевеса в голосовании?

Марий рассмеялся и вытер вдруг выступивший на лбу пот.

– Расчет, мой мальчик. Я узнал о высадке Митридата почти сразу, как это произошло, за несколько дней до того, как об этом стало известно Сулле. А чтобы убедить колеблющихся в сенате проголосовать за меня, использовал самый старый в мире рычаг. И все же полной

уверенности не было до самого конца. Победа стоила мне целого состояния, но с завтрашнего утра Рим в моих руках.

– Он ведь вернется, – предупредил Гай.

Марий фыркнул:

– Через полгода, а то и позже. Если не сложит голову на поле боя. А может, его разобьет Митридат – говорят, тот еще хитрец. И даже если Сулла покончит с ним вдвое быстрее и его принесет попутный ветер, у меня будет несколько месяцев на подготовку. Уйдет он легко и беспрепятственно, но обратно войдет только с боем – это я тебе говорю.

Услышав подтверждение своих мыслей, Гай недоверчиво покачал головой:

– И что теперь? Возвращаемся в твой дом?

В ответ Марий печально улыбнулся:

– Нет. Я был вынужден продать его, чтобы заплатить тем, кто меня поддержал. Сулла уже начал подкупать сенаторов, так что пришлось предлагать вдвое больше. Я потратил все, что у меня было, лишился всего, кроме коня, меча и доспехов. Похоже, я первый полководец Рима, ставший бедняком!

Он тихо рассмеялся.

– Если бы ты проиграл, то потерял бы все! – прошептал Гай, пораженный ставками в этой игре.

– Но я не проиграл! Рим мой, а перед нами стоит мой легион.

– А что бы ты делал, если бы все-таки проиграл?

Марий презрительно хмыкнул:

– Отправился бы на войну с Митридатом – что же еще? Разве я не слуга Рима? Можно только благодарить богов за то, что сенаторы ценят золото превыше всего. Они думают о новых лошадях и рабах, но они никогда не были так бедны, как я. Я ценю золото только за те возможности, которое оно мне дает. Вот почему я здесь, на этих ступенях, и за моей спиной – величайший город мира. Не унывай, парень, этот день – для празднования, а не для сожалений.

– Дело не в этом. Я просто подумал, что Марк и Рений едут на восток, в Четвертый Македонский. Они вполне могут столкнуться нос к носу с Митридатом.

– Надеюсь, ничего такого не случится. Эти двое проглотят его зараз и не поперхнутся, а мне нужно, чтобы и Сулле было чем заняться.

Гай рассмеялся, и они встали. Марий окинул взглядом своих солдат, и юноша ощутил его гордость и радость.

– Удачный выдался денек. Ты познакомился с влиятельными людьми, а меня поддержал сенат, и народ выразил мне свою любовь. Кстати, что там с твоей красоткой, этой девушкой-рабыней? Я бы ее продал на твоём месте. Одно дело покувыркаться с девчонкой парочку раз, но ты, похоже, влюбился не на шутку, а это до добра не доведет.

Гай закусил губу и отвел глаза. Неужели все так очевидно?

Марий же беспечно продолжал, не замечая смущения племянника:

– Ты уже с ней переспал? Нет? Переспи, может, легче станет. Если хочешь для начала набраться опыта, я знаю тут пару сносных заведений. Будешь готов, только скажи.

Щеки и уши горели, и Гай не ответил. Марий с гордостью обвел взглядом шеренги Первородного легиона.

– Ну что, не отвести ли нам людей в городские казармы? Думаю, после всех этих шествий и стояния на солнце они заслужили сытный ужин и добрый сон.

Глава 18

Глядя на Средиземное море, Марк вдыхал теплый соленый воздух. Он провел в море всего неделю и уже мучился от скуки. За это время он изучил каждый дюйм маленького торго-

вого судна и даже помогал считать в трюме амфоры с густым маслом и доски эбенового дерева из Африки. Потом его внимание привлекли крысы, сотни которых обитали под палубой. Два дня Марк подстерегал их, вооружившись кинжалом и мраморным пресс-папье, позаимствованным из капитанской каюты. После того как он сбросил за борт десятки тушек, мерзкие грызуны научились узнавать его то ли по запаху, то ли по осторожной походке и, едва Марк опускал ногу на трап, прятались в дырах и самых глубоких щелях деревянного корпуса судна.

Он вздохнул и посмотрел на закат, в очередной раз любуясь волшебными красками опускающегося в воду солнца. Как пассажир, он мог на протяжении всего путешествия оставаться в каюте. Рений, судя по всему, выбрал именно такой вариант. Марку же крошечный, тесный закуток надоел настолько, что он пользовался им исключительно для сна.

Капитан разрешил ему стоять на вахте, и он даже попробовал себя в роли кормчего, ворочая двумя тяжелыми рулевыми веслами. Скука отступила, но ненадолго.

– Еще пару недель – и я протяну ноги, – пробормотал он себе под нос, вырезая на деревянной балке свои инициалы.

За спиной послышался шаркающий звук, но Марк не обернулся, а только улыбнулся и продолжал любоваться закатом. Некоторое время стояла тишина, потом ее нарушил другой звук, произвести который могло маленькое, устраивающееся поудобнее существо.

Он обернулся и, не поднимая руки, снизу, как учил когда-то Рений, метнул нож. Нож вонзился в мачту и задрожал. Испуганный писк... мелькание в темноте грязных белых ног... Кто-то попытался еще глубже забиться в тень, сделаться еще незаметнее, еще тише.

Марк подошел к мачте, вырвал нож, сунул в ножны на поясе и, прищурившись, взгляделся в темноту.

– Выходи, Пеппис! Я знаю, что ты там! – сказал он. Кто-то шмыгнул носом. – Я бы не стал бросать нож в тебя, это была шутка. Честное слово.

Из-за сваленных грудой мешков выбрался мальчонка, тощий, кожа да кости, и до невозможности грязный. В глазах его был страх.

– Я просто смотрел, – боязливо признался Пеппис.

Приглядевшись, Марк заметил у него под носом корочку засохшей крови и темный синяк под глазом.

– Тебя опять били? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал дружелюбно.

– Немножко, но я сам виноват. Споткнулся о канат, и узел развязался. Я не хотел, но первый помощник сказал, что покажет мне, как быть неуклюжим. Я ответил, что показывать не надо, что я и так знаю, вот он меня и побил.

Мальчишка снова шмыгнул и вытер нос тыльной стороной ладони, на которой остался влажный след.

– Почему бы тебе не сбежать в каком-нибудь порту? – спросил Марк.

Пеппис выпятил грудь так, что под кожей, будто белые палочки, проступили ребра.

– Ну уж нет! Вот вырасту и стану моряком. Я смотрю на них и учусь всему. Умею завязывать разные узлы. И тот узел мог бы сегодня завязать заново, если бы первый помощник мне разрешил, но он же не знал.

– Хочешь, я поговорю с ним? Скажу, чтобы он тебя не бил?

Пеппис еще больше побледнел и замотал головой:

– Если скажешь, он меня убьет! Или сейчас, или на обратном пути. Он все время грозит, говорит, что, если я не выучусь на моряка, сбросит меня за борт, когда я буду спать. Поэтому я и сплю тут, на палубе. И всегда в разных местах, чтоб не знал, где меня найти.

Марк вздохнул. Мальчишку было жалко, но как ему помочь? Даже если выбросить за борт главного мучителя, за Пепписа возьмутся остальные. В травле участвовали все. Когда Марк поделился своей озабоченностью с Рением, старый гладиатор рассмеялся и объяснил, что такой мальчишка есть на каждом корабле. Но смотреть спокойно на эти издевательства

Марк не мог. Он хорошо помнил, что значит оказаться во власти мерзавцев вроде Светония. Если бы ту волчью яму выкопал он, а не Гай, то забросал бы Светония камнями. Марк снова вздохнул, встал и потянулся, разминая затекшие члены.

Что бы стало с ним самим, если бы родители Гая не позаботились о нем и не взяли его к себе? Он вполне мог оказаться на каком-нибудь торговом судне, в положении таком же ужасном, как Пеппис. Не научился бы драться и защищать себя, а из-за постоянного недоедания остался бы слабым и болезненным.

– Слушай, – сказал он, – если не хочешь, чтобы я поговорил с командой, то позволь, по крайней мере, поделиться с тобой едой. Я все равно ем мало, особенно когда море неспокойно, – договорились? Никуда не уходи, я сейчас принесу тебе чего-нибудь.

Пеппис, немного ободренный его обещанием, молча кивнул, и Марк спустился в свою каюту за сыром и хлебом. Вообще-то, он и сам успел проголодаться, но мог потерпеть, тогда как мальчишка, похоже, умирал с голоду.

Оставив Пепписа уплетать хлеб с сыром, Марк отправился на корму, к рулевым веслам. Обычно первый помощник заступал на вахту около полуночи. Как и Пеппис, Марк не знал его имени и слышал, что другие называют его только по должности – «помощник». Со своими обязанностями этот человек справлялся, похоже, неплохо и команду держал в жестких руках. Небольшое судно под названием «Люцида» пользовалось хорошей репутацией, поскольку груз обычно доставлялся в целости и сохранности. Многим торговцам приходилось закрывать глаза на воровство, чтобы не вызывать недовольства команды. На «Люциде» такого почти не бывало.

У Марка отлегло от сердца, когда он увидел, что помощник уже занял свое место и орудует одним из рулевых весел, удерживая судно против течений и одновременно вполголоса переговариваясь с другим кормчим.

– Хороший вечер, – сказал Марк, подходя ближе.

Помощник пробурчал что-то и кивнул. Ему приходилось быть вежливым с теми, кто платил за проезд, но дальше его любезность не шла. Силы ему было не занимать, поскольку весло он держал одной рукой, тогда как его товарищ налегал на свое всем телом и задействовал оба плеча. На замечание Марка этот второй никак не отреагировал. Марк не раз видел его на палубе – высокий, с длинными руками и бритой головой. Он смотрел вперед, прямо перед собой, полностью поглощенный работой.

– Я бы хотел выкупить одного из членов команды. С кем мне поговорить? – спросил Марк дружелюбным тоном.

Помощник моргнул от неожиданности, и две пары глаз уставились на юного римлянина.

– Мы свободные люди, – сказал кормчий с бритой головой, не скрывая неприязни.

Марк ничуть не смутился:

– Конечно, я не имел в виду никого из вас! Я про мальчишку, Пепписа. Его нет в списках команды. Я проверил и подумал, что он, может, продается. Мне нужен кто-то, кто носил бы меч...

– Я видел тебя на палубе, – рыкнул первый помощник. – Ты там кривился, когда мы учили мелкого жизни. Добренький, да? Наверное, считаешь, что мы слишком суровы. Или хочешь оставить его себе на забаву?

Марк медленно усмехнулся, показав зубы:

– О как! Смахивает на оскорбление, мой друг. Давай отпусти весло, чтобы и я тебя поучил жизни.

Помощник едва открыл рот, чтобы ответить, как Марк ударил. На какое-то время «Люцида» сбилась с курса в ночном море.

– Просыпайся! – Рений бесцеремонно потрянул Марка за плечо. – Тебя капитан хочет видеть.

Марк застонал. Его лицо, грудь и плечи представляли собой сплошной синяк. Подойдя ближе, Рений тихонько свистнул. Марк встал и, морщась от боли, начал одеваться. Нашупав языком шатающийся зуб, он вытащил из-под кровати горшок с водой и сплюнул кровавую слизь.

Несмотря на свое состояние, Марк с удовлетворением заметил, что Рений надел нагрудник, взял меч и наложил на культю свежую повязку. Мрачное настроение, в котором старик пребывал последнюю неделю, похоже, улетучилось. Когда Марк надел тунику и завернулся в плащ от холодного утреннего ветра, Рений открыл дверь.

– Ночью кто-то избил первого помощника и вместе с ним еще одного, – бодро сообщил старый гладиатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.